

Мы предлагаем вашему вниманию очередную книгу Этьена Кассе, посвященную расследованию нового попавшего в руки историков-мидиевистов артефакта — так называемого Евангелия от Иуды. Сообщения о том, что найден новый текст, расшифровав который можно будет ответить на многие вопросы библейской и церковной истории, взбудоражили весь научный мир и простых обывателей, которые привыкли к тому, что Иуде в Писании отводится определенная роль, а его поцелуй стал метафорой изысканного вероломства. Не удивительно, что данная информация заинтересовала и охотника за сенсациями и мастера журналистского расследования Кассе. Результатом его работы стала новая книга, представляющая собой своеобразный отчет об очередных изысканиях автора и его друзей в области библеистики. Надеемся, что предложенная вам новинка не разочарует вас и в очередной раз заставит задуматься о том, так ли уж незыблем тот устоявшийся мир, в котором мы по каким-то соображениям предпочитаем жить, не пересматривая его. Может быть, имеет смысл, как Кассе, не принимать на веру никакой информации, все подвергать сомнению и в конечном итоге строить собственную картину мира?

Этьен Кассе
Евангелие от Иуды

Имя французского журналиста Этьена Кассе уже достаточно хорошо известно в России. Его скандальные расследования, рискованные репортажи, заключения на грани фола снискали ему лавры сродни лаврам Дэна Брауна — в особенности после публикации книги «Ключ Соломона». Издательством «Вектор» заключен эксклюзивный договор с Кассе на публикацию его произведений в нашей стране; именно благодаря нашим стараниям, самоотверженной деятельности наших переводчиков и редакторов все новинки автора становятся доступны отечественной читательской аудитории буквально с пылу с жару.

Президент международной Лиги независимых журналистов Айрис Либерстоун отзывается о книгах Кассе так:

Что привлекает в Кассе? В первую очередь, смелость и дерзость при освещении проблем, о которых принято высказываться с набившими оскомину почтением и придыханием. У этого парня четко выраженная жизненная позиция, которая проявляется во всех его работах. Они могут быть более или менее удачными, — Этьену свойственно ошибаться, как и каждому живому человеку. Это нормально, не ошибается только тот, кто отсиживается и отмалчивается, не пытаясь обозначить свое видение той или иной проблемы.

К сожалению, среди журналистской братии конформизм и работа в определенной заданной парадигме — далеко не редкое явление. Этьен бескомпромиссен и неподкупен — это его вторая отличительная особенность. Естественно, его книги приносят ему неплохие гонорары. Естественно, он не работает бесплатно. Но его точка зрения никем не ангажирована; согласитесь, сегодня непроплаченный писака, который дерзает говорить то, что думает по всем вопросам, — явление практически эксклюзивное. В-третьих, это дьявольски успешный и талантливый сукин сын, у которого прямо-таки какое-то сумасшедшее чутье на скандальные темы и разбирательства. Иному журналюге и за всю жизнь не ввязаться в такое количество авантур, в какое Кассе сумел влипнуть в свой тридцатник с небольшим.

Лично я его очень люблю: он славный малый, его работоспособности может позавидовать кто угодно. Только идиоты думают, что кому-то удача сама идет в руки. Без везения, конечно, далеко не уедешь, это факт. Но, с другой стороны, человек должен быть настоящим фанатом своего дела, чтобы прокручивать такие шутки, которые прокручивает Кассе; он должен работать не на деньги, а на результат, идя на любые жертвы, пускаясь во все тяжкие, бесконечно рискуя... и в конечном итоге выигрывая. Он настоящий трудоголик, он по-хорошему одержимый, сумасшедший, который вживается в каждую свою идею и живет в ее пространстве до тех пор, пока не исчерпает тему.

Этьен Кассе — представитель профессиональной журналистской элиты, перед которым я и мои коллеги почтительно снимаем шляпы. Кассе — это бренд, Кассе — это гарантия качества, Кассе — это точное указание на то, что тебе снова улыбнулась удача погрузиться в мир безумного журналистского расследования. И еще — он всегда ироничен, не относится к себе как к истине в последней инстанции, полон чувства юмора и кипучей жизненной энергии, которой буквально заражает своих читателей. Кассе — это человек-зажигалка, человек-фейерверк; им невозможно не восхищаться; невозможно не заразиться его идеями, его искрометным оптимизмом, его

неутомимостью.

Итак, мы предлагаем вашему вниманию очередную книгу Этьена Кассе, ^[1]посвященную расследованию нового попавшего в руки историков-мидиевистов артефакта — так называемого *Евангелия от Иуды*. Сообщения о том, что найден новый текст, расшифровав который можно будет ответить на многие вопросы библейской и церковной истории, взбудоражили весь научный мир и простых обывателей, которые привыкли к тому, что Иуде в Писании отводится определенная роль, его поцелуй стал метафорой изысканного вероломства и т. д. Не удивительно, что данная информация заинтересовала и охотника за сенсациями и мастера журналистского расследования Кассе. Результатом его работы стала новая книга, представляющая собой своеобразный отчет об очередных изысканиях автора и его друзей в области библеистики. Надеемся, что предложенная вам новинка не разочарует вас и в очередной раз заставит задуматься о том, так ли уж незыблем тот устоявшийся мир, в котором мы по каким-то соображениям предпочитаем жить, не пересматривая его. Может быть, имеет смысл, как Кассе, не принимать на веру никакой информации, все подвергать сомнению и в конечном итоге строить собственную картину мира?

Думаем, каждый из вас, наших читателей, возьмет от данной книги то, что ему понадобится. Кому-то будет просто любопытно почитать о новых похождениях шайки оторванного журналиста, ^[2]кого-то привлекут исторические экскурсы и публикация уникальных материалов, а кто-то не по-детски задумается, возможно, о системе своих ценностей, возвращенной на традиционной парадигме. Нам кажется, что любое прочтение имеет право на существование. Оставайтесь с нами, и мы еще не единожды порадуем вас своими публикациями.

Предисловие Этьена Кассе к французскому изданию

*Солнце мне светит в спину, а впереди дорога:
Я ухожу из дому туда, где темнота.
Я знаю слишком много, чтобы поверить в Бога,
Я знаю слишком мало, чтоб повернуть назад...*

С.Ларионов. Проект «Я Иуда»

Я закрыл последнюю страницу своего очередного опуса. И открыл его сразу снова, потому что вспомнил, что надо же написать к нему предисловие. Не хочется говорить каких-то банальностей. Надеюсь, что не разочаровал вас и вы не пожалеете, что отдали свои кровные денежки за мою книжку. Я писал ее, потому что мне хотелось рассказать миру об очередной серии важных для меня открытий. Думаю, они важны и для всех вас, для всех, кто вобрал в себя с детства определенную парадигму этических, социальных и прочих норм. В этот раз вы не найдете на страницах моей книги обилия сенсационных разоблачений, я не попытаюсь назвать по имени некоего метафорического врага, который прибегнул к серии инсинуаций, чтобы задурить головы миллионам и миллионам таких, как мы. Несомненно одно: существует некая традиция, имеющая вид традиционных же заблуждений, — мы все живем в ее рамках. Считается, что критиковать ее и пытаться ревизировать — плохо, потому что так жили наши деды и прадеды, в общем, поколения наших пращуров, и вроде бы святотатственно пытаться ставить под сомнение правильность их убеждений. Но, с другой стороны, мы же не считаем святотатством то, что весь мир перешел на компьютеры, в то время как наши предки обходились логарифмическими линейками да пишущими машинками? Получается, технический прогресс приветствуется, изменения в образе мышления — нет. Принято считать особой доблестью незыблемость взглядов, какими бы алогичными и допотопными они ни были. Думайте сами, кому и зачем нужно держать нас в постоянном невежестве. Для меня все очевидно: власть одних зиждется на невежестве других; алогизмы и явные глупости — повод утверждать избранность тех, кто в них якобы разбирается.

Только что во всем мире прошла премьера пресловутого «Кода да Винчи». Церковники всех мастей и конфессий дружно сомкнули свои ряды, чтобы противостоять распространению ереси в массах. Хотя, если разобраться, что уж во всем этом такого еретического? Просто попытка срубить денег на распиаренной, впрочем, совершенно беззубой, работе Брауна: человек просто бросил пробный камушек — ребята, давайте немножко, совсем немножко задумаемся о том, что нам втюхивают под маркой истины в последней инстанции. И понеслась душа в рай! И это без попыток докопаться до каких-то корней, истоков лжи, возведенной в ранг священной коровы, — чтобы никто на нее не покушался и не мог даже близко подойти со своими вопросами, ответы на которые неизбежно будут расценены как попытка покушения на власть носителей вечной истины. Не понимаешь чего-то — дурак, что-то кажется нелогичным и глупым — дурак, неуч, сомнения одолели — кайся и более не сомневайся. Красивые идеалы, красивая схема, не так ли? А что понимают они? Какова степень их образованности? *Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, и это всегда будет, потому что так было всегда* — не правда ли, железная логика? Сюда остается добавить только *кто не с нами, тот против нас*. И вспомнить мрачные времена средневековья с его охотой на ведьм, а заодно и нацистскую идеологию, и сталинские лагеря...

Однако, что называется, ближе к делу. Из этой книги вы узнаете о том, кто такой на самом деле был Иуда Искарот, в каких он находился отношениях с Иисусом Христом, какие есть источники для реконструкции его биографии. Изучая соответствующие материалы, мы пришли к выводу, что вера (пожалуй, что любая, но в частности — христианская) имеет несколько ипостасей: властную, подчиненную, отстраненно-романтическую. Так вот, если Церковь олицетворяет собой начало властное и преследует цель сосредоточить в своих руках бразды правления всеми общественными процессами, а также стать мощнейшим финансовым организмом, то верующие — начало подчиненное, они ищут милости со стороны Церкви, подчиняясь ей, осуществляя ритуальные действия, производя пожертвования. Третье же начало — изначально высокодуховное, не приемлющее коммерциализации таких категорий, как убеждения, любовь, вера. Это те, кто, храня Бога в душе и будучи посвященными в великие тайны, не хотят ни под каким видом сообщаться с Церковью — ни служить в ней, считая это глубоко аморальным, ни быть ее прихожанами, полагая, что это сушая глупость. И вот олицетворением третьего начала, его альфой и омегой, его символом, его духом и именем, если хотите — проводником истинных идей бескорыстной любви, непредвзятой веры, сопереживания и соучастия — явился и является Иуда Искарот, которого в течение уже почти двух тысячелетий яростно клянут невежественные церковники.

Можно ли служить Церкви и вместе с тем быть носителем идеалов гуманности? Это очень сложный вопрос. Полагаю, на него может для себя ответить только каждый человек в частном порядке. Я считаю, что это ситуация практически непроходная. Почему? Потому что Церковь — в первую очередь структура властная и коммерческая, а власть и деньги всегда находятся в боевой готовности дать отпор любому, кто посягнет на их могущество. Гуманность и любовь же — это другое, во всяком случае, для меня. Впрочем, в христианстве есть много хорошего, в первую очередь — его идеалы. Да и надо воздать ему должное за то, что оно на протяжении многих веков упорядочивало сознание людей, помогало структурировать их знания.

Вернемся к Иуде. Конечно же, пресловутое *Евангелие от Иуды*, чистокровная подделка, не является той отправной точкой, которая заставила нас по-новому взглянуть на всю новозаветную историю. Звон вокруг данного документа — вообще смешное, курьезное недоразумение, вызванное во-первых, во-вторых и в-третьих тоже невежеством и неосведомленностью в вопросах библеистики тех, кто взялся его пиарить. Полагаю, что всем очевидна нарочитость шумихи, раздутой вокруг сенсационной находки *Евангелия от Иуды*. Впрочем, этой теме в книге отведена специальная главка — всем сестрам по серьгам, в конце концов, ведь уж больно намозолила всем глаза вся эта околесица. А вообще я придерживаюсь на это такой точки зрения: мы все стоим на твердой земле и — кто подспудно, а кто и совершенно осознанно — отдаем себе отчет в том, что **раскрутить можно любой, даже самый дохлый сюжет; любой сказке можно придать статус легенды; потому на веру нет смысла принимать ничего — если только перед тобой не стоит задача прикинуться (и быть) обманутым.**

Итак, мы перерыли огромное количество документов, из которых извлекли чертову прорву информации. С выжимками ее сейчас я вас и познакомлю — так сказать, выношу на ваш суд и обсуждение те выводы, к которым мы пришли.

Всем нам бывает тяжело отказываться от архетипов собственного сознания. Например, нам бы предложили с завтрашнего дня считать черное белым, горькое — сладким, и наоборот. Мы бы почувствовали дискомфорт и недоумение, были бы сбиты с толку, не правда ли?

Мне же пришлось произвести ревизию в области своих моральных воззрений, пересмотреть свою позицию по отношению к вопросам «что такое хорошо и что такое плохо». ^[3] Ну что ж, можно сказать, что я еще немного подрос над собой, отправив в чулан еще одни розовые очки. Ощущения при этом двойственные — с одной стороны, закономерная гордость собой и эйфория,

обычные спутники столь явной удачи; с другой — дьявольская усталость, опустошенность, ностальгия. Как прекрасна детская наивность и неискренность, как тягостна взрослая ответственность и рациональность!

Конечно, в каждом из нас живет ребенок, только вот проявляет он себя по-разному. Кому-то удастся на протяжении всей жизни сохранять детскую свежесть восприятия, восторг от взаимодействия с миром — и это здорово, что уж тут говорить. А другие остаются детски бездумными и инфантильными вплоть до старости — в этом уже, как кажется, ничего хорошего нет.

И именно в этой связи я призываю в первую очередь себя и во вторую — всех вас: будем как взрослые, а не как глупые, капризные, избалованные дети; будем критически мыслить, будем оспаривать очевидные бредни, не дадим разводить себя кому бы то ни было, какими бы прописными истинами он ни прикрывался. Обман всегда рядится в исключительно целомудренные одежды и приходит под маской благонамеренности и бессребреничества, на то он и обман. В противном случае, если бы он себе на шею повесил табличку «Наглая ложь и инсинуации», он лишил бы себя шансов быть принятым на веру. Так что приходится в очередной раз подтвердить, что требуется постоянно держать ухо востро, как бы ни хотелось во что-то поверить. Но какой все-таки сволочью время от времени чувствуешь себя при этом! А как тяжело, оказывается, грести против течения! А сколько мужества нужно, чтобы прокричать из толпы: «А король-то голый!»

В общем, вам решать, молодцы Кассе и компания или законченные подонки. Нам важна ваша оценка. Но не настолько, чтобы в случае, если она окажется отрицательной, бросить свои изыскания к чертям собачьим и отказаться от своих нынешних взглядов. Копали, копаем и копать будем; ранее я развенчивал прописные истины практически в одиночку, теперь у меня появились не просто союзники, а коллеги, на которых я рассчитываю фактически как на самого себя; мы будем развенчивать очевидные нелепости дальше — таково наше кредо.

Собственно, думаю, за это вы меня всегда и ценили, а теперь по достоинству оцените целую команду, расследование которой не может не вызвать у вас интереса. Появятся какие-то мысли по поводу прочитанного — пишите нам. Думаю, еще увидимся, и не один раз.

Этьен Кассе

Май 2006, Бордо

Предисловие Этьена Кассе к русскому изданию

Я очень рад новой встрече с вами, дорогие русские читатели!

Россия — удивительная страна, наделенная исключительной харизмой; вам, русским, от природы дана такая интуиция, которая совершенно не свойственна представителям старушки-Европы, тем более — американцам, верхом креатива которых является изобретение фаст-фуда да местечковая философия Карнеги, учившего своих соотечественников так и сяк манипулировать сознанием своих ближних, да чего греха таить — и собственным тоже. ^[4]

Именно русским Л.Андрееву и А.Лозине-Лозинскому пришло в голову попытаться переставить акценты в евангельской истории и предложить альтернативные интерпретации личности Иуды и его причастности к смерти Христа. Это было на заре XX века. И только столетие спустя, найдя фрагменты *Евангелия от Иуды* потрясая ими, доблестные американцы и европейские научные мужи и жены начали вещать о том, что не худо бы, мол, и пересмотреть традиционную концепцию предательства.

Любопытно как получается: одни бегут впереди паровоза, ^[5]ловя какие-то идеи чуть ли не из воздуха, а другие — вечные тугодумы, на которых откровение снисходит... 20 лет спустя (да 20 лет еще хорошо, в нашем случае мы имеем дело с запаздыванием на целый век).

Я всегда с трепетом относился ко всему русскому, для меня ветер перемен, малейшее его дуновение ассоциируется с тем, что «там русский дух, там Русью пахнет», как говорил ваш несравненный Пушкин. Русские — прирожденные бунтари, ниспровергатели устоев, которым не живется в старой скорлупе, вот они и норовят постоянно от нее избавиться. В этом плане *по духу* тоже русский, не живется мне спокойной, размеренной жизнью; не имею я склонности к рациональному, прагматичному и уравновешенному мышлению. Может быть, я — *самый русский на свете француз*; ^[6]хотя наши нации, конечно же, генетически близки: если Франция — родина первой революции, то Россия — колыбель мирового революционного процесса, разнесшего в XX веке в щепки старый мир.

Как бы то ни было, эту свою книгу я посвящаю России, всем русским, а в первую очередь — памяти русских писателей Андреева и Лозины-Лозинского, которые предвосхитили в своем творчестве важнейший, как мне думается, парадигматический перелом III тысячелетия.

Да здравствует незашоренность нашего сознания! Да здравствует человек как открытая система! И еще: *я русский бы выучил только за то, что на нем говорили и писали Андреев и Лозина-Лозинский!* ^[7]

ЧАСТЬ 1. КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Мы теперь не просто сброд, вот!

Всем на свете известно, что я журналист. Всем на свете известно и то, что у представителей одной профессии бывает ярко выражено чувство локтя, они соблюдают правила корпоративной этики и т. д. Это, наверное, и в самом деле так, но из каждого правила бывают исключения и, как говорится, в семье не без урода. У собратьев по перу нет ни стыда, ни совести, не говоря уж о корпоративной этике. В чем это выражается? Они друг у друга норовят умыкнуть самые интересные и злободневные темы, завидуют чужим успеху и гонорарам, перехватывают у знакомых и ближайших друзей выгодные заказы.

И ничего с этим не сделаешь, таковы правила жанра: «то я, то меня, то я, то меня».

В принципе, я к этим шуткам уже привык и давно на них не реагирую. Но, тем не менее, несмотря на мои вроде бы крепкие нервы и невозмутимость, прошлой осенью я был просто огорошен одной статьей про себя (я же теперь культовая фигура, у меня берут интервью, я провожу пресс-конференции, обо мне все, кому не лень, тискают статьи). О ней я скажу чуть-чуть позже. Пока же должен вас предупредить о следующем. Не верьте измышлениям ям газетчиков, что я...

- ...гей. Я натурал, и этим все сказано, можете поинтересоваться у Софи, например.

- ...состою на службе: а) ЦРУ; б) ФСБ; в) Алькаиды и т. д. Все это фигня, я независимый журналист, ни с какими силовыми структурами в жизни не завязывался и люблю по их поводу приговаривать: «минуй нас пуще всех невзгод на свете и барский гнев, и барская любовь» (вы узнали Пушкина?).

- ...член масонского ордена. Полная ерунда, чего бы ради я занимался в противном случае разоблачением всяких дел и делишек поганцев-масонов?

- ...сатанист. Ничего подобного — я христианин по крещению, ну а если разбираться с моей верой, то теперь с ней вообще все не особенно ясно. В какой-то момент я на полном серьезе примерял на себя гностические знания и полагал, что потаенная гностическая религия — это как раз мое. Однако (и вы в скором времени в этом убедитесь) в жизни моей произошел ряд событий, которые заставили меня усомниться во многих вещах, в том числе и в основах своей философской системы, в представлениях о добре и зле и т. п. И конечно, навести ревизию в своих отношениях с Богом. Я не знаю, кто Он, я не знаю, какой Он, но точно уверен в двух моментах. Во-первых, Бог не нуждается в деньгах и пиаре, Он самодостаточен и Ему вполне хватает осознания собственного величия. Если Он другой (но я сомневаюсь в том, что Он другой), тогда Он превращается в отмороженного братка, который во что бы то ни стало пыжится показать, что он тут и вообще везде самый главный, — и тогда Он не нужен, по крайней мере мне. А во-вторых, к чему к чему, а вот к культу Сатаны я никогда никакого отношения не имел и не имею, могу соот-нестись с его адептами в случае необходимости (в интересах очередного расследования) — не более.

- ...вымышленное лицо. Достаточно трудно оспаривать этот пункт; я есть, просто я есть. Как римляне говорили: *ego sum*.

- ...съеден крокодилом, погиб в автокатастрофе, умер при загадочных обстоятельствах. Да нет, пока Бог миловал, живу и надеюсь посвятить этому утомительному занятию еще лет 50 по меньшей мере.

- ...провокаатор. Интересно, кого и на что я спровоцировал? И что мне было за это? Провокаатор же всегда имеет какие-то дивиденды с того, что он делает, не правда ли?

- ...просто шут гороховый, за словами которого не стоит ровным счетом ничего. Вам судить, настолько ли легковесны мои книги и прочие публикации; могу сказать одно: их читают,

кому-то они открывают глаза на истину. Впрочем, если кого-то даже просто развлекут мои писания, уже хорошо.

- ...фигура виртуальная, а на самом деле вместо меня пишут литературные рабы. Могу сказать на это только одно: я есть, я сам пишу о своих расследованиях, мне не требуются никакие литературные рабы, потому что сам я акула пера, причем акула весьма зубастая, лучше мне в пасть не попадаться никому, заглотну и не подавлюсь.

А теперь об окончательно доставшей меня публикации (она была подписана именем Патрисии Каас; интересно, с какого такого перепугу «мадмуазель Блюз» решила заняться моей скромной персоной — вроде бы наведение подобных теней на плетень не ее специфика?). Вот выдержки из сакраментальной статьи:

Невежественный и наглый, как паровоз, бумагомарака Кассе с сомнительным сбродом постоянно ищет себе на голову, вероятно, по пьяному делу или укуру, всякие идиотские приключения. То его занесет в Египет к пирамидам и там он начнет проливать крокодиловы слезы по безвременно почившим своим поделщикам, то черти ему щекочат пятки и он не может сидеть на месте и все рыщет чуть не по всей Европе, и по всей Европе горят частные библиотеки после его отвязных посещений... Нахальные и аморальные спутники Кассе составляют ему достойную компанию. Все они не имеют никакого представления о человеческой этике, нечистоплотны в самом широком смысле этого слова, неразборчивы в своих средствах. Под кого они копают, надо разбираться в каждом конкретном случае. Несомненно одно: они выступают подлыми возмутителями общественного спокойствия, они лживы и продажны, все их материалы пишутся под заказ, они обладают чуть ли не колдовской силой убеждения... Кассе — безусловно, вожак банды, задача которой — во что бы то ни стало расшатать устои нашего общества. Эти люди не останавливаются ни перед чем, чтобы выпятить свое эго. Они стараются быть постоянно на виду, они популяризуют свои похождения, они издеваются над святым и тем легко срывают одобрение у плебеев и пролетариев, с удовольствием читающих весь этот бред, который Кассе щедро выливает на бумагу.

Короче говоря, статья вышла, и Софи приволокла мне грязную газетенку, которая все это опубликовала. Мы сидели и курили, на душе было погано, как будто туда испражнился сразу десяток кошек.

— А знаешь, — сказала Софи, — они, кто бы они ни были, толкают тебя на один шаг...

— Какой, Софи? — простонал я. — Уйти в монастырь? Принести публичное покаяние в мыслимых и немыслимых грехах? Чего, как ты думаешь они от меня хотят?

— Да плевать мне с высокой колокольни на то, что какие-то они хотят, чтоб их совсем разорвало... Но в том, что они написали, есть сермяжная истина, как ни крути!

— Ну надо же как интересно! И что же это за истина-то за такая, позвольте вас спросить? — я вложил в свой голос весь сарказм, на который только был способен.

— Не злись, на сердитых воду возят, — надулась было она. — А права эта статья в одном: ты не один, у тебя всегда есть приятели и сподвижники, которые с радостью вместе с тобой вяжутся во все твои авантюры.

— Ну да... — проворчал я, — это очевидно, только что из этого?

— А то, что пора все это организовать разумным образом!

Я лишился дара речи. Ну как в этой маленькой хорошенькой головке могла родиться столь разумная мысль? Ведь завести собственное агентство журналистских расследований — моя

мечта, которой я никогда ни с кем не делился. Мне всегда казалось, что пока я не созрел, не дорос до соответствующего уровня, я не решался регистрировать собственный проект, да много было всяких разных причин, чтобы все время откладывать свое начинание. А она взяла и все сказала вслух, и получается (и правильно получается), что надо создавать агентство немедленно! То есть этим надо было заняться еще вчера, но если вчера руки не дошли, в конце концов, можно и сегодня!

Я обхватил ее голову и посмотрел прямо в глаза:

— Слушай, Софи, ты ведь на самом деле гораздо умнее меня, правда? Ты ведь иногда просто притворяешься дурочкой, а на самом деле, наверное, просто меня терпишь, такого тормоза и тугодума, а?

— Да иди-ка ты к черту, — глаза ее смеялись, — отложим садо-мазо до постели. Давай-ка прикинем, что можем сделать сегодня и сейчас.

Естественно, мы прикинули, потом звонили по телефону. Потом сидели до четырех то ли ночи, то ли утра с Геной Таманцевым и Жераром Веко, пили красное вино пополам с водой и прикидывали, что мы можем. К пяти заснули, кое-как утолкавшись. На следующий день поднялись ближе к полудню, выпили три кофейника кофе и пошли регистрировать свое агентство.

Итак, нас пока четыре человека: я, генеральный директор и лицо компании; умница Софи, которая берет на себя обязанности секретаря, машинистки, а также креативщика и генератора идей, назначена директором по персоналу; в прошлом православный монах отец Геннадий, уже лет десять как расстриженный, который будет ныне, присно и во веки веков выполнять у нас функции научного консультанта по всем вопросам, связанным с историей церкви и религий, а также финансового директора; Жерар, безбашенный малый, мой верный друг, который готов лезть хоть на рожон, хоть в геенну огненную, когда бьют своих, на которого всегда можно положиться и оптимистичный настрой которого всегда настраивает его окружение на соответствующий лад, по совместительству же наш PR-директор. [\[8\]](#)

Отнюдь не уважаемая мною и всеми нами Патрисия Каас, или как вас там, горе-автор пасквиля на меня и моих товарищей, мы теперь не просто сброд, вот! Мы — агентство журналистских расследований **СофиТ**. С названием мы, как водится, бились более всего, получалась какая-то хрень типа КАКК (Креативное Агентство Кассе и Компания), ЖеСТКА (Жерар Софи Таманцев Кассе Агентство), БеТа-СоК (Беко Таманцев Софи Кассе) и пр. В конце концов остановились на **СофиТ** [\[9\]](#), что означает «Софи и товарищи», и одновременно вмещает в себя кучу всяких смыслов:

- Во-первых, мы все-таки французская компания, а во Франции почитать дам принято, потому имя единственной нашей дамы, так сказать нашей музы, и отражено в названии агентства.
- Во-вторых, само слово *софия* (от которого произведено имя Софи) в переводе с греческого означает *премудрость* [\[10\]](#). Согласитесь, что, занимаясь расследованиями, мы обязаны проявлять если не *пре-*, то хотя бы просто мудрость.
- В-третьих, софит — прибор для яркого направленного освещения. Ясно, что, затеяв журналистские расследования, мы собираемся освещать те или иные спорные вопросы.

В принципе, нам хватило и этих обоснований, чтобы зарегистрировать агентство под данным именем; если же вы усмотрите что еще в названии **СофиТ**, можете поделиться с нами своими креативными идеями. Наверняка попадете пальцем в небо. Практика показывает, что так всегда и бывает.

Раз пошли на дело...

Итак, **СофиТ** был создан (*агентство **СофиТ** было создано*), Жерар начал нас пиарить, мы ждали первых заказов. Они не заставили себя ждать. Такое ощущение, что кто-то чуть ли не свечку держал, когда мы свой креатив вырабатывали, потому что буквально на следующий день после регистрации нам позвонили. Трубку сняла Софи, на другом конце ей ответила женщина:

— Агентство «СофиТ»?

— Да, добрый день... — Софи была озадачена и стала строить мне всякие разные рожи и пальцем показывать на трубку, которую не переставала держать у уха. Я в этот момент брился и не очень был рад ее вторжению в ванную.

— Сьюзан Герштейн, секретарь фонда «Возвращение». Вице-президент фонда Ричард Блейк желает встретиться с вашим шефом, господином Кассе, если я не ошибаюсь.

— Минуточку, — Софи справилась с ситуацией. — Я возьму ежедневник. Так, он освобождается сегодня к четырем. (Молодец, девочка, надувает щеки как может, чем это, интересно, я так смертельно занят до четырех? Ясно, она набивает нам цену, вот я и говорю: молодец девочка!) Значит, сможет встретиться с господином Блейком в пять. Пожалуйста, записывайте адрес... Нет, наше правило — устраивать встречи на нейтральной территории. Итак...

Я включил воду, чтобы наконец смыть с себя пену. Очень интересно, кто-то уже знает о нас и, похоже, готов сделать нам заказ. Ну что ж... Во всяком случае, скучать не будем.

Я вышел из ванной и на меня сразу же прыгнула Софи. Она выглядела возбужденной:

— Нет, ты только прикинь! У нас уже появился потенциальный клиент! Ты только прикинь, какой-то Ричард Блейк, сегодня мы с ним встречаемся!

— Что значит — *мы*? — С женщинами следует постоянно держаться начеку, иначе они сядут тебе на шею и начнут болтать своими изящными ножками, а ты превратишься в их скаковую лошадку.

Не слишком отрадная перспектива. Женщина должна знать свое место. Все должны знать свое место.

— Я и ты, дурачок!.. — Ах Софи, спасибо тебе большое и низкий тебе поклон за то, что ты берешь меня с собой на эту, возможно судьбоносную, встречу.

— Софи, мне очень жаль, но это невозможно! Мы не можем идти вместе, потому что ты должна сидеть на телефоне! Иначе мы можем упустить кого-то очень интересного! Ты же директор, должна понимать, — я придал своему голосу всю возможную вкрадчивость и мягкость.

— Эх, надо было дать в объяве номер твоего сотового... — Софи явно огорчилась. Ничего, то ли еще будет!

— Милая, это нереспектабельно и просто глупо: ведь звонить по официально опубликованному телефону может кто угодно, зачем нам такие напряги...

— Ну тогда моего! Или Генкиного, или Жерарова! Но какого черта я тут должна высиживать, когда ты будешь таскаться по всему городу, со всеми знакомиться и все обсуждать? Почему я должна тут сидеть как пришитая? — Ив этом она вся. Иногда мне кажется, что Софи — просто кладезь премудрости, но иногда она — скандальная дура, от которой хочется делать ноги с низкого старта. Вот и спрашивайте меня после этого, почему я не женат до сих пор. Да потому, что в жизни и без того хватает проблем. Любая, любая женщина норовит прилепиться к тебе как банный лист и начать тобой командовать, стоит тебе провести с ней хотя бы один вечер. А что, в таком случае, станет делать жена? Лучше об этом вообще не думать. Ни

к чему нормальному мужику все это. Постоянно ходить как по подиуму перед налоговым инспектором... Брррррррррр!

— Софи, сделай милость, кончай дебош, детка, — я говорил медленно, громко и отчетливо артикулируя. Авось поймет. — У каждого свое дело, каждый отвечает за свой фронт работ. Твое «хочу» выглядит детски безответственно. Ты нужна нам здесь, понимаешь?

— Это дискриминация по половому признаку! — выпалила она. — Сидел бы сам со своими дружками на телефоне! А то если кого и запереть — то непременно женщину!

— Софи, а ты не припомнишь, про кого тебя спрашивал твой собеседник? А? Разве про тебя? А с кем господин Блейк собрался встречаться? Неужели с тобой?

— Это потому, что мы написали, что ты генеральный директор! Вот если бы написали меня... — она осеклась — видимо, мой взгляд был очень выразителен.

Несмотря на вышеописанную типовую сцену у фонтана, скоро инцидент был, в принципе, исчерпан. Через некоторое время я согласился посидеть на телефоне, пока Софи наносит визит ближайшему супермаркету, чтобы закупить продукты к ужину, а по ее возвращении пошел на эту самую забитую по утрянке стрелку. Слава Богу, никто больше губ не надувал: и Генка, и Жерар, оба оставшихся директора, были по горло заняты какими-то своими делами и не пытались лезть в мои.

Да, с женщинами иногда бывает сложновато. Впрочем, они потом искупают все причиненные ими неудобства. Вы спросите меня, как? А кто, интересно мне знать, варит кофе по утрам, вечерам и в любое время суток; кто говорит спокойно-непроницаемо: «Тебя, друг, занесло, остынь и подумай в голову», когда небо уже кажется в алмазах и до заветной цели остается последний шаг... с крыши 28-этажного нового дома на Рю Шартре; кто умильным голосом будет разговаривать по телефону с твоими кредиторами; кто отвадит других женщин, мечтающих вонзить свои остренькие коготки в твою по-детски наивную и невинную задницу? Короче, женщины нужны; их стоит держать в доме, потому что они дают кофе, сигареты, еду, приносят свежие газеты и бренди, преданны, местами умны и создают имидж респектабельности. Впрочем, неважно, тут дело совершенно не в женщинах и даже не в дорогой нашему сердцу Софи. Не о ней речь, хотя, конечно же, о ней можно было бы написать не один десяток книг... И читать их в сортире... Все-все-все, кончаю, заболтался, отвлекся, речь шла о забитой мне стрелке.

...Я сел за столик в кафе *Меркурий* и заказал кофе и газету. Никто не спешил ко мне подсаживаться, так что я имел возможность насладиться чтением прессы. Впрочем, как выяснилось, газета была за прошлую неделю, и вообще ее до меня уже кто-то читал, потому что красным маркером в ней был выделен заголовок на седьмой полосе. Я было решил возмутиться безобразием: мало того что принесли черт знает какое старье, так еще и бывшее в употреблении. Однако на мой зов никто не пришел, и я от нечего делать вынужден был все-таки заняться чтением. Это была какая-то чепуховая вечерняя газетенка, причем, выделенный материал в самом деле заслуживал внимания:

Сенсационная находка

Время от времени история выплевывает на поверхность свои артефакты, ставя в тупик исследователей и заставляя человечество отказаться от устоявшихся мнений и суждений. Сейчас происходит что-то подобное: найден уникальный текст *Евангелия от Иуды*, написанный на саидском диалекте древнекоптского языка. Папирус, который датируется, предположительно, VI веком, сейчас исследуется учеными, текст на нем расшифровывается и восстанавливается. Состояние удивительной рукописи оставляет желать лучшего, поэтому, вероятно, далеко не весь текст, который когда-то

был запечатлен на папирусе, удастся понять. Однако несомненно одно: в нем содержатся сведения, кардинально меняющие наши взгляды на Иуду, его взаимоотношения с Христом, а возможно, и на само Учение Спасителя. Из текста следует, что именно Иуда явился возлюбленным учеником Иисуса, которому тот доверил свои самые сокровенные тайны; предательство же Иуды, видимо, собственно предательством не являлось, поскольку было инициировано... самим Христом.

В настоящее время специалисты в области коптского языка высказываются в том смысле, что *Евангелие от Иуды* нуждается в скрупулезном анализе и изучении. Необходимо в первую очередь разобраться, не фальсификат ли это. Если же выяснится, что древность аутентична, по всей видимости, человечеству придется пересмотреть очередную порцию своих убеждений. Впрочем, в последнее время мы только и занимаемся тем, что что-то ниспровергаем и рушим. Возможно, у нас развилась детская болезнь нигилизма?..

Далее шли расхожие рассуждения о том, в какую эпоху мы живем, как важно уметь отказаться от прежних ценностей, принять новые, не цепляться за прожитое и всякая прочая дребедень, по поводу которой каждый из нас, журналистов, рад порассуждать в любое время дня и ночи.

Я отложил газету и допил подостывший кофе. Наш потенциальный клиент все не шел, он опаздывал уже более чем на четверть часа. Я отвернулся к окну, по узенькому тротуару вышагивала девица, чьи ноги достигали в длину, полагаю, одного метра пятнадцати сантиметров, и это без каблуков! Каблуки тоже были, вернее, платформы, еще сантиметров пятнадцать. На девице были бордовые кожаные шортики. С ума сойти, сто тридцать сантиметров стройных ног, дефилирующих прямо против тебя за стеклом! А ты тут сидишь и ждешь неизвестно кого и читаешь допотопные газеты! Мне очень захотелось на волю, к этим ногам, но...

— Вы уже прочитали эту статью? — позади меня раздался голос. Я повернулся и увидел ничем не примечательного дядьку лет 45–50, в мешковатом, но дорогом костюме, ботинках из кожи крокодила, каком-то умопомрачительном галстуке в огурцах и кремовой рубашке. На носу у пижона красовались довольно-таки сильные очки в золотой оправе, волосы как волосы, чуть волнистые, черные с проседью, усы щеточкой.

— А вы кто? — спросил я. — Тот самый господин Блейк, секретарша которого звонила моей секретарше сегодня с утра?

— Тот самый, тот самый, — он уселся напротив меня и посмотрел прямо мне в глаза.

— Вы опоздали... — начал было я, но он меня перебил:

— Нет-нет, как раз нет... Вы должны были прочитать статью, составить некое представление о проблеме, прежде чем мы с вами стали бы разговаривать, так что все как раз идет по плану...

— Может быть, по вашему, но не по моему, — буркнул я.

— Позвольте, — жестко парировал Блейк, — вы позиционируете себя как агентство расследований, пусть главным образом журналистских, но все же. Я ваш будущий клиент, значит, у нас с вами общие интересы. Не стоит нервничать и обижаться, господин Кассе, все в порядке, я хочу воспользоваться вашими услугами, точнее, услугами вашего агентства, я готов платить, так что никто вас не ущемляет...

— Вы должны понимать, — очень строго и серьезно заметил я, — что мы беремся лишь за те дела, которые представляют для нас не только практическую выгоду, но и интерес. Мы до некоторой степени художники в своем деле...

— Иначе я бы к вам и не обратился, — твердо ответил Блейк. — Для того чтобы заниматься предлагаемым мною делом, надо жить им. И иметь сумасшедшую пробивную силу. И хорошо разбираться в истории. И иметь вполне определенное представление о круговороте денег в финансовых кругах. И не бояться ни с кем поссориться. Короче говоря, быть вами, господин Кассе...

— Хорошо, давайте все-таки говорить по существу, — оборвал его я. Этот сукин сын то ли бессовестно льстил мне, то ли и в самом деле был обо мне очень и очень высокого мнения. Как бы то ни было, все-таки ему удалось расположить меня к себе. Даже если он безбожно льстил, он делал это с тем, чтобы произвести на меня благоприятное впечатление, понравиться мне. Пусть он делал это неуклюже, но радовало уже то, что он не понтует, а пытается подстроиться. Впрочем, после шумихи, раздутой вокруг моего имени, гнуть передо мной пальцы стало совсем уж проблематично, это, действительно, так. И все-таки, все-таки...

— А по существу вы уже прочитали о проблеме, которая меня интересует, — Блейк кивнул на газету, — вам нужны какие-то уточнения? Задавайте вопросы.

— Вас интересует перевод *Евангелия от Иуды*? — удивился я.

— Да конечно нет, — Блейк нетерпеливо прикурил от номерной золотой «Zippo», украшенной несколькими бриллиантами. — Меня интересует даже не то, стоит ли покупать этот папирус. Очевидно, что стоит, коль скоро он в принципе существует, безотносительно его аутентичности. Это мелочи, главное — сам артефакт.

— Вам... предлагают его купить? — попытался уточнить я.

— Мы просто думаем, что стоит его купить, — поправил меня Блейк. — Если *Евангелие* подлинное, мы им непременно займемся, а нет — так оно нам не нужно.

— Простите, а кто это — *мы*?

— Считайте, что группа любителей древностей, интересы которой я представляю. Фонд «Возвращение». Впрочем, какая вам разница, дело иметь ведь придется только со мной. Вот вам моя визитная карточка...

Я посмотрел на кусочек картона, врученный мне первым заказчиком. Просто белая карточка, сверху какой-то странный орнамент, под ним — имя Ричард Блейк, указание на занимаемый пост — вице-президент фонда «Возвращение», четыре телефона и адрес электронной почты.

— Хорошо, господин Блейк, впрочем, я и не сомневался ни на минуту в вашей респектабельности. Но чего вы хотите от нас?

Блейк неопределенно, искоса посмотрел на меня, поправил свои золотые очки, слегка прокашлялся (было очевидно, что он волнуется) и сказал нечто, показавшееся мне на первый взгляд не особо вразумительным:

— Я хотел бы, господин Кассе, чтобы вы и ваше агентство помогли нам в поиске всех материалов, связанных с жизнью и деятельностью Иуды Искарота; так сказать, внесли свою лепту в составление полной его биографии...

— Но, господин Блейк, у нас агентство журналистских расследований, а вам, скорее всего, нужны специалисты в области Нового Завета, историки и медиевисты, библеологи... Чем мы-то сможем быть вам полезны?

— Своей непредвзятостью и дерзостью. Все специалисты, которых вы только что упоминали, — заложники разных парадигм: парадигмы научного исследования, которое допускает только кристальную чистоту эксперимента и неременное следование всем канонам научного знания; парадигмы морали, которая регламентирует им не касаться «запретных» тем; парадигмы социальной, которая предписывает соблюдать субординацию, не портить отношений с властями предрержащими, и прочими. А журналистам, как говорится, закон не писан; кроме

того, я слежу за вашими работами... Они мне в целом нравятся, хотя, друг мой, вас время от времени заносит на масонской тематике, впрочем, это достаточно безобидный ваш пунктик. В конце концов, все мы имеем за душой нечто такое...

— Хорошо, я понял вас. Но снова повторяю: мы — агентство журналистских расследований. Я так понимаю, вам нужен некий развернутый очерк, посвященный Иуде. Это не наш профиль...

— Простите, — в голосе Блейка зазвучала решительность, — нам нужно именно расследование, а никакой не очерк. Вы должны попытаться установить, в каких *реально*отношениях был Иуда с Христом, при каких обстоятельствах было замышлено и произошло так называемое *предательство*, что стало с Иудой далее.

— Я так понимаю, судя по вашему тону, у вас на этот счет есть некие соображения?

— Естественно. Однако нам важно, чтобы вы, господин Кассе, с вашими товарищами, раскрутили этот клубок самостоятельно — и поведали миру о своих открытиях.

— Я должен понимать ваше предложение таким образом, что вы пытаетесь за наш счет, пользуясь раскрученностью моего имени, протащить и популяризировать какие-то свои идеи?

— Да вовсе нет, — Блейк сделал останавливающий жест рукой. — Вы проводите независимую экспертизу и знакомите мир с ее результатами, если на выходе сочтете нужным. Фонд же обязуется взять на себя все финансовые вопросы, которые неизбежно возникнут в ходе ваших поисков. Вы согласны на это?

Я почувствовал, что передо мной снова встала альтернатива — ввязаться в нечто рискованное или отсидеться в своей уютной спокойной гавани. Сколько бы раз подобные вопросы ни вставали передо мной, я решал их на счет один: ввязываться. То же самое произошло и теперь.

— В таком случае, — подытожил Блейк, — составьте смету расходов, обсудите со своими компаньонами, сколько может стоить ваше расследование и скиньте мне информацию. Рад был познакомиться...

Он пожал мне руку и вышел из кафе. Я еще раз посмотрел на его визитку, потом засунул ее себе в карман, расплатился за кофе и отправился держать совет с прочими директорами своего агентства. В голове роились всякие вопросы, хотелось поскорее их обсудить с группой заинтересованных лиц.

Ну что ж, агентство «СофиТ», с почином, с первым клиентом, лиха беда начало.

Итак, вечером мы держали совет. Я рассказал о своей встрече с Блейком, показал остальным директорам его визитку, изложил суть задания (во всяком случае, так, как я его понял). Жерар закурил и сладко потянулся:

— Ребята, я чувствовал, что все у нас пойдет — и очень быстро. Но не знал, что так быстро! Выходит, первое приключение на нашу задницу уже само нас нашло... И как ты думаешь, насколько платежеспособен этот твой Блейк?

— Да не в этом дело, — вмешался Гена. — Мне не очень ясно, чего он от нас хочет. Неужели самому так сложно, например, влезть в сеть и найти там любые материалы по Иуде? Зачем нанимать кого-то? Тем более не просто человека, а агентство?

— Слушайте, а какая у него прикольная визитка! — радовалась Софи. — Глядите: тут и крестик, тут и гв оздики какие-то, интересно, что это такое, а?

— Это коптский крест, — ответил Гена, — по всей видимости, Блейк — представитель современных коптов, которые создали специальный фонд для поисков утраченных корней гностического знания... Возможно, все это делается даже под патронажем Шенуды III...

— Ты это о чем? — не поняла Софи. — Какие копты? Какое гностическое знание? И еще какой-то Шенуда!.. Ты вроде говоришь по-французски, но так, что ни слова не понять. Переведи для тупых и серых, сделай милость!

— Я слышал что-то о том, что гностики — они типа мистики... — пророкотал Жерар. — А копты — так это такие древние египтяне, которые писали на папирусах всякие двусмысленные тексты... Кстати, вроде бы это самое *Евангелие от Иуды*, по поводу которого сейчас звон стоит на каждом углу, как раз коптское. То есть они писали всякую фигню...

— А Шенуда этот дикий? — Софи любила, когда Жерар ей что-нибудь пояснял. Они весьма гармонично в эти моменты смотрелись: он — большой, умный и назидательный, она — беззащитная, подавленная величием его интеллекта, прямо посрамленная школьница. Но какую ахинею несли при этом! И как были друг другом довольны!

— Ну, Шенуда — это какой-то их древний шаман, не знаю...

— А как он тогда может что-то такое сегодня патронировать? — не унималась Софи.

— Да вот, надо у нашего отца-пустынника [\[11\]](#)спросить, он же затеял эти разговоры про Шенуду, поди знает, что тут к чему...

Генка вопросительно посмотрел на меня. Он никогда не мог быстро сообразить, как воспринимать такого рода выпады. Сразу видно — выходец из научной среды, там ко всему привыкли относиться очень серьезно, кстати, и к себе любимым тоже. Все никак бедняга не переучится, хотя уже пора. Сто раз ему говорил: *лицо попроще сделай — и люди к тебе потянутся!*

— Правда уж, сказал «а», говори теперь «б». Ты у нас уполномоченный специалист по делам религии и атеизма, так что спой, светик, не стыдись, просим, нынче твоя лекция, — воззвал я к его эрудиции.

— Ок, — глаза Таманцева заблестели: его хлебом не корми — дай продемонстрировать свои познания. Впрочем, тут реально есть что продемонстрировать, ибо если в природе и существует где-то энциклопедия на ножках, то это как раз наш Геночка. — Буду краток. — Он с места в карьер закосил под русского президента Путина, который прославился этим своим выражением и еще высказыванием о том, что террористов надо мочить в сортире, — дельный мужик, по всему видать, хотя я с ним лично не знаком. — Копты — христианское население Египта. Дело в том, что апостолы после распятия Христа разошлись проповедовать по разным

городам и весям, ученик Петра Марк, он же евангелист, так сказать, получил назначение в Александрию, тогдашнюю столицу Египта (дело было в середине I века нашей эры), там и сеял разумное, доброе и вечное. Пока в 69 году местные язычники не свели с ним счеты. Однако же его проповедь не прошла бесследно, христианство пустило корни в Египте. Тем более что Египет — своего рода вторая родина Христа, именно туда удрали от Ирода со своим младенцем Мария с Иосифом и прожили там четыре года.

— Постой, — у Жерара явно появились какие-то идеи насчет коптов, — раз копты — древние египтяне, так значит, они писали своими иероглифами? Как на всяких папирусах Тутанхмона? С глазками, птичками, еще всякими палочками и прочей ерундой? Коптский язык — это и есть древнеегипетский, да?

— Слушай, тупица, — не выдержал я, — какого черта христиане стали бы говорить на варварском языческом языке да еще использовать его письменность для увековечивания своих боговдохновенных текстов? У них другой был язык, коптский.

— Ты сам тупица, — не выдержала Софи, — раз копты — египтяне, то и язык у них египетский. Логично? Логично! Что скажешь, профи? — обернулась она к Генке.

— Копты — они, конечно, египтяне, но не такие уж и древние, да и язык у них свой. Причем со специальным алфавитом, который составлен в основном на основе греческого. Но он появился не раньше III века... Во всяком случае, так датируются первые коптские памятники письменности.

— А раньше на каком говорили? — не унималась Софи. — Поди на египетском все-таки?

— Трудно сказать, — развел руками Геннадий, — может быть, на арамейском? Ведь Марк у них проповедовал и они как-то находили общий язык. Ничего путного сказать по этому поводу не могу...

— Я могу, — встрял я. — Хватит уже применять где надо и не надо свою сугубо научную методику. Если нет более ранней фиксации, это не значит, что не было языка. Чудо, что от третьего-то века что-то уцелело. Думаю, коптский язык появился вместе с христианством в Египте. Хотя самые древние рукописи на коптском — так называемые кодексы библиотеки Наг-Хаммади — датируются не ранее III века. Но, скорее всего, это относительно поздние копии произведений, написанных в I–II веках.

— А ты-то откуда это знаешь? — Софи непритворно удивилась. — Вроде ж ты пока в гробницах этих коптов не копался, в пирамиды пытался лазать, да, но ты же сам говоришь, что копты и фараоны — две большие разницы... [\[12\]](#)

— Имеющий глаза да видит, имеющий уши да слышит, — туманно и величественно произнес я. Софи задумалась, но ненадолго:

— Некоторые тоже имеют и глаза, и уши, однако же ничего не знают ни про каких коптов — в глаза их не видывали и слыхом о них ничего не слыхивали...

— Ну так значит, у них такие уши и глаза, что уж тут поделаешь...

— Да ладно вам препираться, — подал голос Жерар, — у нас еще на повестке дня два вопроса: гностики и *Зануда*.

— Сам ты *зануда*, — заржал Генка. (Наконец-то! Нечасто с ним это случается!) — Балбес, я же говорил про *Шенуду III*, это коптский патриарх!

— А когда он помер-то?

— А кто тебе сказал, что он помер? — выпучил глаза Генка.

— Так ты и сказал, раз копты — древние египетские христиане, значит, они все померли в древности!

— Да ничего подобного я тебе не говорил, и вообще никому! Коптская церковь и сегодня — одна из официальных церквей в Египте, в котором христианство исповедуют до десяти

процентов населения. Никто там не умер, все, слава Богу, живы, молятся, веруют, служат службы... У них главный, патриарший храм — святого Марка в Каире.

— Стоп, — уточнил Жерар, — раз у них патриарх, значит, они не католики?

— Весьма тонко подмечено! — снова заржал Генка. — Я же сказал: они копты. У них своя церковь, которая, кстати, ближе всего к Восточной, то есть к православной. Но реально никакая она не православная.

— Да ты бы газеты почитал, еще бы и не такое увидел, — хмыкнул я. — Прикинь, на прошлой неделе читаю: «В Египте найдены современные копты — последовали ранних христиан»! Типа их терял кто-то, а тут нашли вдруг!

— Ага, причем порядка восьми миллионов человек, если не больше, с монастырями, церквями, патриархом и прочей атрибутикой, — покачал головой Таманцев. — Чудно, ничего не скажешь.

— Да это в русле безудержной шумихи, поднятой вокруг *Евангелия от Иуды*.

— Ну, по поводу этой хворобы каждый вообще высказывается в меру своего понимания проблемы. А поскольку никто ни черта не понимает, все и норовят побыстрее тиснуть в своих изданиях да в Сети какую-нибудь благоглупость.

— А чего благоглупость-то? — прорезалась Софи, пришедшая с кухни с кофейником. — Кому чего плеснуть? Жерар, ты бренди будешь? — Нет, у этих двух точно намечались какие-то шашни. Да и пусть их, раз людей прет друг от друга, я, может, вообще уйду, не стану мешать их счастью, я такой, я гордый, я могу. — Этьен, давай сюда пепельницу, так и быть, свинтус, вынесу за тобой, но в последний раз! — Эх, ласковое слово и кошке приятно! Скажи еще что-нибудь такое же волшебное, сокровище мое: «Этьен, я постираю твой пуловер! Этьен, я почищу твои ботинки!! Этьен, мать твою, я тебе выжала апельсиновый сок, что же ты его не пьешь, тебе же так нужны витамины!!!».

— Да видишь ли, — Генка с удовольствием отхлебнул кофе из своей огромной чашки. Он терпеть не может мелких наперсточков, ему подавай всегда бадью, на меньшее он не согласен, — текст этого *Евангелия* явно гностический. А это значит, что... позднераннехристианский.

— Какой? — Софи снова округлила хорошенькие подведенные зеленым карандашиком глазки.

— Считаю, раннее христианство 1-И веков. Ну а позднее раннее христианство — это ближе ко второй половине II века. Это как раз время разгула гностицизма...

— Так ты нам, ученая голова, все еще не сказал, кто такие эти твои гностики, — уточнил Жерар.

— Докладываю: гностики — христиане, которые, во-первых, считают безоговорочно первичным и единственно правильным началом в Христе и в человеке, соответственно, тоже — духовное и с презрением относятся к миру материальному, например к телесной оболочке. Во-вторых, они действительно мистики: у них такая развернутая картина сотворения мира, целостное представление о том, какое количество добрых и не очень добрых существ участвовало в его запуске... Классические христиане их считали еретиками, чуть ли не анафеме предавали. А возник гностицизм тоже в Александрии, то есть в Египте.

— И что, выходит, копты — гностики? — уточнила Софи.

— Нет, копты придерживались и придерживаются преимущественно ортодоксальных воззрений на Христа и на вопросы веры. У них есть свои нюансы. Поэтому они и выделены в отдельную конфессию, церковь. Однако нельзя ставить знак равенства между коптами и гностиками. Хотя большинство апокрифических, гностических евангелий написано именно на коптском языке. В том числе и злосчастный *Иуда*...

— Да почему, почему он такой злосчастный?

— Потому что его пиарят непрофессионалы и у них получается все по-дурацки... Вот, тоже написали козлы какие-то: найдено пятое Евангелие... Да какое оно пятое? Может, тридцать пятое? Или семьдесят пятое?

— А что, их так много, Евангелий-то?

— Да как грязи. Такое ощущение, что каждый адепт христианства первых веков, который был обучен грамоте, считал своим долгом написать собственный текст. Ну, или, по крайней мере, через одного — через двух... — Генка допил свой кофе и взял лист бумаги. — Так, я вам рассказал про коптов, гностиков и Шенуду, теперь пора расписывать фронт работ. На старт, внимание, марш!..

Ну вот, мы распределили обязанности. Ваш покорный слуга будет вести всяческие переговоры: с владельцами так называемого *Евангелия от Иуды*, чтобы они дали нам хоть одним глазком на него взглянуть; с фондом «Возвращение», чтобы он дал нам денежек на исследование; с разными организациями — архивами, книгохранилищами и т. д. и т. п.; и еще по возможности заниматься аналитикой, то есть делать выводы, ху из ху и что за чем стоит. А что касается собственно *Евангелия от Иуды* (ясно, что именно публикации о нем активизировали внимание фонда к проблематике странноватого и несчастного апостола), то, конечно, ясно как Божий день, что ничего в нем такого нет (в смысле — ничего особо заслуживающего внимания), но наш лидер от науки Гена Таманцев сказал, что тем не менее для чистоты эксперимента на него все-таки неплохо бы взглянуть. Собственно, мы от этого ничего не потеряем, просто убедимся в том, что и так навскидку понятно. И все-таки...

— Все-таки, — сказал Генка, — никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Если можно что-то посмотреть, надо это сделать. Всегда ведь существует гипотетическое «вдруг». Причем под ним может скрываться все что угодно, любые сюрпризы, вообще все. Глупо говорить: «Я в глаза не видел этого текста и понятия не имею о том, что он собой представляет, но тем не менее заявляю, что он поддельный. Он не может быть истинным, потому что он не может быть истинным никогда». Гораздо круче сказать: «Мы его видели, читали. На основании нашего анализа папируса и почерка рукописи можно сделать вывод, что данный список документа, который в настоящее время принято называть *Евангелием от Иуды*, сделан не ранее... например, V века; на основании особенностей языка и некоторых мотивов, отчетливо прослеживаемых в тексте памятника, он может быть датирован концом I — началом II века, но не ранее. Поэтому мы приходим к выводам, что: а) перед нами не изначальный текст памятника, а его поздний список; б) первоначальный текст, с которого мог быть сделан данный список (или список, предшествующий данному), не дошедший до нас, мог быть составлен не ранее конца I века, а следовательно, не может принадлежать перу Иуды Искарота, которому его настойчиво атрибутируют нынешние хозяева».

После Генкиных слов в течение пары минут в комнате висела тишина, наконец не выдержала Софи:

— Слушай, скажи, только честно, откуда ты все это знаешь? Ты уже это *Евангелие от Иуды* видел? Ты его в руках держал? Может, ты его и пиарил?

— Да нет, я ничем таким не занимался и текста этого пока в глаза не видел, но надо бы на него посмотреть, — улыбнулся Гена.

— Но откуда же ты все это знаешь? — не унималась Софи.

— Научная методика, текстология, школа академика Лихачева, — развел руками Таманцев. — И похлеще клубки в свое время приходилось распутывать. Эка невидаль — установить подлинность документа, когда есть возможность его в руках подержать. Совсем другое дело, если приходится работать с текстом гипотетическим, а нужно найти его автора, датировать произведение, прояснить в нем какие-то темные места... Ну вот как с тем же «Словом о полку Игореве»...

Я понял, что Таманцев оседлал свою любимую лошадку и собирается выступить перед восхищенной аудиторией с докладом по истории древнерусской письменности, а заодно и пересказать все теории относительно аутентичности/неаутентичности «Слова». Я очень люблю Таманцева иной раз послушать, но всему должно быть место и время. Чувство меры, в принципе, тоже пока еще никому особо не мешало.

— Гена, — безапелляционно перебил я его, — а в данном-то случае что может быть? Вроде ты все правильно вычислил с *Евангелием*, еще не видя его. Ты всерьез полагаешь, что есть какие-то нюансы?

— Да теоретически мы обязаны допускать вообще любой поворот событий. Вплоть до того, что перед нами окажется автограф самого Иуды Искарота. Бывает и такое тоже...

Софи вскрикнула, Жерар глуховато выругался.

— Но я полагаю, в этот раз все обойдется без неожиданностей. Очень уж все тут шито белыми нитками, очень уж хочется кому-то состричь купоны на представленной интерпретации памятника. Ничего, прорвемся... 99,9 процентов, что никакого автографа Иуды мы не обнаружим и вообще все это окажется жуткой лажей... Но смотреть все равно будем.

— Приятель, а ты прочитать-то этот текст сможешь? — резонно осведомился Жерар. — Он же на коптском языке написан, ты его знаешь? А в особенностях написания букв разного времени разбираешься? А папирус датировать сумеешь?

— Да нет, конечно, — Генка ничуть не стушевался. Вот за что я особенно его люблю — так это за отсутствие ложной амбициозности. Он вовсе не считает, что должен знать абсолютно все, не стесняется того, что чего-то не знает, и не стремится у окружающих создать о себе мнение как о затычке в каждой бочке. — Нет, греческий я разумею — образование предрасполагало; латынь, естественно, тоже. А вот что касается коптского... Надо что-то придумывать.

— Ну вот, приплыли, — вздохнула Софи. — И какой тогда смысл добираться до заветного текста, если все равно ничего толком с ним сделать не сможешь?

— Да есть у меня идеи, — загадочно усмехнулся в бороду Генка. — Вот только сначала надо продумать, какими бумагами следует заручиться, чтобы выбить себе разрешение работать с источником...

— Так возьмем ходатайство у Блейка, — мне казалось, что это наилучший вариант. — В конце концов, кто девушку обедает, тот ее и танцует. Он нам заказал расследование — вот пусть и обеспечивает зеленый свет...

— Да не факт, что, если мы предъявим ходатайство от его фонда, с нами вообще будут разговаривать. Думаю, тут надо действовать по-другому. Ладно, чуть позже начну со всеми этими делами разбираться, пока же нужно распланировать нашу операцию и распределить обязанности. Итак, Этьен выступает постоянно, что бы ни происходило, в роли менеджера проекта — со всеми договаривается, держит связь и прочее. Я беру на себя доступ к *Евангелию от Иуды* и прочим рукописям, их просмотр, поиски знатока коптского языка. Ты, Софи, поскольку тебе все равно сидеть привязанной к телефону, соберешь и собьешь вместе всю информацию об Иуде по официальным источникам — то есть Новому Завету (Четвероевангелию, Посланиям апостолов и прочее). А ты, Жерар, займешься пока тем же самым, что и Софи, только работать будешь с апокрифическими текстами.

На том мы и порешили. Еще договорились непременно делиться друг с другом всеми результатами, по возможности оперативно сводить их воедино и, когда первый этап нашей работы окончится, прикинуть, не нужен ли еще и второй и что он может собой представлять.

— У меня предчувствие, — сказал Геннадий, — что пока мы открываем только подготовительный этап наших исследований. Все интересное начнется тогда, когда будет решена обозначенная сегодня программа-минимум. Реальная работа пойдет потом, а нынешние находки лягут ей в фундамент. Как-то так. Вы не думайте, это не мистические всякие измышления, это моя научная интуиция работает, да и идеи кое-какие есть, вот просто пока их обсуждать преждевременно. Хочу, чтобы у вас мнение формировалось обо всем независимо от меня, без моих подсказок. Потом сверимся...

— Я тоже предчувствую Иуду, — согласилась Софи. — Знаете, я его всю жизнь считала

выродком и поганцем, а тут вдруг стало просто интересно, что же он мог реально собой представлять. Может, правда, редкостный подонок, но почему-то мне кажется, что его оболгали нарочно, не знаю, кто, почему и когда... Я уверена, мы все это поймем, а главное — поймем, что такое был Иуда на самом деле.

— А у меня такое ощущение, — не отстал от Та-манцева и Софи Жерар, — что этот Иуда — крепкий орешек и вся эта история какая-то темная. Кто-то почти две тысячи лет назад взялся прятать концы в воду, а мы вот теперь возьмем и все поймем; да мало того — всему миру все расскажем о том, кто есть кто в истории Иуды. Мне кажется, это как раз тот случай, пережив который понимаешь, что в принципе жил не зря!

— Мне кажется, что мы в самом деле многое поймем, может быть, даже и многому научимся, — резюмировал я. — Чувствую, придется отказываться от привычных ярлыков, давать людям и событиям новые интерпретации... Ребята, еще есть время. Кто-нибудь, может, хочет отказаться от этого безумного и рискованного проекта?

— Да ладно, — пробурчал Жерар добродушно, — залетим — так все сразу, это значит, не так и страшно...

— Да вообще не страшно! — отпарировала Софи. — Ну, если что, анафеме предадут, ну, пальцем станут показывать, может, еще к суду привлекут... Ерунда это все...

— Значит, все правильно рассчитали и каждый понимает, будучи абсолютно взрослым человеком, что отныне отвечает за свое здоровье, физическое и моральное, а также за все, что с ним будет или может произойти. Так, что ли, главный?

— Да аминь, — хмыкнул я. — Предчувствую я, что даст нам этот Иуда Искарот жару только так!

Итак, каждый из нас получил задание и приступил к его выполнению. Что касается Гены Таманцева, то он, как и было задумано, начал с того, что связался с одним специалистом в области коптского языка. Правда, выбор его показался мне в первый момент несколько неожиданным. Но обо всем по порядку. Таманцев позвонил мне на трубку и сказал:

— Этьен, в первом приближении вопросы с коптским улажены. Мне хотелось бы познакомить тебя с этим человеком. Пожалуйста, подойди сегодня в клуб «Барселона» часам к одиннадцати вечера, там все и встретимся и обо всем поговорим.

Я немного удивился выбору места для встречи, но подумал, что, в конце концов, всему имеются какие-то объяснения, очень скоро я смогу понять и это чудачество своего приятеля.

— Слушай, — только уточнил я, — а Софи и Же-рара обязательно брать с собой?

— Вот я как раз думаю, что пока тебе надо самому познакомиться с Сержем, — ответил Гена. — А там, если все у нас срастется, ты его им просто представишь. Ты меня поймешь на месте. Так будет лучше...

Конечно, я был заинтригован. Но мне не надо было добираться ни до какого места, чтобы понять, что лучше не таскать с собой Софи на деловую встречу, даже если встреча эта намечается в столь злачном местечке, как «Барселона». Ну а что касается Жерара, то пусть уж не идет туда с ней за компанию; с другой же стороны — может быть, он ее немного поразвлекает; иногда все-таки жалко бывает девочку, которую я так мало вывожу в свет. Бедная, совсем засиделась, ни впечатлений тебе, ни себя показать миру... Впрочем, она неизменно так тянет на себя одеяло, стоит ее куда-нибудь прихватить с собой, что каждый раз после таких вылазок даешь клятвенные обещания, что это было в самый что ни есть распоследний раз.

Естественно, вечером я был в «Барселоне». Геннадий в черной косухе, бандане и каких-то сомнительных цепях поджидал меня у барной стойки. Собственно, большинство здешних аборигенов было прикинуто примерно так же. На мне были просто черные вельветовые штаны и черный же джемпер грубой вязки, так что я соответствовал заведению хотя бы цветовой гаммой своей одежды. Я заказал бренди и закурил:

— А Серж-то твой где? Опаздывает, что ли?

— Будет минут через пять, подожди...

— Да я-то, конечно, подожду. Занятно здесь, все красивенькие такие. А я и не думал, что когда-то встречу тебя в таком виде... И кто бы мог подумать, батюшка Геннадий, на кого же вы похожи-то?

— Да я же, во-первых, расстриженный. А во-вторых, где это написано, чтобы православный христианин, скажем, не смел одеваться таким образом или не смел посещать такие места?.

— Ну, нигде, наверное...

— Вот именно что нигде. А то, что не нельзя, то, стало быть, можно, — Генка хитро прищурился и подмигнул мне.

В это время все присутствующие в клубе повернулись к эстраде, кто-то закричал:

— Серж! Серж!

Те, кто сидел, заколотили ногами, раздались свист, разноголосые вопли радости, несколько девиц хлопали в ладоши. Свет в зале притушили, и на эстраду вышел длинно- и черноволосый парень в черном балахоне, с акустической гитарой. Все одобрительно заревели, замахали ему, он показал залу «козу», сказал: «Привет, люди, начнем, что ли?», взял первые аккорды. Публика притихла. После недлинного проигрыша он запел низким, очень проникновенным голосом:

Ты помнишь, демоны стучались в окна наши?
Они скребли по стеклам грязными когтями...
Никто не выслушал моления о чаше,
И смерть костлявая стояла перед нами...
И ты безжалостно шагнула ей навстречу,
И кровь твоя, как первый дождь, омыла землю...
Так ты ушла, а мне оправдываться нечем:
Зачем дышу, зачем дышу, вообще — зачем я?.. [\[13\]](#)

Смолкли последние аккорды, и зал начал бурно выражать свою радость. Было видно, что певца здесь любили, ждали и были безумно рады его выступлению. Серж спел еще несколько песен, публика подпевала, скандировала его имя, топала, хлопала и приплясывала. Примерно через полчаса он объявил перерыв и направился к нам.

— Ну вот, — представил нас друг другу Гена, — рок-звезда Серж, в миру Сергей Ларионов, в монашестве (бывшем) отец Сергей. Он же — кандидат филологических наук, лингвист, посвятивший свою диссертацию саидскому диалекту коптского языка.

— Ох ни фига ж себе... — только и смог сказать я, пожимая руку Сержа, на указательном пальце которой красовалось массивное серебряное кольцо с коптским крестом.

— Привет, Этьен, — улыбнулся он. — Как тебе здесь?

— Да ничего клуб, видно, что здесь собирается определенный контингент...

— Это точно... А как музыка?

— Знаешь, — я нисколько не покривил душой, — очень за душу берет. В особенности как ты спел первую свою балладу, у меня просто мороз по коже пошел... Слушай, но мне показалось, что звучала не одна акустика, между тем на сцене ты был один...

— Да у меня нет *группы*. Я работаю только с сольными проектами. Всегда. Тут есть некоторые технические ухищрения, если попросту говорить — то включается фанера еще нескольких инструментов.

— Только имей в виду, эту фанеру Серега сам и пишет, — вставил свое слово Таманцев. — Он у нас человек-оркестр.

— Пойдите, так ты, Сергей, говорил, что это твой очередной проект?

— Кассе, ты не поверишь, — снова откликнулся Геннадий. — Проект называется «Я — Иуда»...

— Опаньки!!!!!! А он при чем тут?

— Ну как же, я же коптолог, — пояснил Серж. — А в начальной коптской традиции Иуде уделялось очень много внимания, он был фактически ключевой фигурой ряда гностических апокрифов. Иуда — символ духовного поиска, нетщеславной любви, самопожертвования и самоотречения... Мне кажется, если вдуматься, Иуда — один из первых бунтарей в истории человечества, потому он вполне коррелирует с тяжелым роком. Кроме того, Иуда — это трагедия, смерть, космизм — то есть опять же тяжелый рок. Вот поэтому «Я — Иуда».

— Нет, у меня сегодня вечер откровений, — подивился я. — Сначала Генка предлагает встретиться в ночном клубе, потом сам туда припирается в косухе и бандане, по ходу оказывается, что специалист в области коптского, с которым мне и забита стрелка, рок-музыкант, тут лее выясняется, что он еще и монах-расстрига, как и сам Генка, ну и на закуску он говорит, что он торчит и прется от Иуды, расследовать обстоятельства жизни которого мы, собственно, и подвизались...

Минут через пять Серж снова вышел на сцену и снова запел. И я, то ли потому что выпил

уже достаточно бренди, то ли потому, что так на меня все это подействовало, не зная слов, подпевал ему, и кричал его имя, и свистел, и размахивал зажженной зажигалкой, когда он исполнял наиболее лирические свои композиции. Это было в самом деле необыкновенно талантливо и красиво.

После того как Серж отпелся, мы втроем переместились в другое место, где просто пили остаток ночи да говорили о жизни.

Сергей Ларионов родился в семье потомственных питерских интеллигентов, обожал родителей, обожал сестру. Окончил университет, во время обучения на филфаке его переклинило на коптских традициях и религии, поэтому он поступил в аспирантуру, вместо трех лет проучился в ней всего два года, с блеском защитил диссер. Основательно поднаторев в своей науке, Сергей решил дальнейшую жизнь посвятить Богу и принял постриг в том же мужском монастыре, что и Гена Таманцев. Еще ранее знакомые друг с другом, ребята здорово сблизились в своей обители, постоянно устраивали философские дебаты, пытались даже издавать в монастыре листок «Православный путы». Однако Генка сбежал из монастыря ввиду непредвиденных обстоятельств, [\[14\]](#) был заочно расстрижен и через некоторое время вынужден нелегально эмигрировать из России. История Сержа-Сергея развивалась по иному сценарию. Его младшая сестра, увлекавшаяся тяжелым роком и, похоже, входившая в сатанинскую секту, в один прекрасный день покончила жизнь самоубийством, написав ему на прощание очень сумбурное и ничего не объясняющее письмо. Горю тогда еще отца Сергия не было предела. Он бесконечно винил себя за то, что настолько ушел в мир сначала своей науки, а потом веры, что совершенно забыл о близких. Он прекрасно знал, что если бы рассказал своей Катьке о том, что понял сам, она бы так фатально не запуталась, а значит, была бы жива.

Постепенно горечь утраты сменилась для него осознанием нового долга: он не спас Катьку, но, может быть, сумеет достучаться до других Катек, может быть, подберет ключ к их внутреннему миру, научится говорить с ними на одном языке.

Только вот что это должен быть за язык? Ясно, что проповедью в наше время никому ничего не доказать. Зато современные тины и молодняк прекрасно понимают язык тяжелого рока. Придя к таким умозаключениям, отец Сергей обратился к настоятелю монастыря, чтобы тот благословил его на сольный проект. Тот посмотрел на своего монаха как на полоумного:

— Сын мой, — сказал он, — я вижу, что ты находишься под влиянием тех же бесовских заблуждений, что и твоя покойная сестра. Она накликала своим поступком жуткую беду на всех своих родичей, а у тебя так просто помутился разум в связи с ее кончиной. Единственное, что ты теперь можешь сделать в память о ней, — это молиться о ее заблудшей душе, которая не пожелала принять покаяния и не захотела отойти в мир иной так, как подобает православной душе — смиренно и с молитвой. Ее последний поступок глубоко аморален и отвратителен, он характеризует ее как женщину взбалмошную и нечистоплотную, достойную анафемы и осуждения. Я понимаю твои чувства, сын мой, но ты просишь о том, о чем не может быть и речи. Никогда не позволю я тебе принимать участия в бесовском действе, которое принято именовать роком. Думай о своей душе, спасай ее, ибо враг уже вплотную подобрался к ней и нашептывает в уши твои срамные и прелестные речи!

Выслушав эту тираду, Сергей, вопреки предположениям своего духовного отца, вместо того чтобы вернуться на путь истины и осудить сестру-суицидницу, повел себя практически неадекватно. Во-первых, он заявил настоятелю, что тот не имеет никакого права осуждать Катю, которую ему, Сергею, пока он жив, не заменит никто. Во-вторых, он сообщил, что, хочет того настоятель или не хочет, он, Сергей, непременно возьмет Катину старенькую гитару и станет петь для ее сверстников песни про нее же. Ну а в-третьих, он полагает, что вездесущий и всевидящий Бог мог бы и позаботиться о рабе своей и отвести от нее искушения, если уж на то

пошло, и не допустить ее смерти. А если он все это спокойно допустил, а теперь еще требует того, чтобы истинные христиане заклеили позором покончившую с собой девочку, то он жуткой лицемер, бессильный и самовлюбленный дурак, от которого в принципе нет никакого проку. «Понимаете, — резюмировал Сергей, — сейчас, во время беседы с вами, я вдруг понял, что Бог мне больше ни к чему. Он не помог моей сестре, он допускает войны, стихийные бедствия, с его соизволения и при его попусении люди убивают друг друга, измываются друг над другом. А Бог при этом только со всех спрашивает ответа, но не помогает никому. Ему надо кланяться, его надо бесконечно задабривать молитвами и жертвами, чтобы на выходе он дал тебе возможность умереть. Но ведь даже если он этого и не захочет, я умру все равно! Он не сможет отнять у меня этого права! А все остальное — просто мишура, фантики!!!».

С этими словами отец Сергей совлек с себя монашеское одеяние, сложил свои немудреные пожитки и отправился в путь. Сначала он вернулся в Питер, потом его начало кружить по жизни, он оказывался со своей гитарой то здесь, то там, и вот уже вышли два его CD, и вот о нем уже начали говорить как о явлении в мире рок-музыки. Наконец Серж на время обосновался в Париже. Именно здесь в один прекрасный день с ним нос к носу среди бела дня столкнулся наш Гена Таманцев. Они пообещали не терять друг друга из виду. А вскоре у Таманцева появилась возможность привлечь давнего приятеля как специалиста в наш проект.

— Знаешь, — под утро, когда небо уже начинало становиться белесым, говорил мне Серж, — тяжелый рок — это тяжелый рок. Это такая нелегкая судьба, если хочешь, карма. В нем и жизнь, и смерть, и все, что я знаю, и все мои вопросы к жизни. Знаешь, я сейчас пытаюсь осмыслить два момента — личность Иуды и идеи Ла Вея... Ведь Катька моя, похоже, на них подседа. Раскрутить бы это все, понять бы как-то... Ведь этот самый Антон Шандор — личность, безусловно, незаурядная. С какого такого перепугу он стал основателем альтернативной религии? ^[15]И что молодняк в сатанизме находит? Надеюсь, мне когда-нибудь удастся размотать этот клубок. Может быть, тогда я узнаю, что же толкнуло Катьку... Вот такой у меня рок. А проектом вашим я займусь с большим удовольствием. Мне всегда казалось, что придет время, и мои познания мне еще сослужат службу. Вот, похоже, такое время и настает. Я уверен, если взяться за дело с головой, можно нарыть очень даже много интересного. Коптский язык — это тоже мой тяжелый рок.

— Только я одного не понимаю, — честно признался я. — Как тебя в рокеры-то занесло? Ну, хотел говорить с молодежью, вразумлять кого-то — шел бы в препода, тем более у тебя леесть степень, вроде интересная квалификация?

— Да понимаешь, — ответил он, — это вопрос приоритетов и жизненной философии. Образование, даже самое что ни на есть фундаментальное и прикладное, — это всегда некий официоз. А молодые ребята официозу не верят. В общем, и правильно делают. Университеты во все времена у всех народов были проводниками официальной идеологии. Впрочем, случались и поныне случаются эпизоды университетских бунтов, но там инициатива исходила и исходит от студийусов, а не от профессуры. ^[16]Это вообще классическое противостояние «студент — профессор», так сказать, самовоспроизводящаяся система. Я могу кого-то научить разбираться в коптском языке, устанавливать возраст папирусов, навскидку анализировать состав чернил — это у меня получится из позиции «препод». Но повлиять на чью-то душу, достучаться до внутреннего мира, причем в массовом порядке... Однозначно нет, не получится. Тут нужно другое. И я давно это понял, работая с сочинениями отцов Церкви и представляя себе воочию их деятельность в первые века христианства...

— Ты хочешь сказать, что какой-нибудь Павел был рокером?

— Не совсем так. Он был проповедником. Причем выступал столь патетически, что собирал огромные толпы народу! Люди слушали его и теряли голову. Они скандировали его имя,

повторяли за ним каждое его слово, плакали и кричали во время его выступлений. А Иоанн Златоуст? Вот ведь тоже глыба! Просто необыкновенных масштабов фигура!..

— Я все-таки не до конца понимаю... Ты решил, что достучаться до людей можно только проповедью... и пошел на сцену с микрофоном?

— Ну да! В современном мире толпы собирают рокеры. Мы тоже своеобразные проповедники. Нас слушают, за нами повторяют слова, на наших выступлениях люди впадают в экстаз, как когда-то впадали в экстаз религиозный и мистический. Я понял, что сегодня проповедник может быть только в черном и с гитарой. Что-то проясняется теперь?

Я быстренько прокрутил в голове уже вчерашний вечер. Толпа беснующегося народа, перед ней на эстраде — бледный, вдохновенный Серж с гитарой... Они *слушали его*, они *верили ему*, они *готовы были идти* за ним! Безусловно, все именно так и есть, как он говорит. Его рок — его крест, его способ говорить с людьми и рассказывать им самое сокровенное о себе. Делиться с ними своими мыслями и чаяниями.

Но, черт возьми, какой феномен: бывший священник, ушедший в мир, взявший в руки гитару, влезший на эстраду в надежде «поймать в свои сети человеков». [\[17\]](#)

Я кивнул Сержу. Пора было расходиться.

— Слушай, а как же ты оторвешься от своих выступлений? — спросил я его напоследок.

— Да не волнуйся, оторвусь с удовольствием. Ты пойми, что я по одной своей ипостаси проповедник и рокер, а по другой — ученый, исследователь, двинутый на всю голову на древних коптах и их писаниях. То, что Генка предложил мне, — просто царский подарок. Я и мечтать не мог, что мне придется выступить в роли эксперта при анализе этого нашумевшего *Евангелия от Иуды*.

— А ты давно знаешь об этом памятнике?

— А как мне о нем не знать, если это моя страсть, которая исчезнет, видимо, только вместе со мной? Конечно, я читал о нем все, что публиковалось, знаю мнение ведущих коптологов на его счет, отслеживал каждое упоминание о нем... Но даже и в мыслях не держал, что мне придется самому поработать с этим текстом...

— Ну что, ребята, — подытожил Таманцев, у которого начали слипаться глаза, — у вас уже пошла лирика чистой воды и взаимное шарканье ногами. Это все хорошо и полезно, но не срочно необходимо. Пойдем-ка мы по домам, выспимся... Все же вроде обсудили, что нужно, теперь дело за техническими вопросами. Давайте вечером соберемся у Этьена да все это быстро и распишем — какие брать отношения, [\[18\]](#)рекомендательные письма, когда нам с Сержем куда ехать и прочее. Забились, что ли?

— Конечно, забились. — Я смотрел на Таманцева и Ларионова и думал, что жизнь преподнесла мне очередной сюрприз. Ну что ж, дают — бери! Я не из тех, кто отступает и трусливо чуть что поджимает хвост. Русский поэт Александр Блок писал: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю — и приветствую звоном щита!» Эти слова можно было бы сделать эпитафией к моей жизни.

Итак, мы, как и планировали, собрались вечером.

— Ни черта себе! — воскликнула Софи. — Это же Серж, у которого проект про Иуду!

— Да не, — не поверил Жерар, — я того видел по телевизору, у него черный балахон, а этот одет цивильно.

— А ты что думаешь, он всю жизнь должен ходить в балахоне? Одно дело на сцене, другое — в жизни... — Софи все-таки страшно желала, чтобы Серж оказался Сержем. — Ну скажи, пожалуйста, ты — это ты или не ты?

— Да все правильно, — взял в свои руки инициативу Таманцев. — Это тот самый Серж, он у нас будет заниматься научным руководством проекта...

— Ну, громко сказано, — вступил Ларионов, — но кое в чем помочь могу... Давайте обсудим...

— Давайте для начала по-нормальному познакомимся и выпьем кофейку, — затарахтела Софи. Здесь она была абсолютно права, потому как люди, чтобы между ними возникало хотя бы минимальное понимание и доверие, должны хоть что-то друг о друге знать. Конечно, временные лимиты — дело важное, но тем не менее иногда стоит пожертвовать временем ради того, чтобы наладить неформальные контакты. Потом все равно все как-то отработается. Проверено на личном опыте — и не единожды.

Итак, мы выпили уже не по одной чашке кофе, поговорили о том о сем, обменялись первичной информацией. Пора было переходить к делам.

— Ребята, — выступил со своими предложениями Серж, — с заданиями Софи и Жерара, думаю, все более-менее понятно. Если возникнут какие-то вопросы, мы с Таманцевым быстро их снимем — во всяком случае, постараемся. А вот что касается *Евангелия от Иуды*, то тут придется очень хорошо подумать, прежде чем принимать какие-то решения. Безусловно, его надо смотреть, читать, определять временную отнесенность — все как планировал Генка. Но тут встает один важный вопрос: нужно провести переговоры с владельцами папируса и теми учеными, которые его сейчас официально изучают. Причем так, чтобы нам не отказали. А они будут отказывать любому, кого заподозрят в желании вывести на чистую воду их фальсификацию...

— Ты так уверен, что это фальсификация? — переспросил Жерар.

— Теперь уже да, — кивнул головой Серж. — Я сегодня звонил в Шотландию Кнуту Брайану, одному из учеников Мортон Смиа, коптологу, который на всех этих гностических текстах собаку съел, причем не одну. Он просто посмеялся над моими вопросами, сказал: «Слушай, Ларионов, ты же не первый день как родился, с чего бы вдруг тебя понесло верить во все эти бредни и глупости?..»

Беседа Ларионова и Кнута Брамана

— Привет, Кнут! Это Сергей Ларионов!

— Ну ничего ж себе, сколько времени от тебя не было ни ответа ни привета, народ уже стал подумывать, не случилось ли с тобой чего, — ни на конференциях, ни на семинарах тебя не видно, статьи не выходят. У тебя все в порядке?

— У меня все в порядке, правда, я сменил сферу деятельности, но об этом говорить долго. Не суть. Важно, что я сейчас практически возвращаюсь к коптам... Звоню по делу, нужна твоя консультация...

— Ну давай, излагай свою проблему, поможем чем можем, ты же нас знаешь!

— Конечно, знаю, Кнут, потому и обращаюсь к тебе. Что ты навскидку думаешь про *Евангелие от Иуды*?

— А чего про него думать-то? Ничего в нем особенного не было и нет, а газетчики беснуются — им владельцы текста проплатили всю эту шумиху... Известное дело...

— Ты его видел?

— Обижаешь, на кой черт оно мне сдалось? Естественно, посмотрел подборку публикаций... Но там же невооруженным взглядом видно, что все шито белыми нитками...

— И ты не оставляешь даже какой-то вероятности, что текст подлинный?

— Слушай, Ларионов, ты же не первый день как родился, с чего бы вдруг тебя понесло верить во все эти бредни и глупости?

— Но люди верят...

— Да люди верят во все подряд при грамотном пиаре, что на этих доверчивых ориентироваться? И потом, Ларионов, а что это у тебя за патологический интерес к этому бреду? Уж не решил ли ты вляпаться в какую-то историю, связанную с *Евангелием от Иуды*? Ну-ка, колись!

— Да в том-то и дело, что уже ввязался, решил для начала узнать вот от тебя, что по этому поводу говорят в научных кругах...

— Говорят, что все это полнейшая лажа. Могу, если хочешь, скинуть тебе по электронке все, что у меня есть по этому источнику... Сам поймешь, какая это все муть и как непрофессионально все сделано... А вообще — зачем тебе это все?

— Кнут, *Евангелие* надо смотреть в рамках проекта по изучению биографии Иуды. Я так думаю, что даже если этот текст поздний, из него можно что-то почерпнуть...

— Да безусловно можно! Только вот имей в виду, здесь ты найдешь просто какие-то туманные намеки — не более... Для того чтобы действительно по-настоящему вникнуть во все вопросы, тебе нужно найти *Марка*, там должно быть все... Имей это в виду... В общем, обращайся, если что нужно, всегда расскажу что знаю. А *Евангелие* это я на твоём месте, конечно, тоже бы посмотрел, так, на всякий случай, но не обольщайся и не жди здесь ничего, ловить нечего — ситуация с ним просто проходная... По большому счету. Можно и не заморачиваться бы... Если будешь *Марка* искать, свисти мне, я к тебе непременно присоединюсь...

Серж вытащил из своей объемной брезентовой сумки листки с распечатками: это были те материалы, которые перебросил ему Брайан. Однако перед тем как просмотреть их, Софи задала несколько вопросов:

— Послушай, а кто такой этот Брайан? Ты сказал, он ученик какого-то Мортонна, ну и что из этого? И какого Марка он хочет искать?

Ни я, ни Жерар тоже не имели ни малейшего представления о Мортоне Смите (я предположил, что это, наверное, какой-то известный коптолог) и не очень поняли, о каком Марке идет речь. Таман-цев вроде бы что-то знал, но предпочел отмолчаться; думаю, он просто хотел уточнить свое понимание данных вопросов. Сейчас сами убедитесь в том, что они в самом деле были отнюдь не проходными. Итак, Ларионов начал. Суть его лекции сводилась к следующему.

Мортон Смит и Тайное Евангелие от Марка

Будущий профессор богословия Мортон Смит в 1958 году работал над

каталогизацией библиотеки одного из израильских монастырей. При просмотре и описании рукописей и старопечатных книг в одном из фолиантов XVII века он обнаружил три листочка, исписанных греческой скорописью. Данный фрагмент рукописи, датированный XVIII веком и являвшийся, вероятно, поздним списком с документа II века, содержал неполный текст *Послания Климента Александрийского* некоему Феодору, ярому гонителю карпократиан и их учения. ^[19]Содержание отрывка сводится к следующему: Климент подчеркивает, что карпократиане должны постоянно противопоставляться христианам, причем даже если карпократианин говорит истину, нельзя с нею соглашаться, «ибо не всякая истина — истина; и истина, кажущаяся (таковой) по человеческому представлению, не должна предпочитаться истинной истине по вере». Похвалив Феодора за его бескомпромиссность, Климент в своем *Послании* далее рассказывает о Марке и его *Евангелии*:

«Марк, по пребывании Петра в Риме, записал деяния Господни, но не все открыл и, впрочем, на тайные не намекнул, но выбрал полезные к умножению наставляемых в вере. По мученичеству же Петра Марк переехал в Александрию, увезя и эти, и Петровы записи, из которых перенес в первоначальную свою книгу способствующее к накоплению знания». По словам Климента, именно там, в Александрии, было составлено *Тайное Евангелие от Марка*, которое «и поныне все еще весьма надежно хранится, прочитываемое только посвящаемым в великие таинства». Однако безбожный Карпократ, видимо, наученный демонами, втерся в доверие к хранителю бесценной рукописи и получил от него копию *Тайного Евангелия*, «которую... истолковал по злословному и плотскому своему представлению, а также и осквернил, с незапятнанными и святыми словами смещав бесстыд-» ^[1]ректные толкования Карпократа на текст Евангелия, Климент в *Послании к Феодору* приводит две выдержки из сочинения Марка. Далее следуют слова: «Многое же остальное, о чем ты писал, — подделка и по виду, и по сути. На самом деле истинное и согласное с истинной философией истолкование...».

На этом текст *Послания* обрывается. Мортон Смит сфотографировал текст *Послания*, сделал его научный перевод и опубликовал ряд исследований, посвященных догадкам о том, что мог содержать текст таинственного *Тайного Евангелия от Марка* и как оно могло трактовать образ Христа. С точки зрения Смита, тот должен был быть представлен Марком как мистик и чародей, что совпадало с гностическим взглядом на Спасителя. Естественно, за подобные изыскания Смиту досталось и от научного мира, который усомнился в подлинности сделанной им находки, и от Церкви, яростно воспротивившейся попытке пересмотреть основные постулаты христианства. Противники писали о Смите, что он фактически интерпретировал с позиций гомосексуализма некое якобы описанное в *Тайном Евангелии* мистическое таинство, совершенное Иисусом над обнаженным; что он сам карпократианин и гностик; что он лис и недалек и потому его выводам категорически нельзя доверять, да и вообще сомнения вызывает каждое его слово. Может быть, из зависти, а может, из искренних убеждений оппоненты заявляли, что, похоже, Мортон Смит на самом деле и не находил никаких рукописных страничек в монастырской библиотеке, а сам их сфабриковал, а потом сфотографировал. Доказать обратное было весьма сложно: *Послание Климента* было утрачено при непонятных обстоятельствах. Впрочем, нашелся еще один человек, который сделал с него копию и независимые фотографии, пока оно еще хранилось в монастырской библиотеке.

Последователи Нортон Смиа, среди которых и старый знакомый Ларионова профессор Кнут Брайан, абсолютно уверены в аутентичности *Послания Климента*; они полагают, что оно рано или поздно всплывет в каком-нибудь частном хранилище; более того, они надеются все-таки со временем обнаружить в одном из коптских монастырей на территории нынешнего Египта древний папирус с текстом *Тайного Евангелия*.

Таким образом, вроде бы стало понятно, что имел в виду Кнут Брайан в разговоре с Сержем: он предлагал тому включиться в поиски *Тайного Евангелия от Марка*, в глубокой древности надежно спрятанного в коптской монастырской библиотеке в Александрии. Именно в нем, с точки зрения последователя Смиа, можно было бы найти ответы на все интересующие нас вопросы — в первую очередь на вопрос об истинной роли Иуды в окружении Христа. Однако предложение Брайана поискать *Тайное Евангелие* выглядело подобно сказочной формуле «пойди туда — не знаю, куда; принеси то — не знаю, что». Пытаться решить эту загадку предстояло нам на втором этапе нашего расследования. Пока же надлежало сосредоточиться на синице в руках (которую, кстати, надо было еще в эти самые руки получить), то есть *Евангелии от Иуды* (по крайней мере, было понятно, где искать концы этой ниточки). [\[20\]](#)

— Ну что, — сказал Ларионов, — для начала ознакомимся с тем, что известно об этом самом *Евангелии от Иуды*. Вот выжимки, которые прислал Кнут, я распечатал, чтобы у каждого был свой экземпляр. Важно, чтобы все высказали свое мнение.

— А над чем думать-то? — спросил Жерар. — В первую очередь у нас тут какие проблемы?

— В первую очередь у нас проблема, как до этого текста добраться, — ответил Таманцев. — И, кстати, подумайте, на что следует обратить внимание, когда мы сможем на все это увидеть воочию.

— ОК, идет. Значит, у нас, типа, мозговой штурм, — удовлетворился Жерар, который, надо сказать, слегка комплексовал по поводу того, что ему выделили какие-то «несчастные апокрифы» (в моменты ворчания он так называл свой фронт работ). Теперь же вроде бы все решалось без дискриминации, и он воспрял духом.

Однако он рано обрадовался: Серж неправильно посчитал присутствующих, и Жерару не хватило распечаток. Он уже приготовился высказаться на этот счет, но Таманцев сунул ему в руки свой экземпляр, а сам по-новой запустил принтер. Все на некоторое время погрузились в задумчивое чтение.

Что известно о так называемом Евангелии от Иуды

В конце II века (видимо, в 190-х годах) один из первых христианских епископов Иринеи Лионский написал свой знаменитый трактат «О ересеях». Дело в том, что именно это время было временем бурных дискуссий, которые сопутствовали становлению новой религии, приобретшей с течением времени статус мировой. Пока же (до Никейского собора, состоявшегося по инициативе римского императора Константина в 325 году) не было принято решение о том, какие христианские тексты считать каноническими, а какие — не считать, что считать уместным и что неуместным при отправлении культа и т. д. Ревнителю той концепции Христа, которая впоследствии была признана единственно правомочной, объявляли своих оппонентов еретиками и яростно оспаривали их точки зрения. Перечисляя своих идеологических противников, один из столпов «истинного» христианства Иринеи вспомнил и о ереси, изложенной в Евангелии от Иуды. Он по ее поводу высказывался в таком духе:

«Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава, Корей, содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы Творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность. И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и чрез него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя Евангелием Иуды».

В этом отрывке, который является первым упоминанием о Евангелии от Иуды, Иринеи говорит о так называемых каинитах. Представители этой гностической секты предполагали двойственность высших сил: верховным началом они считали Софию — мудрость, разум; на ступень ниже стояла сила, сотворившая материальный мир, — Истера. Ангелы же мироздате-ли считались каинитами неким координированным началом, причем учением не определялось ни значение этих ангелов, ни их происхождение. Также каиниты не конкретизировали, кто — София, Истера или ангелы — создали Адама и Еву. От брачного союза Евы с обеими силами рождаются

Каин и Авель. Каин — сын Софии, Авель — Истеры. Совершенно закономерно, что потомок высшей силы, олицетворяющий высокую духовность Каин убил плотского и материального Авеля, восторжествовав тем самым над низшей силой, Истерой, поправ представляемый ею вещный мир. Преемниками основополагающей идеи, заложенной в Каине (Каин — борец против диктата Истеры), по мнению каинитов, стали впоследствии содомляне, Исав, Корей, его сподвижники Дафан и Авирон и, наконец, Иуда-предатель, единственный, с их точки зрения, истинный апостол Софии. Каиниты считали себя последователями ветхозаветных грешников, полагали своим долгом любыми способами бороться против засилья Истеры, в первую очередь отказываясь соблюдать нормы этики и пренебрегая общественными устоями.

Ириней, очевидно, ополчается на каинитов, почитая их еретиками, а их Евангелие от Иуды — чуть ли не сатанинским наваждением. Из данного текста отца Церкви следует, что он сам был знаком с ругаемым им сочинением. Однако, поскольку никто, кроме Ириней, ни о каком Евангелии от Иуды никогда не слышал, многие исследователи считали, что обличитель просто придумал его в порыве красноречия, как, впрочем, и пресловутую секту каинитов. Во всяком случае, никаких других указаний на нее ни в одном источнике не было. Безоговорочно же верившие трактату историки христианства и философы попытались реконструировать философские взгляды каинитов, выводя их из общегностической модели первых веков христианства.

— Слушайте, может быть, я полная невежда, но я понятия не имею, что такого плохого сделал Исав... — подала голос Софи.

— Вот-вот, — согласился с ней Жерар. — Кто такой Каин, понятно, с содомлянами тоже вроде более-менее ясно, но вот прочие персонажи... Корей тот же — это кто такой? А Дафан и Авирон, сподвижники его, в чем это они его, интересно, поддерживали?

— А я бы и про содомлян уточнила, — призналась Софи, — они, кажется, практиковали мужеложество, но точно ли это?

Я решил их поддержать:

— Гена и Серж, а мне бы не повредили и некоторые знания о том, кто такой, собственно, был этот самый Ириней Лионский... Если уж копать, так копать достаточно глубоко...

— Хорошо, извольте, начнем тогда, пожалуй, с Ириней. Давайте, господин Таманцев, с вас доклад, — согласился Ларионов.

— Да на здоровье. Об Ирине — так об Ирине. Его называют первым из великих отцов Церкви. Вы уже знаете, что он был епископом Лионским. Родился он около 130 года в Смирне. Там изучил поэзию, философию, риторику и еще множество наук, которые в то время считались необходимыми для человека, планирующего посвятить себя духовной карьере. Что же касается основ христианского богословия, то здесь его наставником выступал знаменитый Поликарп Смирнский, ученик апостола Иоанна Богослова. Поликарп крестил Иринея, со временем рукоположил в пресвитеры и отправил в Галлию (во Францию), в город Лугдун (то есть Лион) помогать тогда уже престарелому епископу По-фину. Иринея с ответственностью относился ко всем поручениям епископа, а в 178 году, через год после мученической кончины епископа Пофина, сам стал епископом города Лугдуна.

— Постой, а что случилось с этим Пофином? — уточнила Софи.

— То, что в то время довольно часто случалось с христианскими миссионерами, желающими обратить язычников в свою веру. Галльские новообращенные взбунтовались и расправились со своими христианскими «учителями», среди которых был и девяностолетний Пофин, умерший в темнице после избиения. Возвращаемся, если вы не против, к нашему Иринею. О нем говорили, что своей горячей проповедью он очень скоро обратил всех жителей Лугдуна в христианство, более того, его авторитет снискал ему приверженцев и по всей Галлии. Во время своего епископства Иринея очень много проповедовал и писал. Наиболее известен он как борец с гностицизмом, развенчанию идеалов которого посвятил пять своих книг «Против ересей» (вероятнее всего, они написаны в середине 190-х годов).

— Очень любопытно, — пробормотал Жерар. — И что, доподлинно известно, что все тексты, которые ему приписываются, писал именно он? Сохранились его аутентичные автографы?

— Ничего себе! — Таманцев показал Жерару большой палец. — Ты смотри, задаешь вопросы прямо не в бровь, а в глаз. Второй век, какие автографы? О чем речь? Естественно, Иринея, как и прочие современные ему деятели, впрочем, и не только современные, а столпы христианства этак века до десятого, если не позже, — фигуры наполовину легендарные. А с творениями Иринея вообще произошла удивительная история. Тот же трактат «Против ересей» до середины XX века был известен только в изданиях, повторяющих издание Эразма Роттердамского (1526), а откуда тот взял тексты Иринея — вообще ничего не известно. И вот прикиньте, в 1941 году в местечке Тура близ Каира находят небольшое хранилище древних папирусов, а среди них — и три из пяти книг «Против ересей» (начиная с третьей)! Соответственно все дальнейшие издания Иринея были сверены с материалами этих папирусов. Ладно, возвращаемся к его жизни, хотя рассказывать осталось уже и совсем немного. Иринея проповедовал, писал свои труды, обращал галльскую знать и чернь в христианство. Однако гонения на Церковь в Европе продолжались. Начало третьего столетия ознаменовалось расправой с санкции римского императора Севера над несколькими тысячами христиан (по некоторым источникам, в 202 году погибли до 19 тысяч человек). Епископ Иринея, таким образом, фактически повторил судьбу своего предшественника епископа Пофина. С Иринеем вопрос снят?

Все утвердительно закивали. Один я попытался уточнить:

— Послушай, а часом не может быть такого, что этот самый найденный в 1941 году папирус — подделка, что кто-то просто загодя спланировал операцию с *Евангелием от Иуды*, которая должна была растянуться (и фактически растянулась) не на один десяток лет? Смотри,

как красиво могло бы все получиться: сначала «находят» папирус с книгой Ири-нея, в которой тот поминает пресловутое *Евангелие*, информация о нем, пока под знаком вопроса, входит в научный обиход... А далее, более чем полвека спустя, наконец-то «обнаруживается» и само *Евангелие*... Согласись, в таком раскладе что-то, безусловно, есть!

— Есть-то есть, — ответил мне уже Ларионов, — однако тут, как всегда в таких случаях, в первую очередь значим вопрос: а кому и зачем это могло понадобиться?

— Ну, например, тем, кто во что бы то ни стало хотел и особенно хочет именно сейчас протащить это самое *Евангелие*, уверить весь мир в его аутентичности...

— Да поди разберись со всем этим с бухты-барахты! — Серж развел руками. — Может быть, в ходе нашего расследования и удастся что-то такое выяснить... Пока надо просто определиться с тем, что мы имеем на входе и что мы ходим поймать на выходе... А потому пока продолжаем наш ликбез. Что у нас еще было на повестке дня? Спой, светик-Генка, не стыдись...

— Да кто бы вообще тут чего-то стыдился. Остальные вопросы вообще простенькие. Начнем с содомлян. С ними определиться проще и быстрее всего. Для начала выскажите свои предположения на их счет... Начнем с дамы.

— Насколько я знаю, — бойко начала Софи, — Содом и Гоморра были уничтожены, потому что их жители погрязли в разврате, вроде бы они все поголовно были гомиками...

— И еще зоофилами! — дополнил ее Жерар.

— А я, честно говоря, так и не понял, что они такого делали, что их вместе с двумя их городами такой добрый и умный Бог решил стереть с лица земли. Вообще не понимаю, почему, если все происходит по Его соизволению и с Его ведома, надо непременно искать каких-то козлов отпущения и их наказывать... — высказался я.

— Ну, ты не одинок, — поддержал меня Серж. — Этого не понимает фактически ни один думающий человек, зато истинные христиане прекрасно знают, что думать ни о чем не надо и понимать что-либо тоже не имеет большого смысла, даже силиться понять... Просто вот так: все бери на веру, раз сказано, раз написано, значит, так и есть, значит, так и положено... Впрочем, нас постоянно заносит куда-то в сторону. Многие и правда уверены, что Содом и Гоморра были уничтожены за то, что их жители постоянно практиковали зоофилию, вот почему зоофилию нередко называют содомским грехом. На самом же деле Библия, то есть Ветхий Завет, не дает уточнений по поводу сексуальных извращений, прославивших в веках Содом и Гоморру, а потому имеет место быть и точка зрения, согласно которой содомский грех — это анальный секс в общем и гомосексуализм в частности.

— Однозначно «зачет»! — потер руки Таманцев. — Остались Исав, Корей и Дафан с Авироном. Кто помнит про Исава?

— Я припоминаю, что он был единоутробным братом Иакова, его близнецом, родившимся чуть раньше, так? — спросил я.

— Именно, первенец Исаака и Ревеки, чье имя означает «волосатый», старший брат Иакова. А как ты думаешь, почему это Исав попал в одну компанию с Каином и Иудой?

— Да он не мог быть равнодушным к успехам Иакова, так часто бывает у братьев, да и у сестер тоже, — вставила Софи.

— Просто завидовал?

— Да нет, вроде даже и убить Иакова собирался...

— А за что?

— А за то, что тот пытался присвоить себе его, Исавово то есть, первородство.

— Кстати говоря, вот еще один парадокс Библии: она отлично относится к Иакову, который по совету своей матушки обманул слепого отца на смертном одре, назвавшись именем его любимца-первенца и получив таким образом от того благословение; и вместе с тем осуждает

Исава, у которого было похищено первородство, за мстительные чувства, — заметил Жерар.

— Ну да, мы превращаемся просто в какое-то любительское общество изучения и критики Библии! — прыснула Софи.

— Похвальный интерес, — снова перехватил инициативу Таманцев. — А кто знает что-нибудь о Корее?

— Корея бывает Южная и Северная, Северная — коммунистическая. В Южной делают Самсунги и Дэ-ушки! — бодро отрапортовала Софи.

— Изумительно, а что касается библейского Корея?

Увы, о нем никто из нас ничего припомнить не мог.

— Ну что ж, тогда я просто быстро расскажу о нем, — сказал Гена. — Корей — родственник и современник Моисея и Аарона ^[21], который решил взбунтовать против тех народ Израиля в момент пребывания его в пустыне (вы, кстати, помните, что Аарон — брат Моисея?). Обратите внимание: имя Корей означает «плешивый, лысина» — вот ведь ирония судьбы, не так ли? Исава был «волосатый», следующий злодей — «лысый». Так вот, Корея поддерживали Дофан и Авирон и еще 250 человек. Троица выступила против самостийно возвысившихся над «народом господним» Моисея и Аарона. Впрочем, все трое здорово погорели на своем вольнодумстве — в книге *Числа* рассказывается, что их поглотила земля за то, что они противостояли божественной воле. «Добрый» Бог же решил покарать и их сторонников и наверняка расправился бы со всеми непокорными, если бы за тех не заступился Аарон. Вот такая вышла история.

— А для нас важно понять, какую параллель проводит Иринея между всеми выдающимися грешниками Писания: с его точки зрения, братоненавистники и извращенцы, попирающие заповеди, ниспосланные Богом человечеству, — прямые предшественники Иуды, фактически обожествлявшегося гностиками, в их понимании сосредоточившим в себе самую суть истинно божественной идеи, — подытожил Серж. — Кстати, Иринея тут не изобрел велосипеда: в Соборном послании святого апостола Иуды, — да успокойтесь, не того, не Искарота! — замахал он руками на Софи и Жерара, — так вот, в этом соборном послании (в Новом Завете) проводится линия Каин — Содом и Гоморра — Корей.

— Ну что, други, в первом приближении поняли, что было какое-то мутное упоминание Ириней о *Евангелии от Иуды*, с которым мир познакомился только в XVI веке. Теперь же это самое *Евангелие* болтается на доступе в Каирском музее, его можно там если не потрогать, то, во всяком случае, посмотреть через стекло. Но в этом мало радости — все равно никто из вас коптским не владеет, а следовательно, и прочитав ничего не сможет, — резюмировал Ларионов. — Возвращаемся к нашему тексту. Мы вернулись к чтению распечатки.

О чем рассказывает Евангелие от Иуды

Текст *Евангелия* рассказывает о том, какое место Иуда Искариот занимал среди учеников Христа — 12 апостолов, следовавших за ним при Его жизни.

Из *Евангелия* следует, что Иуда был любимцем своего Учителя, который считал его чуть ли не посвященным и достойным того, чтобы открыть ему самые сокровенные тайны. Иисус, выделяя Иуду и по-особому относясь к нему, ведет с ним уединенные беседы, рассказывая о мироустройстве и мировой иерархии. Особую короткость отношений Спасителя и апостола подчеркивает уже само заглавие текста: «Сокровенное слово, которое Иисус рассказал, говоря с Иудой Искариотом в откровении за восемь дней до трёх дней, когда Он ещё не пострадал». Один Иуда узнает в Христе посланника высших сфер, он говорит своему Учителю: «Я знаю, кто Ты и из какого места Ты вышел. Ты вышел из зона Барбело, бессмертного, и пославший Тебя — Тот, чье имя я не достоин произнести». Зоном Барбело гностики называли высшие бессмертные сферы, участвовавшие в сотворении мира и, соответственно, принимающие участие в управлении им.

Христос, проникнувшись доверием к Иуде, рассказывает ему об устройстве мира — зонах и управляющих ими архонтах, и о том, что первого человека сотворил ангел Сакла (в переводе с арамейского его имя означает «дурак»), который постоянно пребывает в динамичном противостоянии с ангелом Небро (он в тексте *Евангелия* «окровавленный»). Настанет время, и на смену Сакле придет другой ангел-творец, который приведет с собой другое поколение людей. Может быть, это будет альтернативная цивилизация, альтернативный род; эти люди станут жить по другим, своим законам, ничего общего с «законами» «нынешнего, поколения» (людей — потомков Адама, сотворенного Саклой) не имеющими.

Иисус говорит, что Иуда обладает мистическим даром предвидения и всепонимания, путь ему предстоит недолгий, но такой, который не даст о нем забыть в веках. И останется имя его на слуху, главным образом потому, что именно он сдаст Учителя стражникам. Это необходимая жертва со стороны обоих, без которой Христос практически не сможет выполнить свое предназначение — реализоваться как бессмертный дух, только на некоторое время получивший в пользование тело.

Если, согласно версиям канонических Евангелий, Иисус предсказывает предательство одного из апостолов, то в *Евангелии от Иуды* все обстоит с точностью до наоборот: Христос наставляет Иуду отдать себя в руки стражников. Если Иуда откажется, некому будет выполнить эту великую миссию, которая необходима как предшествующая искупительной жертве на кресте.

Таким образом, *Евангелие от Иуды* реабилитирует этого ученика Христа: не из-за подлости своей, не из жадности и не из желания обогатиться, даже не

разочаровавшись в Христе (именно версию разочарования выдвигали некоторые толкователи Нового Завета, которым поступок Иуды не давал покоя), Иуда предает Его в руки стражи — он поступает так по приказанию своего Учителя и Наставника, избравшего именно его для этой миссии. Выбор же Иисуса падает на Иуду как на избранного и просветленного — только ему можно доверить самые сокровенные тайны, рассказать о высшей иерархии, только он способен понять истинное значение и истинную роль Христа в истории настоящего и будущего человечества, только на него можно положиться: лишь он способен справиться со страшным поручением — взять на себя функции предателя. Остальные ученики-апостолы слишком темны и невежественны, они глухи духовно и многого просто не в состоянии понять, а тем более — принять.

Евангелие оканчивается следующими словами: «И первосвященники роптали, что Он вошел в комнату Своей молитвы. Были же некие из книжников, наблюдавшие, чтобы схватить Его на молитве, ведь они боялись народа, ибо Он был для них всех как пророк. И они встретили Иуду, они сказали ему: „Что делаешь здесь ты?! Ты ученик Иисуса!“. Он же ответил согласно их желанию. И Иуда взял деньги, он предал им Его». Вот так, покорно и обиденно, повинувшись воле своего Учителя, Иуда взваливает на себя, пожалуй, самую страшную в истории человечества ношу — он соглашается принять обращенные на себя проклятия ради того, чтобы дать возможность роду человеческому быть спасенным искупительной жертвой Христа. Не зря тот на протяжении текста несколько раз говорит Иуде, что тому покровительствует некая путеводная звезда, которая не оставляет его ни днем ни ночью и озаряет его непростой путь — путь самоотречения и служения вечной истине.

— Ничего себе! — по прочтении этого фрагмента текста Софи просто развела руками. — Тут, получается, все поставлено с ног на голову! Что после этого всего думать об Иуде?

— После этого надо именно что думать, — улыбнулся Ларионов. — А то мы привыкли ждать с раскрытым ртом, когда нам туда кто-нибудь что-нибудь положит, вот туда и сыплется все что ни попа-дя, а мы все глотаем... Хватит уже довольствоваться тем, что нам подсовывают, пора осуществлять самостоятельный выбор!

— Постой, не митингуй, — перебил его Геннадий. — Что ты предлагаешь делать? Сразу, в едино-часье зачеркнуть Новый Завет, безоговорочно поверить *Евангелию от Иуды*? Но почему?

— Да-да-да. Объясни, пожалуйста, чем тебе так импонирует это новое прочтение образа предателя и негодяя Иуды... Ты понимаешь, за 2000 лет его имя стало уже нарицательным! Так нет же, теперь окажется, что он единственный последователь Христа всех времен и народов, что его нужно почитать за тот подвиг, который он совершил, и т. д.

— Уймись, ребята, — Серж; сказал это абсолютно серьезным, деловым голосом, звук которого настраивал на конструктивные обсуждения, — я ничего такого не имел в виду, я просто сказал, что всегда, нам всем, нужно думать. Иначе тебя разведут, как я не знаю что... А применительно к данной, гиперщекотливой ситуации вообще ясно как Божий день: надо все анализировать, ко всему относиться с долей скепсиса, чтобы не возникало никаких соблазнов априорного доверия чему бы то ни было. Самое любопытное, что, к каким бы выводам мы ни пришли, они будут практически сенсационны...

— Что ты имеешь в виду? — настало время удивляться мне.

— Да все очень просто: если мы признаем подлинность и значение *Евангелия*, а самое главное — того, что в нем описывается, это одно дело. Тогда выходит, что имя Иуды нуждается в реабилитации, а история апостолов — в пересмотре. Если же мы отвергаем материал *Евангелия*,

подергаем текст сомнениям, получается, что речь идет о какой-то подделке, которую кто-то когда-то по каким-то причинам сфабриковал, — и остается попытаться выяснить, кто бы это мог быть и зачем ему все это могло понадобиться.

— И как мы все это будем выяснять? — простила Софи. — Как можно идентифицировать подделку, которая была сделана, скажем, полторы тысячи лет назад?

— Да не суетись, посмотрим, все уляжется рано или поздно, — попытался успокоить ее Таманцев. — Ребята, нам осталось не так уж и много, давайте сделаем последний рывок — заглотнем историю *Евангелия от Иуды* — и все будет хорошо.

— Да будет так, аминь, — пропел Ларионов. Явно наклеывалось продолжение работы избы-читальни.

— Стоп, без меня не читайте, а я пока хоть кофе, что ли, сварю на всех! — на бегу в кухню прочирикала Софи.

Ну, кофе так кофе, почему нет, собственно?

Десять минут прошли в полном молчании.

— Народ, если кто выпил свой кофе, — пророкотал Таманцев, — пора переходить к заключительному этапу знакомства с *Евангелием*. Мы должны составить представление о том, кто, когда, при каких обстоятельствах его нашел, хранил, продавал и перепродавал, работал с ним... Короче, нам нужна максимально полная информация о памятнике, так что давайте напрягайтесь.

— Слушаем и повинемся, читаем дальше, — съерничала Софи, Впрочем, действительно, утыкаясь в распечатку.

Как текст Евангелия от Иуды был обнаружен и менял владельцев

Фигурантов в истории находки и купли-продажи-перепродажи сенсационной рукописи огромное количество.

По версии последних владельцев папируса, содержащего текст *Евангелия от Иуды*, местом его находки явилось пещерное захоронение неподалеку от города Махага в провинции Эль-Минья (правый берег Нила, 193 километр к югу от Каира). Некие местные археологи-любители (имена их никому не известны) нашли его в скале, буквально изрытой катакомбами и ходами, и привели туда поднаторевшего в подобных операциях по расхищению гробниц Ам Самию (это было в начале 1970-х годов). Ам Самия, увидев два гроба в пещере, выбрал один из них для подробного осмотра. Там обнаружился скелет и стеклянные фляги римской работы, обернутые в древний папирус. Согласно данной легенде, гроб и скелет рассыпались, судьба фляг неизвестна, а вот папирус Ам Самия забрал себе.

Через некоторое время (в 1978 году) он показал своей знакомой Джоанне, которая увлекалась коптским искусством, место тех захоронений в скале; женщину поразила замечательная вентиляция в катакомбах. Тогда же Ам Самия похвастался, что ему удалось весьма выгодно продать александрийскому антиквару Ханне Азабилю (за целых 8 тысяч египетских фунтов!) найденные в гробницах папирусы, причем по своей неграмотности он не мог сказать, что это были за рукописи, на каком языке они были написаны, и т. д.

По странному стечению обстоятельств вскоре после этой экскурсии Ам Самия умер. Джоанна жива и поныне, но когда ее попросили указать место, которое ей в конце 70-х показал Ам Самия, она не смогла (или не захотела?) этого сделать.

Ханну Азабилю, связавшегося с папирусом, ждали многочисленные приключения. Все началось с того, что он решил проконсультироваться о том, за сколько можно сбыть оказавшиеся в его руках рукописи в Европе, у своего знакомого грека-антиквара, который жил в Женеве, а в Египет наезжал в поисках разных диковинок.

Этот Николас Кутулакис пришел в лавку Ханы с рыжеволосой спутницей, которую, скорее всего, звали Евфимией (уменьшительные ее имена звучали как Миа, Эффи и Фифи). Миа бегло говорила по-арабски, и Кутулакис использовал ее как переводчицу. Кутулакис дал понять Ханне, что написанные на папирусах коптские рукописи могут быть с успехом перепроданы, и предложил свои посреднические услуги. Однако Ханна побоялся, что грек сдерет с него слишком большой процент за посредничество, и решил пойти другим путем.

Отказавшись от услуг Кутулакиса, Ханна у того за спиной заключил союз с Миа.

Египтянин поручил ей найти для себя клиента и предложил выгодные, с его точки зрения, комиссионные. Миа вскоре порекомендовала Ханне потенциальных покупателей, и в марте 1980 года пара флегматичных европейцев прибыла в Александрию на собственной яхте, чтобы лицезреть сокровища Ханны. По случаю их приезда торговец все свои диковинки перенес из лавки в дом, где и встретил гостей. Они с удовольствием рассматривали все, что показывал им хозяин, и соглашались на любые приобретения не торгуясь. Ханна был очень доволен, в конце концов покупатели и продавец ударили по рукам, подсчитали всю сумму предполагаемой покупки — и визитеры вернулись на яхту, якобы за деньгами.

Однако они так и не сделали никаких покупок, более того — их даже больше никто не видел. А в дом Ханны проникли воры, которые унесли все самое ценное. Примечательно, что они даже не стали возиться с сейфом, где хранились фамильные драгоценности и папирусы, — предпочли унести его целиком, не вскрывая (через некоторое время полиция обнаружила уже пустой, естественно, сейф со взломанными замками в соседнем квартале).

Прошло время, и на антикварном рынке Европы стали всплывать предметы, украденные у Ханны.

К ситуации подключился в 1982 году Кутулакис: ему удалось найти и вернуть Ханне папирусы (в качестве оплаты за услугу он взял золотые древнеегипетские серьги и золотую же статуэтку Изиды, которые также нашел в одной из частных коллекций Европы и сумел доказать, что они были похищены у египтянина; кстати, по ходу дела выяснилось, что эти предметы были куплены у женщины по имени Эффи). Кутулакис во время своих поисков пользовался услугами некоего Янниса Пердиоса, светского человека, грека по происхождению, ведущего околбогемный образ жизни. Пердиос участвовал, таким образом, в поисках папирусов, имел возможность их сфотографировать и познакомился с самой Ханной.

По просьбе последнего, который так и не расстался с мыслью обогатиться за счет продажи коптских рукописей, Пердиос начал искать в Европе покупателя, готового выложить кругленькую сумму за сокровища Ханны. Так, он дал пачку фотографий папируса Фриде Ча-кос-Нюссбергер, вдове известного швейцарского ювелира, которая после его смерти сама занялась антикварным бизнесом. Однако в тот момент у Фриды на примете никаких респектабельных покупателей не было...

Что же касается папирусов, то Пердиос отсоветовал Ханне возить их с места на место. Под них был арендован сейф в одном из швейцарских банков, где их благополучно и оставили на время поисков покупателей.

В 1983 году таковые обозначились на горизонте. У Ханны было три папирусных кодекса (кодексом называют папирусную книгу; скрученные же папирусы называются свитками): один представлял собой трактат по математике на греческом языке, второй — Книгу Исхода, тоже на греческом, а третий содержал несколько текстов на коптском, среди которых было и *Евангелие от Иуды* (кроме него кодекс включает **«Первое откровение (апокалипсис) Иакова»**, **«Послание Петра Филиппу»** и **фрагмент текста, условно названного учеными «Книгой чужестранца (Аллогена)»**).

Купить эти рукописи решили трое же американских ученых — эксперт по истории раннего христианства Джеймс Робинсон, профессор Мичиганского университета Людвиг Кёнен и библеист Дэвид Ноэл Фридман. На собственно коптский кодекс претендовал Джеймс Робинсон, который добился выделения 50 тысяч

долларов для приобретения раритета отделом редкой книги своего университета. Впрочем, на встрече в Женеве, где происходил торг, присутствовал не сам Робинсон, а его ученик Стивен Эммель, в это время находившийся в командировке в Европе.

Встреча продавцов и потенциальных покупателей была оформлена в высшей степени таинственно: они собрались в одном отеле, затем переехали в другой, и именно там из обувных коробок на свет Божий извлекли древние кодексы, листы которых были переложены газетами. Ученым бросилось в глаза довольно посредственное состояние документов.

Впрочем, при беглом осмотре они оказались все еще достаточно крепкими и читабельными (ни фотографировать документы, ни делать какие-то записи по ходу ознакомления с ними хозяева рукописей не разрешили). Американцы полагали, что рукописи будут им проданы за 150–200 тысяч долларов. Каково же было их потрясение, когда они слышали цену раритетов: за них просили 3 миллиона долларов! Для начала 1980-х годов это была совершенно немыслимая, баснословная сумма! Тем более что ею никто и не располагал. Ни на какие уступки Ханна и Пердиос не шли; не захотели они рассмотреть и возможность продажи кодексов по отдельности.

Единственный конструктивный момент этой встречи заключался в том, что Эммель даже при беглом осмотре сумел датировать рукопись (с его точки зрения, навскидку папирус можно было отнести к IV–V веку) и понять, что центральный ее документ посвящен Иуде.

Прочитав отчет своего ученика, профессор Робинсон сделал достоянием научной общественности факт существования загадочного папируса и стал искать спонсора для того, чтобы все-таки выкупить его у Ханны. К началу 1990-х Робинсону удалось убедить некоего норвежского коллекционера приобрести кодекс; все тот же Пердиос взялся доставить Ханну в Нью-Йорк, чтобы оформить сделку. Робинсон совершенно справедливо полагал, что это неспроста — должно быть, рукописи были переправлены из женевского банка в нью-йоркский. Впрочем, Пердиос уверял его, что у Ханны в Нью-Йорке живет родственник, которого антиквар просто собирается навестить попутно с делами. Робинсон не верил в это — и правильно делал.

Как позже выяснилось, рукопись осела в сейфе лонг-айлендского банка еще в 1984 году. Дело в том, что после первой неудачи Ханна вознамерился заручиться поддержкой коптской общины в США и с ее помощью еще раз попытаться реализовать хотя бы только коптский манускрипт.

Он встретился с настоятелем коптского собора в Нью-Джерси, они оба направились в сопровождении дюжих телохранителей к торговцу раритетными изданиями и старинными рукописями Гансу Краусу, чтобы предложить ему купить кодекс за 1 миллион долларов. Тот же, прежде чем принимать решение по их предложению, обратился к эксперту — профессору Колумбийского университета Роджеру Бегналлу. Вегналл, увидев кодекс, решил, что перед ним одна из рукописей библиотеки Наг-Хаммади.

По поводу аутентичности документа снова не возникло никаких сомнений, однако сделка не состоялась — Краус по размышлении не решился вкладывать такие деньги в манускрипт. В результате так и не преуспевший в продаже своей драгоценной коптской рукописи Ханна снова положил папирусы в депозитный сейф банка — того, который порекомендовали ему знакомые американские копты.

Итак, Робинсон и Ханна должны были встретиться в Нью-Йорке в 1991 году и

заключить сделку купли-продажи рукописи. Но на сей раз купле-продаже помешали внезапно начавшиеся в Персидском заливе военные действия. Ханна наотрез отказался в такое беспокойное время покидать семью и лететь в США.

Таким образом, ситуация снова осталась неразрешенной.

В следующий раз рукопись всплыла уже у ранее упоминавшейся Фриды Чакос. Это было в 1999 году. Колоритного вида персонаж с греческим акцентом продал ей за 25 тысяч долларов несколько листов текста, выданных из кодекса Ханны. Впоследствии оказалось, что торговец был не кем иным, как любовником Миа-Эффи, а некоторая часть листов в самом деле отсутствовала в коптском манускрипте. Вот их-то обладательницей Чакос и стала. И практически в тот же момент у нее появилось стремление во что бы то ни стало стать обладательницей всего манускрипта.

Она восстановила через Пердиоса выходы на Ханну и начала донимать его уговорами продать ей рукопись, причем за какую-нибудь более реалистичную, чем 1 миллион долларов, цену. Фриде пришлось довольно долго уламывать египетского антиквара, который очень боялся продешевить при продаже раритетов (он снова торговал тремя кодексами). Наконец Чакос осенило подключить к делу сравнительно молодую (много младше своего мужа) жену Ханны. Та сумела воздействовать на своего супруга и уговорила его слетать в Нью-Йорк и встретиться там с Чакос.

Далее незадачливого продавца и покупательницу ждало разочарование — выяснилось, что ключ от сейфа, до сих пор хранившийся у Ханны, морально устарел: некоторое время назад в банке поменяли замки и, соответственно, ключи. Однако эта проблема была оперативно решена — с помощью слесаря.

Впрочем, особых восторгов лицезрение рукописи никому не принесло. От кодекса исходил жуткий смрад, он оказался практически истлевшим — причем случилось это в последние 18 лет, в течение которых он был заперт в сейфе.

Тем не менее сделка наконец-то состоялась: Фрида приобрела у Ханны кодекс, точно не известно, но ходят упорные слухи, что за 300 тысяч долларов. После этого новая хозяйка отдала свою покупку на экспертизу, и выяснилось, что у нее в руках оказалось знаменитое *Евангелие от Иуды*, которого пока никто из коптологов не видел, но зато в течение уже почти 20 лет о нем ходили разнообразные слухи.

Заключение давал на этот раз профессор Йельского университета Роберт Бэбкок. Он пришел к выводу, что рукопись подлинна, и даже пытался уговорить свое начальство приобрести ее для университетского собрания. Однако происхождение папируса было как следует не прояснено, поэтому руководство университета не решилось вкладывать в него деньги. Ведь было совершенно очевидно, что он вывезен из Египта нелегально и египетские власти в любой момент могут потребовать возвращения рукописи.

Фрида Чакос теперь преследовала сразу несколько целей: она непременно хотела побыстрее продать кодекс, чтобы, во-первых, вернуть себе затраченные средства и, во-вторых, как можно скорее отдать манускрипт на реставрацию — пока было что реставрировать.

Новой владелице повезло практически сразу найти покупателя. Им стал Брюс Феррини, арт-дилер из Кливленда, который предложил ни много ни мало, а 2,5 миллиона долларов. Однако Феррини оказался неплатежеспособен; вдобавок, взяв рукопись у Фриды и расплатившись чеками с отсрочкой платежа в 4 и 5 месяцев, он по совету каких-то горе-знатоков подверг манускрипт глубокой заморозке. По-хорошему, этого нельзя было делать ни в коем случае — от этого рукопись испортилась еще

более, чем после хранения в сейфе на протяжении почти 20 лет.

Впрочем, в Кливленд через несколько дней после сделки прибыл пропановый магнат Феррелл, для собрания которого, как оказалось, Феррини и приобрел кодекс. Феррелл был недоволен тем, как тот распоряжается финансированием проекта коллекции, и не утвердил покупку *Евангелия от Иуды*. Два года спустя Феррини и Феррелл подали друг на друга в суд встречные иски, причем слушания по их делу идут и по сей день.

Не получившая сполна денег Чакос стала требовать возвращения ей рукописей; Феррини в конце концов был вынужден идти на уступки, оставив за собой только математический трактат. Справедливости ради следует подчеркнуть, что Фрида получила манускрипт назад в гораздо худшем состоянии, чем купила: листки его чуть ли не рассыпались в руках, кроме того, их промежуточный владелец — Феррини — зачем-то перетасовал их, так что при этом образовалось порядка 1000 (!) фрагментов!

В феврале 2001 года Фрида Чакос передала рукопись в Фонд мецената. Его президент Ма-рио Роберти поручил реставрацию и расшифровку текста *Евангелия* знатоку коптской письменности из Женевского университета Родольфу Кассеру и швейцарскому реставратору Флоранс Дарбр.

Наконец-то допущенные до рукописи специалисты-коптологи в течение 5 лет бились над ее текстом. Результатом самоотверженного труда их команды и чудес современной компьютерной техники стал поразительный результат: чуть не рассыпавшиеся после сначала неправильного хранения, потом — глубокой заморозки хрупкие папирусные листы были особым образом «законсервированы» и прочитаны. Считается, что текст *Евангелия* восстановлен более чем на 80 процентов.

6 апреля 2006 года состоялась презентация текста *Евангелия* в **штаб-квартире Национального географического общества СТА в Вашингтоне**. Затем оно было издано и откомментировано во многих странах; оригинал же рукописи передан в Каирский коптский музей и там экспонируется.

По имени последней владелицы рукописи манускрипт с *Евангелием от Иуды* стали называть *Кодексом Чакос*, собственно текст *Евангелия* в нем находится на страницах 33–58.

Датировку документа и его подлинность подтверждает серия исследований, в том числе радиоуглеродный, мультиспектральный, химический анализы, палеографические и контекстные свидетельства. Средний разброс дат — 220–340 год.

Мы друг за другом заканчивали чтение.

— Ну, что скажете? — спросил нас Ларионов.

— Мне кажется, это какая-то поразительная история, полная недомолвок, — вздохнула Софи. — Посмотрите, это же чистой воды детектив, ничего тут не понять, никаких четких указаний нет — ни на то, где конкретно и кем был найден манускрипт, ни на то, чего ради за него заламывали такую патологическую цену... Сомнительная какая-то информация, такое ощущение, что кто-то решил устроить здоровую мистификацию...

— Знаешь, я, конечно, никакой не знаток подобных тем, — добавил от себя Жерар, — но что-то мне кажется во всей этой истории нелогичным. Такое ощущение, что продавцы кодекса только и делали, что старались любыми способами его изгадить, чтобы потом невозможно было его точно датировать и установить подлинность... Ну какие идиоты стали бы запираť ценнейшую рукопись в сейфе чуть не на 20 лет? И какой банк стал бы менять ключи от сейфов без согласия их абонентов? Какая-то чушь собачья!

— Вот-вот, — не удержался и я. — А заморозка рукописи чего стоит! Полагаю, те, кто сфабриковал документ, прекрасно понимали, что отличная сохранность текста может указывать только на одно — на то, что это фальсификат, вот они и «поработали» с ним на славу. И потом — тут одно другому противоречит: как, скажите на милость, можно произвести «радиоуглеродный и мультиспектральный анализ» документа, который чуть ли не разваливается в прах при каждом прикосновении? А после того, как его химически обработали, что такой анализ может показать?

— Да уж, темная история, — покачал головой Та-манцев. — Одно утешает: коль скоро документ теперь в Каире на свободном доступе, до него, видимо, можно будет добраться без особых проблем...

— Отношения все равно надо сделать, — уточнил Серж, — может, он в музее выставлен под стеклом, ну и что нам даст такой его просмотр? Надо, чтобы нам дали с ним поработать, а для этого нужны соответствующие бумаги...

— Согласен, — Геннадий сел к компьютеру, — тогда набиваем отношение? Только вот от кого?

— Ты меня давеча убедил, что ссылаться на фонд Блейка небезопасно — может, его в этом Коптском музее так любят, что вообще всех, кто о нем упоминает, спускают с лестницы... Все-таки больно уж сходная у них проблематика может оказаться — ну как они конкурирующие фирмы? — откликнулся я. — Тут, похоже, нужно что-то совершенно нейтральное...

— Да например, твой родимый Пушкинский Дом, — подмигнул Ларионов Таманцеву. — У тебя есть отсканированные печати?

— Обижаешь, начальник, — прогундосил Геннадий, — чтобы у нас да чего-то бы не было? Кто мы такие, по-твоему? Профессионалы или...?

— Вы не просто профессионалы, вы профи, самые натуральные, других таких свет Божий не видывал! Давай, отец Геннадий, шлепай отношение: В Коптский музей города Каира... Отношение... Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Россия, Санкт-Петербург, просит разрешить своим... а мы кто будем-то? — обратился он к нам.

— Да должно, внештатные сотрудники, — проворчал Геннадий.

— Ага, вот именно: своим внештатным сотрудникам работать с подлинниками документа **Кодекс Чакас** ввиду острой необходимости сопоставления текста *Евангелия от Иуды* канонических Евангелий, которое ведется их силами. Директор Института... Так, и приделываешь сюда отсканированную подпись и печать, получается?

— Уже, — отозвался Таманцев. — Только, я так разумею, нам надо еще и перевести этот текст на английский, ты как думаешь? — это он спросил уже у меня.

— Ну а как же нам без отношения на английском-то? Вез отношения на английском у нас ни черта не выйдет, переводим! — скомандовал я.

Уточняем производственное задание

Итак, отношения были готовы, задания в который раз уточнены. У Софи и Жерара все оставалось по-прежнему. Ларионов и Таманцев ехали в Каир изучать Кодекс Чакос. Что касается меня, то у меня, помимо выполнения чисто административных задач, возникла идея наведаться в разные голландские архивы.

Вы спросите меня, что я там забыл? А вы помните, кто впервые упомянул про *Евангелие от Иуды*? Правильно, Ириней Лионский. А вы помните, кто видел его рукописи? Правильно, никто. А кто их издал? Правильно, Эразм Роттердамский! По непонятно откуда взятым источникам! Вот я и решил попытаться поискать в архивах хоть какие-то указания на то, откуда Эразм взял сочинение Ири-нея для печати. Может быть, это пролило бы хоть лучик света на мутную историю с *Евангелием от Иуды*.

Глаза наши горели азартом, мы чуть ли не рыли землю копытами, в фонд Блейка был выставлен первый счет на покрытие всех расходов, связанных с нашими разъездами (кстати, и проведение работ Софи и Жераром). Фонд оказался кротким и послушным и выдал деньги подо всю нашу текущую смету.

Перед отъездом Ларионов снова позвонил Кнуту Брайану:

— Привет, старина, — сказал он, — вот решил тебе отрапортовать. Еду в Каир, лично, так сказать, знакомиться с документом, потому как сплошная там таинственность в паутине. Такое количество нестыковок! Я вообще не понимаю, как собаку съевшие на всяких подделках и фальсификатах копто-логи могут всерьез говорить о такой дезе?

— Ну, Серж, ты ж не маленький, чего тут не понимать-то? Одним забашляли, вот они и освидетельствовали документ как было надо. Другие просто хотят верить и верят — знаешь, есть такая порода людей. Они, конечно, дикие, но миру, наверное, нужны и такие... Короче, старик, понадобится помощь — свистнешь мне... В особенности если найдешь там что-то экстраординарное... Я так понимаю, ты же туда летишь, на самом-то деле, не для того, чтобы перебрать эти рассыпающиеся листочки?

— А за чем, по-твоему, я бы туда выдвигался?

— Ну, я бы на твоём месте поискал Тайное Евангелие от Марка... Оно же где-то есть, лежит, дожидается своего часа...

— Да где же искать-то его?

— Да фиг знает... В общем, будут какие идеи, а лучше — наметки, а ещё лучше — находки, звони, пиши, прилечу, втравлюсь в любую авантюру! Ты же меня знаешь!..

— Да знаю, знаю, давай, пока, будет что наклевываться, дам знать. Бывай, что ли!

Он повесил трубку и некоторое время смотрел перед собой. Потом обратился ко мне и Таманцеву:

— Слушайте, ребята, ну вот, похоже, мы откуда уплыли, туда и приплыли. Надо Марка искать, кровь из носу — надо. Только вот где? Кто бы знал...

— Дорогу осилит идущий, — пододвинула ему кофе Софи. — Сориентируетесь на месте. Мы с Жераром тоже будем постоянно на связи, если что понадобится, мы с вами...

— Ларионов, мы же с тобой вроде как фаталисты, да? — погладил свою бороду Таманцев. — А это значит, что чему быть, того не миновать. Если эта наша затея кому-то нужна, значит, мы найдем Марка. Ну, а нет — значит, нет. Тебя устраивает такая постановка вопроса?

— О да! — Ларионов патетически возвел очи горе. — Вперед, мой юный друг, на штурм истины!

ЧАСТЬ 2. ИУДА, И СНОВА ИУДА

И расследование наше наконец-то закрутилось. Я поехал в Нидерланды, Ларионов с Таманцевым отбыли в Каир, а Жерар с Софи остались в Париже. Мы общались с помощью телефонных звонков, электронных писем, факсов. Собственно, погоня за информацией в общей сложности заняла у нас не больше недели, но это была неделя полного погружения в материал, настоящих исследований и открытий, естественно, в первую очередь для самих себя.

Мы в очередной раз пришли к парадоксальным выводам: наука, конечно, весьма и весьма респектабельна и самоценна, но как мало фактов ей известно, как тенденциозно она их интерпретирует, как довлеют в ней авторитеты! Боюсь, если бы мы с нашими выводами и выкладками явились на какую-нибудь конференцию и попытались сделать доклад, ученые мужи и жены забросали бы нас чем под руку попало — потому что мы с нашим бодрым и свободным от всяческих условностей взглядом на вещи никак не вписываемся в научную парадигму. Мы не знаем кучи работ и имен в мировой библеистике, мы не сравнивали тексты Библии в разных редакциях, на разных языках; мы не сопоставляли Библию с Торой, Тору с Кораном и не делали еще массу вещей, на основании неделания которых нас с пол-оборота можно обвинить в тотальном дилетантизме. Но тут есть несколько моментов, которые нас в какой-то мере реабилитируют:

1. Мы не претендуем на то, чтобы возглашать истину в последней инстанции. Мы просто решили поделиться с миром своими взглядами на очередной вопрос, в расследование которого оказались втянуты. В данном случае — на вопрос о том, каким на самом деле был Иуда Искарот и какую роль он исполнял в новозаветной мистерии (это выражение я придумал прямо сейчас, мне кажется, оно вполне удачно; поверьте, это не для пафосности и не для красного словца).

2. Если уже разбираться начистоту, то никто из ученых, призывающих к чистоте научного знания, им в полном объеме не обладает. Этого не может быть, потому что вот этого-то как раз и не может быть никогда. Если, например, мы устроим экзамен самому академичному академику и начнем его терзать вопросами по поводу того, откуда в той же библеистике та или иная информация, где хранятся рукописи сочинений первых евангелистов, отцов Церкви, какие в них разночтения, что общего между священными писаниями основных мировых религий, он непременно на чем-то поплывет. Всего держать в своей несчастной голове нельзя, у каждого из нас, каким бы профессионалом он ни был в своей области, непременно имеются какие-то пробелы в знаниях. И это абсолютно нормально. Ненормальны перфекционистские требования, выдвигаемые хоть к самим себе, хоть к другим людям.

3. Академическое чванство, снобизм по отношению к недообученным, недообразованным, недосфор-мировавшимся непрофессионалам, которые дерзают ступить на заветную территорию столпов науки, каковыми себя считают большинство разнокалиберных научных сотрудников, — это всего лишь завуалированные комплексы неполноценности, страх взять на себя ответственность за пресловутое «а король-то голый!» Масса вещей, которые сообразно научной традиции (это в первую очередь касается наук гуманитарных как наиболее консервативных) раз и навсегда получили определенную классификацию, ярлычок, нуждаются на самом деле в пересмотре. 4. Истина не может и не должна быть абсолютной, потому что все относительно, в том числе и представления об истинном и ложном знании. Итак, я публикую наши отчеты по исследованию закрепленных за каждым из нас проблем. Советую вам по ходу чтения делать какие-то выводы для себя, в конце сверимся: интересно посмотреть, какие пазлы можно в принципе сложить из тех кусочков информации, которые мы вам предоставляем.

Новый Завет, как известно, состоит из четырех Евангелий, Деяний Апостолов, Посланий апостолов и Апокалипсиса Иоанна Богослова. Иуда Искарот фигурирует далеко не во всех текстах Нового Завета, а только в Евангелиях и Деяниях (в последнем случае — весьма опосредованно).

Евангелия(от греческого *euangelion* — благая весть) — раннехристианские сочинения, повествующие о земной жизни *Иисуса Христа*. Разделяются на канонические — от апостолов Марка, Матфея, Луки, Иоанна (включенные церковью в состав Нового Завета), и апокрифические (соответственно, не включенные).

Апостолы(от греч. *apostolos* — посол) — ученики Иисуса Христа, избранные и посланные Им на проповедь Его учения. Христос избирал апостолов дважды.

Первый раз их было двенадцать: Андрей, прозванный Первозванным, поскольку он первым последовал за Учителем; Иоанн Богослов; брат Андрея Первозванного Симон, которого Иисус назвал Петром (в переводе с греческого Петр — «камень»); Филипп; Варфоломей (Нафанаил); Иаков Зеведеев — брат Иоанна Богослова; Фома; Матфей; Иаков Алфеев; Симон Зилот; Иуда Иаковлев (Фаддей); Иуда Искарот. Последний по смерти Христа покончил жизнь самоубийством и был заменен на собрании апостолов Мат-фием: они стремились восполнить свое число до двенадцати. Все апостолы «первого созыва», кроме Иоанна Богослова, приняли мученическую смерть, проповедуя Евангелие в разных странах мира.

Во второй раз Христос, согласно версии Нового Завета, избрал 70 апостолов, по имени они в Писании не названы. Список 70 апостолов, приводимый в месяцеслове, был составлен в V–VI веках, он малодостоверен. К апостолам «второго созыва» относятся евангелисты Марк и Лука, виднейший деятель начального христианства Павел, который не входил в число учеников Христа, несмотря на то что был Его современником. Двенадцать были избраны по числу колен Израилевых, а число «70» (количество «вторичных» апостолов) указывало на традиционное число предков всех народов.

Поскольку апостол — посол (распространитель) Учения Христа, то более поздние столпы христианства нередко называются в богослужебной литературе равноапостольными: к таковым, например, относятся распространявшие христианство среди язычников св. Григорий Просветитель, апостол Армении, св. Стефан, апостол Перми и др.

Прежде чем переходить непосредственно к характеристикам Иуды из Евангелий, следует составить некоторое представление об их текстах и о том, кому приписывается их авторство. Именно так! **Приписывается!** Я не оговорила: поди разбери по прошествии без малого двух тысячелетий, кто там что писал на заре христианства; принято думать, что Евангелия от Матфея, например, писал Матфей, но ведь это не факт! Может быть, кому-то непременно хотелось, для того чтобы придать своей версии событий максимальную достоверность, подписать текст именем одного из учеников Христа? Кто знает? Кто сможет сегодня ответить на этот вопрос? Думаю, никто. А у меня возникла довольно-таки забавная мысль: если нынешние люди врут на

каждом шагу и не особенно при этом терзаются угрызениями совести, то почему не могли врат с тем же успехом и наши пращуры? Ведь человеческая природа в общем и целом не меняется, меняется только антураж и пейзаж, людей окружающий: на смену живым коням пришли кони стальные, вместо глинобитных лачуг у человека небоскребы, он летает в самолетах, трясется в подземке, за считанные часы преодолевает расстояния, о которых раньше и помыслить было страшно, — и далее по тексту. Но это и все.

Человек всегда был как минимум двуличен, а еще чаще говорил одно, думал о другом, а делал вообще что-то третье. И тому имеется немало доказательств как в прошлом, так и в настоящем. Даже животные, не владеющие искусством слова, умудряются хитрить и обманывать. Что уж говорить о человеке, который научился говорить, чтобы путать себе подобных и держать в полном неведении относительно своих истинных намерений?

Думаю, что ложь — явление неморальное, она не нуждается в оценке «хорошо» или «плохо», она просто органично каждому живому существу, а человеку — тем более. Отрицать ее придумали те, кто во что бы то ни стало стремится сохранить власть над другими людьми и опасается, что ложь тех может этому помешать. Вот и пытается лгущий хозяин вразумить своих рабов (подчиненных), что обманывать нельзя. Однако не нельзя, а можно и нужно, на обмане, на блефе зиждется, по сути, здание цивилизации. Если бы все всегда говорили правду, мир не развивался бы. Мы так и сидели бы в пещере и тряслись от ужаса, представляя себе картины нападения мамонтов на наше стойбище. Впрочем, ближе к теме. [\[22\]](#)

Итак, если мы все знаем, что по крайней мере процентов пятьдесят информации, поступающей к нам, нуждается в перепроверке, тогда почему мы слепо доверяем свидетельствам представителей отдаленных эпох и полагаем, что как они говорят, так и было? Ими же, как и нами, могли руководить любые мотивы, когда они сыпали своими откровениями: политические, религиозные, корыстные и какие угодно другие! Вот поэтому-то я и настаиваю на том, что авторство Евангелий именно **приписывается** Матфею, Марку, Луке и Иоанну. А кто писал эти тексты (или составлял их методом компиляции из уже готовых к употреблению ранних текстов), я не знаю и не знает, пожалуй, никто. Думаю, никто и не узнает, потому как любая система, в основе которой лежит необходимость слепого доверия, предпочитает очень хорошо прятать то, что не должно стать достоянием широкой аудитории. А по возможности — и вовсе забыть о тех серых мышках, которые подготовили... скажем, тексты для пиара какого-то грандиозного проекта.

Большинство библеистов считают, что, время написания Евангелий — середина I — начало II века, однако древнейшие списки Евангелий датируются не ранее III–IV веков, что, естественно, не способствует внесению ясности в многочисленные вопросы, которые не могут не появляться у здравомыслящих людей. Вопросы эти касаются в первую очередь датировки и атрибуции канонических библейских книг (снова мы в них упираемся, а куда без них-то?): ведь только разобравшись с этими основополагающими исходными данными, можно пытаться решать проблемы «надстроечного» плана — по чьему заказу создавался тот или иной свод, какие идеи продвигал, зачем это было нужно, что это давало заказчику и пр.

Приводимая далее информация о евангелистах, таким образом, носит не исчерпывающе-объективный, а скорее официально-церковный характер, я собрала те сведения о них, которые были мне доступны, постаравшись привести комментарии к ним неких «альтернативщиков».

Однако как там в действительности обстояло дело с авторством Евангелий и временем их написания, как я уже говорила, достоверно никто и, боюсь, никогда не узнает.

Содержание первых трех Евангелий — от Матфея, Марка и Луки — достаточно близко; в них Изложен примерно один и тот же набор фактов, они близки стилистически, поэтому их традиционно объединяют и называют синоптическими (от греч. *sinopsis* — изложение в одном общем образе). Однако, несмотря на близость синоптических Евангелий, это три самостоятельных текста, которые характеризуются оригинальной подачей материала, авторским взглядом на описываемые события. Особняком от синоптических стоит четвертое Евангелие — от Иоанна, текст которого существенно отличается от остальных. Если синоптические Евангелия рассказывают в основном о галилейском периоде проповедничества Иисуса Христа, то Евангелие от Иоанна — о деятельности Христа в Иудее. Синоптики акцентируются на чудесах, притчах и внешних событиях в жизни Иисуса, а Иоанн пытается раскрыть глубочайший смысл Его проповеди, больше внимания уделяет сущности Учения. В изложении синоптиков беседы Христа с учениками или простолюдинами всегда просты, доступны для понимания, популярны; у Иоанна — глубоки, таинственны, как будто предназначены только для узкого круга избранных. Возможно, это объясняется тем, что синоптики приводят речи Иисуса, обращенные к простым и невежественным галилеянам; Иоанн же освещает Его беседы с иудейскими книжниками и фарисеями, искушенными в знании закона Моисея, достаточно образованными для своего времени. Складывается впечатление, что цель Иоанна — акцентировать внимание на Божественном происхождении Христа, в то время как синоптики апеллируют прежде всего к человеческой Его сущности.

Если условно весь фактический материал, изложенный в четырех Евангелиях, принять за 100 %, то у Матфея будет 58 % сходного с другими содержания (42 % — отличного); у Марка, соответственно, 93 и 7; у Луки — 41 и 59; у Иоанна же — 8 и 92 %! Сходства отмечаются, главным образом в цитации Христа, разночтения — в фактологии. В местах текста, где Матфей и Лука фактически вторят друг другу, с ними согласуется и Марк; тексты Луки и Марка гораздо ближе, чем Луки и Матфея; если о чем-то не упоминает Марк, различается подача материала Лукой и Матфеем. Несмотря на различия между Евангелиями, они практически не содержат внутренних противоречий; тексты синоптиков согласуются с текстом св. Иоанна, они взаимодополняют друг друга.

Четыре евангелиста и их текста. Краткая история

Левий Матфей (сам себя евангелист называет Матфеем, а Марк и Лука чаще говорят о нем как о Левии; эмблема — голова ангела) — один из первых двенадцати Апостолов. До призвания своего к апостольскому служению он был мытарем, то есть сборщиком податей, а значит, был ненавидим и презираем своими соотечественниками. Он был растроган вниманием к нему со стороны Христа и проникся Учением Того, противопоставляя его схоластическим премудростям книжников и фарисеев. Евангелие от Матфея адресовано в первую очередь соотечественникам, то есть евреям, написано изначально на арамейском языке и лишь потом переведено на греческий. Возможно, переводчиком при этом выступил и сам Матфей, Основная мысль Матфея сводится к тому, что Иисус Христос и есть именно

тот мессия, явление которого предсказывали ветхозаветные пророки. Поэтому Матфей начинает свое Евангелие родословием Иисуса и делает массу ссылок на Ветхий Завет (66 ссылок, 43 конкретных выписки).

Историки церкви полагают, что Евангелие от Матфея могло быть создано в начале 40-х или в 60-х годах I века по Рождеству Христову.

Написав свое Евангелие для соотечественников-евреев, Левий Матфей сначала вел проповедь в Палестине, затем отправился со своей миссией в другие страны: он проповедовал в Сирии, Мидии, Персии, Парфии, Эфиопии, где, согласно одной из версий его биографии, и принял мученическую кончину от «правителя Фулвиана», в 60-м году приказавшего казнить Матфея как колдуна — сжечь на костре, что и было сделано. ^[23] Правда, согласно легенде, тело Матфея осталось нетронутым огнем, начали происходить посмертные чудеса, и это так подействовало на Фулвиана, что он сам крестился под именем Матфей и впоследствии стал епископом в основанной апостолом Матфеем церкви в городе Мирмены.

Евангелие от Матфея состоит из 28 глав. Как уже указывалось, начинается оно родословием Иисуса Христа от Авраама и заканчивается прощальным наставлением Господа ученикам перед Его вознесением.

Марк, который носил еще имя **Иоанна** (эмблема — лев), был по происхождению иудеем, но лично с Христом знаком не был, в число Его учеников не входил. В лучшем случае он мог быть очевидцем лишь последних дней жизни Того, но и это маловероятно. ^[24] Свое Евангелие Марк написал со слов апостола Петра (возможно, основываясь на его частных рассказах и воспоминаниях, а возможно, и фактически конспектируя проповеди Петра). ^[25] О Марке известно, что он участвовал в первом путешествии апостола Павла вместе с Варнавой, которому приходился племянником по матери. ^[26] Однако по прибытии группы Павла в город Пергию Марк отделился от нее и вернулся в Иерусалим. Во время подготовки второго путешествия Павла Марк уже вместе с Варнавой отказался к нему присоединиться, дядя с племянником отбыли на Кипр. Но через некоторое время Марк присоединился к Павлу в Риме, там произошло сближение Марка с Петром, который рассказал ему все, что знал, об Иисусе, а затем назначил епископом в Александрию (Египет), где Марк и принял мученическую смерть около 68–69 года.

Богословы датируют Евангелие от Марка серединой 40-х — концом 60-х годов. Оно более кратко, нежели Евангелие от Матфея: в нем всего 16 глав. Основной упор в его тексте делается на представлении Христа как Царя царей, которому повинуются все мировые силы.

Евангелист **Лука** (эмблема — телец), по-видимому, был выходцем из сирийской Антиохии, принято считать, что изначально Лука был язычником или «прозелитом» (язычником, принявшим иудейство). По роду занятий он был врачом и довольно талантливым живописцем. Восприняв Учение Христа, Лука вошел в число 70 «вторых» апостолов. ^[27]

После распятия Христа Лука удаляется из Иерусалима, где он некоторое время жил, к себе на родину, в Антиохию, и там проповедует. Начиная со второго путешествия апостола Павла Лука делается его постоянным спутником, проповедует по его наизиданию в Греции, Македонии, делит с Павлом заточение, затем становится свидетелем мученической смерти того. Именно под патронажем Павла в Риме Лука пишет свое Евангелие и Деяния Апостолов. После кончины Павла Лука проповедовал

в Италии, Далмации, Галлии, Египте, Ахаии (Греция), где и умер мученической смертью в 95-м году (был повешен за неимением креста на оливе, погребен в Фивах).

В Евангелии от Луки и Деяниях Апостолов явственно прослеживается идея его патрона Павла, что Христос — мессия — пришел спасать не только иудеев, но и язычников, поскольку Он — спаситель всего человечества.

Богословы полагают, что Евангелие от Луки было написано в конце 40-х — начале 60-х годов. Оно содержит в себе 24 главы, начинается рассказом о явлении ангела священнику За-харии, отцу св. Иоанна Предтечи, а кончается повествованием о вознесении Иисуса Христа на небо.

Иоанн Богослов(эмблема — орел) — любимый ученик Христа, сначала бывший учеником Иоанна Крестителя. Услышав свидетельство того о Христе, как об Агнце Божиим, вземлющем грехи мира, он последовал за Христом. Постоянным же спутником Иисуса он стал позже, после чудесной ловитвы рыб на Геннисаретском озере, когда Господь Сам призвал его вместе с братом его Иаковом. Иоанна, Петра и Иакова Христос особенно отмечал и доверял им. А на Тайной вечере Иоанн фактически возлежал у Учителя «на персех» (на груди), потому его называют «наперсником» Христа. Именно Иоанну на кресте Иисус поручил заботу о Своей матери. Иоанн был радикально настроен по отношению ко всем, кто не разделял веру в его Учителя; он предлагал спалить огнем не принимавших Христа людей, готов был воевать с любым, кто идет против Того. За страстный, неукротимый нрав Иисус прозвал братьев Иоанна и Иакова Воанергес («сыны грома»). После Вознесения Господня Иоанн проповедует в Иерусалиме, а по его разрушении перебирается в город Ефес в Малой Азии. В царствование императора Домициана (а по некоторым преданиям, Нерона или Траяна, но это маловероятно) его отправляют в ссылку на остров Патмос, где он пишет Апокалипсис, а по возвращении в Ефес создает Евангелие. Иоанн — единственный из «первых» двенадцати апостолов, кто умер естественной смертью — он, по преданию, скончался в возрасте 105 (120?) лет в том же Ефесе.

Предполагается, что свое Евангелие Иоанн написал по просьбе ефесских христиан или даже малоазийских епископов, с целью дополнить первые три, которые ему были принесены с тем, чтобы он расширил их повествование, ввел побольше речей Иисуса и т. п. Иоанн взялся за работу, обеспокоенный появлением в конце I века разнообразных ересей, с которыми надеялся побороться, составив свое Евангелие. Любопытно, что неофициальное название четвертого Евангелия — Пневматика (что в переводе с греческого означает «духовное»). За проповедь особой, высоко духовной любви к Богу и людям Иоанна называют нередко «апостолом Любви», а за то, что он создал оригинальный текст Евангелия, включающий подробный обзор Христовых проповедей и Его Учения, он получил прозвище «Богослов».

Евангелие от Иоанна, как предполагается, могло быть написано в 70-80-х годах. Оно содержит 21 главу: начинается учением о «Слове», которое «было в начале», а заканчивается явлением Воскресшего Господа ученикам при море Геннисаретском, восстановлением Петра в его апостольском достоинстве и утверждением автора, что «свидетельство его истинно».

Имя Иуда было весьма распространено в Древней Иудее (кстати, именно в честь «первого» Иуды, праотца народа Иакова-Израиля было названо государство): только в Библии (во всех ее книгах) насчитывается четырнадцать персонажей, носивших его. Даже у Христа был не единственный апостол Иуда — кроме сына Симонова Искариота среди Его учеников был Иуда Фаддей (я об этом уже говорила). О Симоне, отце Искариота, в Евангелии не сказано ничего, что довольно удивительно — обычно о сколько-нибудь значимых людях в Библии рассказывается вся подноготная, приводятся все степени их родства вплоть до седьмого колена. Ну а что касается непосредственно отца, то непременно даются сведения о том, кто он по специальности, чем занимается, сколько у него сыновей и пр. Об Иуде вообще известно крайне мало. Даже его прозвище Искариот не трактуется однозначно. По-арамейски Искариот означает «человек из Кериота». Однако, как утверждают библеисты, в Палестине времен Христа не было города или другого населенного места под названием Кериот или Кариот. Правда, в Иудее, южной части Палестины, был город Кириаф, с которым многие исследователи отождествляют родину Иуды. Если принять эту версию, то окажется, что Иуда — единственный из учеников Христа, кто родился не в Галилее (северной части Палестины), чужак для остальных. Однако, кроме географического (указания на то, откуда он родом), есть и другие толкования прозвища Иуды. Оно может быть переведено с арамейского как «лжец», «лицемер» (от арамейского слова «шекария», которое может быть переведено именно как «лжец»); или как «красильщик», поэтому возможно, что Иуда был до встречи с Христом красильщиком; близкое же по звучанию латинское слово «сикарий» использовалось для обозначения кинжальщиков-зелотов, боровшихся во времена Христа против римского господства и ожидавших прихода Мессии-Воина, — таким образом, Иуда мог быть и своеобразным иудейским повстанцем, готовым с оружием в руках отстаивать независимость собственного народа.

Это все, что известно об Иуде из Нового Завета, вернее, все, что можно сказать о нем на основании его имени. Никакой предыстории этого человека в текстах Евангелий не дается. По принадлежности же к кружку двенадцати апостолов Искариот явился одним из тех, кому Иисус доверил проповедь Своего учения и кому «дал... власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь».

Все четыре Евангелия рассказывают об Иуде как о предателе Христа. Но каждый автор расставляет специфические акценты, которые можно и нужно интерпретировать, чтобы понять нюансы изображения Иуды разными авторами и попытаться выяснить их причины.

Итак, рассмотрим соответствующие отрывки из текстов Евангелий.

Евангелие от Матфея

10

1 И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь.

2 Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его,

3 Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем,

4 Симон Кананит и *Иуда Искариот, который и предал Его*[курсив мой — С.].

Обращает на себя внимание тот момент, что уже при первом упоминании об Иуде автор не дает тому никаких шансов снискать положительное отношение к себе читателя. Определение «который предал Его» — ярлык, клеймо, с которым персонаж появляется в повествовании.

Совершенно естественно, что после такого «обещания» читатель будет ждать самого эпизода предательства, чтобы убедиться в низости изначально заявленного как подлец и предатель героя и оправдать свою к нему изначальную ненависть.

26

3 Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы,

4 И положили в совете взять Иисуса хитростью и убить;

5 Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

6 Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного,

7 Приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову.

8 Увидевши это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата?

9 Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим.

10 Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня:

11 Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете;

12 Возливши миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению;

13 Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.

14 Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам

15 И сказал: *что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников;*

16 *И с того времени он искал удобного случая предать Его.*

Обычно библеисты и богословы таким образом интерпретируют этот фрагмент, что Иуда возмутился из-за расточительности Христа, который считал возможным использовать для умощения себя драгоценное миро вместо того, чтобы продать его, а деньги раздать нуждающимся. Раздраженный подобной позицией Учителя, Иуда и принял решение предать того в руки первосвященников. Однако данная трактовка мало что объясняет: как видно из текста Евангелия, роптали по поводу расточительности Иисуса все Его ученики, а не один Иуда. В ответ же на их негодование Тот сказал им, что тело Его умастили перед погребением. То есть Иисус уже тогда знал о Своей скорой кончине, однако ничего такого пока не открыл ученикам-апостолам.

Примечательно, что и они не обратились к нему ни за какими уточнениями. А вот это ужестораживает: им было все равно, что говорит их Равви? Или они привыкли к таким разговорам, как к стариковскому ворчанию? Или (что кажется мне наиболее вероятным) тут какой-то пропуск текста: при написании Евангелия был использован некий первоисточник, в котором на этом месте было еще несколько строчек, но Матфей (псевдо-Матфей?) их не сохранил. Почему? Бог весть; но вероятнее всего, потому что они не вписывались в заказанную концепцию, которой он должен был придерживаться при составлении своего текста.

Нелогичным выглядит и то, что после слов Иисуса Иуда пошел к первосвященникам и предложил им свое содействие при поиске Учителя: дело в том, что Иисус ни от кого не

прятался и «найти» Его не составляло никакого труда. Только вот, может быть, никто не знал, кого именно среди апостолов следует считать Христом? Опять нелогично, ведь Он выделялся из всех, выглядел «старшим», Его слушались остальные, Его знали бесчисленные исцеленные... Или же все-таки не знали? Или молва об исцелениях и чудесах, творимых неким объединением апостолов, шла, всем было известно о том, что у них есть руководитель и идейный вдохновитель, но Его никто не видел воочию? И почему, даже если закрыть глаза на этот алогизм, именно после эпизода с умощением миром Иуда решил предать своего Учителя, причем сделать это не безвозмездно? Если уж он был так потрясен расточительством Христа и решил избавиться от человека, который для себя ничего не жалеет и потакает своим раздутым амбициям, почему он, Иуда, счел правильным попытаться «навариться» на этом? Бели он хотел получить деньги за голову Христа, ему не нужно было ждать именно этого момента; если он рассердился на меркантильность Учителя, то логично было бы избавиться от него на общественно-бескорыстных началах.

Короче говоря, мне кажется, что тут должен был бы быть фрагмент текста, ныне утраченный, который мог все эти вопросы снять. Как он мог выглядеть? Ну, я полагаю, что-то наподобие: «И спросили Его ученики Его: что говоришь ты, Равви, и почему слова Твои о кончине Твоей и о погребении Твоем? Он же ответил им: потому что близится час Мой, скоро возвращаться Мне к Отцу Моему. И спросил Его один из двенадцати по имени Иуда Искариот: что сделаю, Равви, чтобы был Ты спокоен? И ответил Он: пойдя к первосвященникам и скажи, что укажешь на Меня, такова воля Моя и Отца Моего; и возьми с них деньги, чтобы уверены были, что ты им Меня укажешь. И пошел Иуда к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребреников; и он сказал, что укажет им Иисуса». [\[28\]](#)

17 В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху?

18 Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: «Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими».

19 Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху.

20 Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками;

21 И когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

22 Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи?

23 Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня;

24 Впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться.

25 *При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал.*

Позволю себе откомментировать и этот фрагмент. На этот раз представляется неясным, как так произошло, что ни один из учеников Христа, присутствовавших на Тайной вечере, не услышал того, что Он сказал Иуде. А если они слышали это, почему никто не предпринял ничего, чтобы помешать Иуде осуществить предательство? Почему апостолы спокойно согласились на то, чтобы кто-то из них предал Христа? Они не дорожили Им или были настолько фаталистами, что считали бесполезными любые попытки изменить будущее, которое видит их Учитель? Или мы снова сталкиваемся здесь с неумелой работой с предшествующим текстом? А что могло быть в нем изначально? Может быть, текст *Протоевангелия* [\[29\]](#) выглядел

примерно так: «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что сегодня мы разлучимся, а потом меня не станет. Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: что могу сделать, чтобы не было этого, Господи? Он же сказал в ответ: уже грядет час Мой, ибо опустивший со Мною руку в блюдо уже позаботился обо Мне; Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий казнен будет: лучше было бы этому человеку не родиться; лучше не родиться первосвященникам и фарисеям, на которых падет кровь Моя. При сем и Иуда, бывший с ним в союзе, сказал: прикажи отказаться от задуманного, Равви, ибо сердце мое разрывается от мыслей о грядущем. Иисус говорит ему: ты сказал им, теперь доведи задуманное до конца».

36 Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

37 И, взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать.

45 Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников;

46 Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

47 И когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных.

48 Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его.

49 И тотчас подошел к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его.

50 Иисус же сказал ему: *друг, для чего ты пришел? Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса, и взяли Его.*

В данном отрывке снова двойной алогизм: любившие Иисуса ученики после Его сообщения о том, что приблизился предатель, ничего не сделали для того, чтобы защитить своего Учителя, спрятать Его, заслонить от вооруженной черни. А с другой стороны, опять мы сталкиваемся с ситуацией полной неизвестности Иисуса, которого никак нельзя отличить от Его учеников и нужно подавать специальные знаки, чтобы Его можно было идентифицировать. И зачем Иисус спрашивает Иуду о смысле его прихода? Ведь Ему и без ответа все предельно ясно — Иуда привел стражников, чтобы те взяли Его. Что могло быть и тексте Протоевангелия на этом месте? Думаю, что перед сценой ареста (если рассматривать ее с позиций здоровой логики) Христос не должен был ни о чем предупреждать бывших с ним учеников, а Иуда вообще не должен был в ней принимать участие. После моления о чаше Иисус выходит из Гефсиманского сада, идет по темной улице с тремя своими учениками и сталкивается с пришедшими за ним вооруженными людьми — вот и все, не должно было быть в Протоевангелии целующего Иисуса Иуды.

51 И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо.

52 Тогда говорит ему Иисус: *возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут;*

53 Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?

54 Как же сбудутся Писания, что так должно быть?

55 В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня.

56 Сие же все было, да сбудутся писания пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали.

Как видим, Христос в этой сцене призывает Своих учеников к кротости и смирению: Он не желает кровопролития — а может быть, просто не хочет мешать ходу разработанной и осуществляемой с помощью Иуды операции? Почему бегут с места Его ареста ученики, которые изначально не побоялись напасть на стражу, желая защитить Христа? Надо думать, и тут имеет место измененный текст. По всей видимости, изначально все могло выглядеть как-то так: «И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Не мешай исполниться тому, что сказано в Писании, ибо пришел мой час. В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; не стану противиться вам, ибо пришли вы свершить написанное; берите меня не медля и делайте дело свое. Тогда все ученики, оставив Его, ушли».

27

1 Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти;

2 И связавши Его отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.

3 *Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам,*

4 *Говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам.*

5 *И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился.*

6 Первосвященники, взявши сребреники, сказали: не позволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови.

7 Сделавши же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников;

8 Посему и называется земля та «землею крови» до сего дня.

9 Тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит: «и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля,

10 И дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь».

Бросается в глаза, что только в Евангелии от Матфея указывается на то, что Иуда, терзаясь муками совести, наложил на себя руки.

Может ли быть, чтобы остальным евангелистам этот факт остался неизвестен? По всей видимости, вряд ли.

Может ли быть, что Матфей придумал этот эпизод? Но в Деяниях Апостолов, авторство текста которых приписывается Луке, есть упоминание о том, что Иуда покончил с собой (см. ниже).

По всей видимости, изначально текст Евангелия содержал рассказ о суициде Иуды, и этот рассказ был перенесен в Евангелие от Матфея, в то время как остальные евангелисты решили от него отказаться.

13 Потом взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему.
14 И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь,
15 И чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов;
16 Поставил Симона, нарекши ему имя Петр;
17 Иакова Зеведеева и Иоанна, брата Иакова, нарекши им имена Воанергес, то есть «сыны Громы»,
18 Андрея, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Фому, Иакова Алфеева, Фаддея, Симона Кананита
19 И Иуду Искаротского, *который и предал Его.*

Как видим, Евангелие от Марка здесь идентично Евангелию от Матфея: Иуда снова изначально назван предателем.

14

1 Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков; и искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить;
2 Но говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущение в народе.
3 И когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, — пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбивши сосуд, возлила Ему на голову.
4 Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира?
5 Ибо можно было бы продать его более, нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее.
6 Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дело сделала для Меня.
7 Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете.
8 Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению.
9 Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала.
10 *И пошел Иуда Искарот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им.*
11 *Они же услышавши обрадовались и обещали дать ему сребреники. И он искал, как бы в удобное время предать Его.*

А в данном фрагменте Евангелие от Марка сокращено по сравнению с Евангелием от Матфея: нет информации о том, кто именно из фарисеев решил расправиться с Иисусом, опущена, подробность о 30 сребрениках. Однако налицо та же тенденция, что и в рассмотренном нами выше фрагменте Евангелия от Матфея: по всей видимости, текст подвергся при составлении данного варианта еще одной правке, представлявшей собой глобальное сокращение.

Справедливости ради, однако, отмечу, что при очередной переделке текст не стал выглядеть более логичным и стройным.

18 И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня.

19 Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? И другой: не я ли?

20 Он же сказал им в ответ: один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо.

21 Впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться.

32 Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь.

33 И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать.

41 И приходит в третий раз и говорит им: вы все еще спите и поживаете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников.

42 Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

43 И тотчас, как Он еще говорил, *приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами к кольям, от первосвященников и книжников и старейшин.*

44 *Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно.*

45 *И пришед тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! И поцеловал Его.*

46 А они возложили на Него руки свои и взяли Его.

47 Один же из стоявших тут извлек меч, ударил раба первосвященникова и отсек ему ухо.

48 Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня.

49 Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня; но да сбудутся Писания.

50 Тогда, оставивши Его, все бежали.

51 Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его.

52 Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них.

И снова бросается в глаза сокращение текста: на этот раз из него исключен диалог Христа и Иуды во время Тайной вечери; Иуда не называется по имени в сцене предательского поцелуя. Зато появилось упоминание о некоем юноше, который присутствовал при сцене ареста Иисуса (как уже говорилось выше, многие богословы считают, что таким образом Марк изобразил себя).

Евангелие от Луки

6

13 Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами:

14 Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея,

15 Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом,

16 Иуду Иаковлева и *Иуду Искариота, который потом сделался предателем.*

В данном фрагменте Лука созвучен Матфею и Марку: при первом же упоминании Иуды тот характеризуется как потенциальный предатель.

22

1 Приближался праздник опресноков, называемый Пасхою,

2 И искали первосвященники и книжники, как бы погубить Его, потому что боялись народа.

3 *Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати,*

4 *И он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им.*

5 *Они обрадовались и согласились дать ему денег;*

6 *И он обещал, и искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе.*

А вот тут в тексте Евангелия от Луки видны глобальные разночтения с Евангелиями от Матфея и Марка: у Луки отсутствует упоминание о том, как сестра Лазаря омыла Христу голову миром. Вовсе не этот эпизод, с точки зрения автора, послужил толчком к предательству (возможно, ему бросились в глаза много столетий назад те же несообразности, что и мне?). По версии Луки (псевдо-Луки?), Иуда пошел на предательство, поскольку в него «вошел сатана» и спровоцировал его на подлость. Такое объяснение автору данного Евангелия кажется более логичным, тем более что в двух предшествующих Евангелиях расточительство Иисуса вызывало негодование не у одного Иуды, а у всех апостолов.

19 И взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание.

20 Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается.

21 И вот, рука предающего Меня со Мною за столом;

22 Впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается.

23 И они начали спрашивать друг друга, кто бы из них был, который это сделает.

24 Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим.

25 Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются,

26 А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий.

Данный фрагмент в Евангелии от Луки также выглядит иначе, чем у Матфея и Марка: если, как и у Марка, у Луки отсутствует диалог между Иисусом и Иудой на Тайной вечере, то у Луки появляются и новые подробности: апостолы пытаются дискутировать о том, кто из них главнее и «выше». Это, как кажется, весьма важно — выясняется, что между учениками Христа присутствует дух соперничества, каждый из них хочет занять место поближе к Учителю и получить хотя бы какое-то превосходство над остальными.

39 И вышед пошел по обыкновению на гору Елеонскую; за Ним последовали и ученики Его.

40 Пришед же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение.

41 И Сам отошел от них на вержение камня и, преклонив колени, молился,

42 Говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет.

43 Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его.

44 И находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю.

45 Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали.

46 И сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.

47 Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть.

48 Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?

49 Бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: Господи! не ударить ли нам мечом?

50 И один из них ударил раба первосвященникова и отсек ему правое ухо.

51 Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И коснувшись уха его, исцелил его.

В данном фрагменте разночтения Луки с Матфеем и Марком бросаются в глаза еще больше. Бели у Матфея и Марка Иисус ходил молиться «о чаше» в Гефсиманский сад, то у Луки Он поднимается на гору Елеонскую, причем не уточняется, кого из учеников Он берет с собой. Христос не трижды, а всего единожды застаёт апостолов спящими во время Своего моления. Педалирован момент предательского поцелуя — во фрагменте трижды повторяется, что Иуда собирается поцеловать предаваемого им Учителя. Наконец, очень интересна концовка эпизода: создается такое впечатление, что вооруженный мечом ученик Христа отсек ухо Иуде, называемому ввиду его альянса с первосвященником «рабом первосвященника». Возможность такого прочтения возникает вследствие того, что на прямой вопрос Христа, обращенный к Иуде: «Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого?», апостолы откликаются: «бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: „Господи! Не ударить ли нам мечом?“». Поскольку только что речь шла о предательстве Иуды, закономерно возникает ощущение, что апостолы готовятся «ударить мечом» не просто кого-нибудь из людей, пришедших взять Христа, а конкретно пошедшего против Учителя Иуду. Момент исцеления пораженного мечом апостолов «раба» (Иуды?) также эксклюзивен в Евангелии от Луки.

Евангелие от Иоанна

6

67 Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?

68 Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни,

69 И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого.

70 Иисус отвечал им: не двенадцать ли вас избрал Я? *но один из вас диавол.*

71 *Это говорил Он об Иуде Симонове Искарите, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати.*

Наконец, стоящее особняком к синоптическим Евангелиям Евангелие от Иоанна. Уже первое упоминание Иуды в нем отличается от канонической версии. Иоанн, акцентирующий духовность Христа и Его божественную сущность, наделяет Его даром провидения. Иисус не

просто знает, что один из учеников предаст Его; Он видит в одном из избранных Им апостолов дьявола (ср. рассуждение Луки, что в Иуду вселился сатана). Мне кажется, впрочем, это весьма и весьма интересным: по версии Иоанна, получается, что набиравший Себе «команду» Учитель по собственной воле пожелал приблизить к Себе будущего предателя? То есть Иудино отступничество было не только предсказано Христом, но и внутренне одобрено, принято... Не является ли данный фрагмент текста Иоанна косвенным указанием на то, что инициатива предательства исходила от Него самого, что оно было нужно Ему — скажем, чтобы в Своем лице принести искупительную жертву, или чтобы привлечь внимание к Своему Учению, или еще зачем-то?

11

55 Приближалась Пасха Иудейская, и многие из всей страны пришли в Иерусалим перед Пасхою, чтобы очиститься.

56 Тогда искали Иисуса и, стоя в храме, говорили друг другу: как вы думаете? не придет ли Он на праздник?

57 Первосвященники же и фарисеи дали приказание, что если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его.

Также интересная версия: первосвященники, полагая, что Иисус, как и в прошлые годы, придет в Иерусалим на празднование Пасхи, объявляют «охоту» на Него. Это, во всяком случае, выглядит логично: никто не играет в то, что не имеет представления о том, кто такой Христос и где Его можно найти. Очевидно, что всем понятно, кто Он и чем опасен, а взять Его хотят не на «всякий случай», а по вполне понятным причинам: со Своей проповедью нового Учения Он представляет реальную опасность иудейской религии и ее приверженцам, которые сосредоточивают в своих руках власть и не хотят ею ни с кем делиться.

12

3 Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира.

4 Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал:

5 Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?

6 Сказал же он это не дотому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор: он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали.

7 Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего.

8 Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда.

Рассказ о предшествующем Тайной вечере омовении теперь уже ног Иисуса миром также выглядит у Иоанна более логичным. Не все апостолы, а один Иуда высказывает протест по поводу немотивированной растраты драгоценного елѐя. Интересно пояснение Иоанна относительно того, по какой причине возроптал Иуда: «сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор». Если бы все заканчивалось этой фразой, можно было бы предположить, что Иуда остался недоволен, поскольку рассчитывал продать миро и прикарманить деньги. Однако все не так просто, ведь у Иоанна имеется еще одна фраза, «объясняющая» первую, а на самом деле совершенно сбивающая читателя с толку: «он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали».

Получается, что Иуда исполнял функции казначея в кружке апостолов и собирал

пожертвования в специальный ящик для пожертвований. Почему же Иоанн называет его вором? Может быть, во всем виноват опять же текст Протоевангелия, которым пользовался и Иоанн (псевдо-Иоанн?) и не слишком умело сократил его? Как мог выглядеть данный фрагмент Протоевангелия?

Должно быть, как-то так: «Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор, и все апостолы знали, что он нечист на руку. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали, но нередко сам пользовался пожертвованиями для своих нужд. И сейчас апостолы подумали, что он хотел продать мир за триста динариев и прикарманить их, как много раз прикарманивал другие деньги, попадавшие в ящик его».

13

1 Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их.

2 И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искаріоту предать Его,

3 Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит,

4 Встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался.

5 Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.

6 Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги?

7 Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после.

8 Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною.

9 Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову.

10 Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все.

11 Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты.

12 Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам?

13 Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то.

14 И так, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу.

15 Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам.

16 Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его.

17 Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете.

18 Не о всех вас говорю: Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: «ядуший со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою».

19 Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я.

20 Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня.

21 Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

- 22 Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит.
23 Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса.
24 Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.
25 Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это?
26 Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту.
27 И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее.
28 Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему.
29 А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: «купи, что нам нужно к празднику», или чтобы дал что-нибудь нищим.
30 Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь.

Сцена Тайной вечери в версии Иоанна разительно отличается своим драматизмом от той же сцены в синоптических Евангелиях. В начале ее снова возникает тема о том, что «диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искарриоту предать Его». Собственно, данное напоминание есть повтор, поскольку, если верить Иоанну, Иисус, еще когда собирал вокруг себя кружок апостолов, уже знал, что Иуда есть диавол (см. выше). Учитель у Иоанна трогательно оmyвает ноги Своим ученикам, учит их заботиться друг о друге и изъявлять уважение друг к другу. Здесь же, на Вечере, Христос объявляет: пришло время сбыться словам Писания, сегодня Он будет предан тем, кто вкушает с Ним хлеб. «Один из вас предаст Меня», — объявляет Он ученикам. А сообщив ученику, которого особенно отмечал и который возлежал «у Его груди», что предателем явится тот, кому Он подаст «обмакнув кусок хлеба», Иисус протягивает хлеб Иуде.

Поразительно в этом описании следующее. Во-первых, Христос как бы «назначает» себе предателя, протягивая Иуде сакраментальный кусок — после этого в него, собственно, и «вошел сатана» (любопытно, это уже третье место в тексте, в котором указывается, что Иуда имеет отношение к дьяволу-сатане — или, наоборот, тот к Иуде; в предшествующие разы читатель полагал, что альянс ученика Христа с нечистым уже состоялся, но теперь оказывается, что все произошло только после «наговоренного» Иисусом куска хлеба). Во-вторых, апостолы, ясно слышавшие разъяснение Христа, все-таки не могут взять в толк, что именно Иуда станет предателем (даже после того, как ему достается только что упомянутый Учителем хлеб).

О чем это может свидетельствовать? О необыкновенном тупоумии апостолов? Или о том, что автор данного текста снова не очень аккуратно использовал какой-то текст-источник (в данном случае, скорее всего, не резал, а неудачно дополнял и толковал)? Как же, в таком случае, мог выглядеть соответствующий фрагмент Протоевангелия? Попробуем пофантазировать: «Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. Однако Он подал куски всем, и поэтому никто не понял, кого Он имел в виду. Когда же Он, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту, Он сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим». При таком прочтении все встает на свои места, не так ли?

18

1 Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его.

2 Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими.

3 И так Иуда, взяв отряд воинов и слугителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием.

4 Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете?

5 Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его.

6 И когда сказал им: «это Я», — они отступили назад и пали на землю.

7 Опять спросил их: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея.

8 Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут,

9 Да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого.

10 Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх.

11 Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?

12 Тогда воины и тысяченачальник и слугители Иудейские взяли Иисуса, и связали Его,

13 И отвели Его сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником.

Иоанн, как видим, не вдаётся в подробности пребывания Христа в Гефсиманском саду (собственно, ад и не назван им). Иуда приводит к саду стражников с тем, чтобы они взяли Христа; но те, когда Иисус называет себя, падают перед ним на землю. Он просит их отпустить с миром апостолов (новое по сравнению с остальными Евангелиями!); Петр отрубает мечом ухо рабу первосвященника Малху (Иоанн единственный из евангелистов называет по именам и того, кто пустил в ход оружие, и того, кто от него пострадал).

Однако Христос категорически отказывается от помощи Своих учеников: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?». Снова из текста Иоанна следует, что Иисус Сам явился режиссером Своего ареста.

Что это — проговорка в тексте, осознанная позиция Иоанна, желавшего таким образом представить ситуацию с предательством и искупительной жертвой, натяжка при прочтении?

Деяния Апостолов

1

15 И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал, —

16 Было же собрание человек около ста двадцати: мужи, братия! *Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса;*

17 Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего;

18 Но приобрел землю неправедною мздою, и, когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его;

19 И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть «земля крови».

20 В книге же Псалмов написано: «да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем»; и: «достоинство его да примет другой».

21 И так надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус,

22 Начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его,

23 И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия;

24 И помолились и сказали: *Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал*

25 *Принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место.*

26 И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

Данный фрагмент Деяний Апостолов повествует о выборах на общем собрании апостолов двенадцатого члена взамен погибшего Иуды, чтобы «был вместе с нами свидетелем воскресения Его» (как говорит Петр). Это второй и последний фрагмент Нового Завета, в котором представлена информация о том, что Иуда умер. Только если в Евангелии от Матфея говорится, что тот повесился, то в Деяниях мы находим загадочное определение: «когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его; и это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови». Стало быть, все были осведомлены о том, что приключилось с Иудой; очевидно, что смерть, настигшая его, стала ему наказанием за предательство.

Но вот что непонятно в данном фрагменте: Петр говорит, что Иуда «получил землю неправедною мздою». О какой земле идет речь? Обычно говорят, что имеется в виду та «земля горшечника», которую купили первосвященники на возвращенные Иудой 30 сребреников, чтобы хоронить на ней умерших странников (см. Евангелие от Матфея). Но почему тогда Петр говорит, что это Иуда сам «приобрел землю неправедною мздою»? А как вам фраза насчет того, что у Иуды выпали все внутренности, а земля в месте его гибели, по-видимому, оказалась обогрета кровью (поэтому ее и прозвали Акелдамой)? От повешения такого случиться не может! Да и словом «низринулся» вряд ли можно назвать такого рода суицид; скорее речь может идти о том, что Иуда (возможно, и с чьей-то помощью), скажем, сбросился со скалы на острые камни, которые обогрились его кровью. Если же мы вспомним текст Матфея, то в нем говорится, что «землей крови» стала называться земля горшечника, купленная за 30 Иудиных сребреников, полученных тем за кровь Христа. Мы опять столкнулись с какими-то противоречиями, которые, возможно, указывают на наличие Протоевангелия? Иначе такого рода нестыковки в тексте Нового Завета просто не объяснить.

Подведем итоги

Я довольно много времени потратила на анализ текстовых фрагментов Нового Завета, посвященных Иуде. Настало время некоторых обобщений. Приведу все свои соображения по поводу разных версий евангельской истории, того, как складывались реальные отношения апостолов и Иуды, и т. п. Естественно, у меня нет никакой стройной концепции: мне не хватает для ее формирования богословского образования, знаний в области библеистики, да и работала я на достаточно узком участке, что тоже немаловажно. ^[30]Итак, мои выводы и выкладки.

- Апостолы не любили Иуду: они считали его чужаком (они все были родом из Галилеи, он один — из Иудей), завидовали его должности казначея, злословили в его адрес, что

он постоянно злоупотребляет этим своим положением, а попросту — ворует общественные деньги.

- Христос, зная о том, какая «чаша» Его ждет, добровольно шел на жертву и, имея возможность уклониться, спастись от гибели, сознательно выбрал себе терновый венец; более того, он не только знал о готовящемся предательстве со стороны Иуды, но и, возможно, инспирировал это предательство, которое должно было повлечь за собой Голгофу, распятие, воскресение, бессмертие.

- У евангелистов было «спецзадание» непременно представить Иуду как предателя, злодея, подлеца и труса, который не заслуживает ничего, кроме порицания и отвращения в свой адрес. В результате каждый изображал его по принципу «кто во что горазд»; Иуда вышел в Новом Завете отвратительным, но каким-то нецельным.

- Евангелисты пытались завуалировать причастность Христа к поступку Иуды и довольно неуклюже — кто в лес, кто по дрова — пытались объяснить предательство недовольством Иуды по поводу расточительства Учителя, сребролюбием, тем, что в того элементарно «вселился сатана».

- По всей видимости, в Протоевангелии предательство Иуды объяснялось волей Христа; там же рассказывалось о том, что после смерти Учителя Искарriot не смог жить с таким безумным грузом на душе и покончил жизнь самоубийством, — правда, трудно, сопоставляя тексты Евангелия от Матфея и Деяний святых апостолов, принять безоговорочно одну из представленных этими текстами версий (удавился или «низринулся»?).

- Поскольку во всех Евангелиях имеются текстовые неточности и противоречия, можно предположить, что существовало некое Протоевангелие, текст которого был логичен и четок, но концепция которого не удовлетворяла заказчиков канонического варианта Нового Завета.

- Совсем сумасшедшее предположение: Иисуса как физически существовавшего человека не было. Был кружок апостолов, которые «играли короля», то есть рассказывали о своем чудесном Учителе, концепция которого была выведена ими из откровений ветхозаветных пророков. Они проповедовали якобы Его идеи, рассказывали о якобы творимых Им чудесах, называли себя Его представителями, когда возникала необходимость, кто-то из двенадцати изображал Его. Именно этим можно объяснить то, что никто из первосвященников и стражников (которые вроде бы не единожды должны были сталкиваться с Иисусом) не знал Его в лицо и Иуда договорился, что поцелует отметит Того. В таком случае, что за акцию готовили апостолы? Кого готовили к распятию под видом Христа? Или у них была договоренность с Пилатом, который находился в перманентной конфронтации с синедрионом, что распятию под видом Иисуса будет придан в конечном итоге какой-нибудь разбойник, зато впоследствии можно будет хорошенько «раскрутить» гибель Спасителя на кресте?

Собственно, это все, что можно сказать по образу Иуды Искариота в Новом Завете. Надеюсь, что мои скромные выводы послужат общему делу воссоздания биографических моментов этого персонажа христианской мистерии.

Апокрифы вообще и апокрифические Евангелия в частности

Мне было поручено рассмотреть апокрифические Евангелия, за что я с энтузиазмом и принялся. Апокрифами называются в основном раннехристианские тексты, по каким-либо причинам не канонизированные официальной Церковью. В действительности «ассортимент» таких причин не слишком-то и велик: насколько я понимаю, в IV веке окончательно сложилась концепция Священного Писания, которая отвечала всем требованиям, предъявляемым к тексту-манифесту транснациональной партии, претендующей на мировое господство. Основными мотивами любого канонического текста должны были быть следующие моменты.

- Единобожие.
- Декларация Христа как Спасителя мира и Человечества, искупителя его грехов.
- Учение о рае и аде и требованиях, предъявляемых к желающим попасть туда или сюда.
- Учение о конце света и глобальной возможности спасения.
- Утверждение о том, что апостольская Церковь — духовный представитель и наследник Христа на земле.
- Представление земных наместников Царя небесного.

В контексте таких требований все произведения околохристианской литературы, долженствующие прокомментировать порядок мироустройства, иерархию небесных сфер, путешествия персонажей Нового Завета в загробный мир и т. д., объявлялись «отреченными» или «потаенными», то есть апокрифическими. Впрочем, апокрифы с удовольствием читались, переписывались, одним словом, распространялись среди грамотного христианского населения Европы, Азии и Африки; на их основе слагались новые удивительные по сюжетике и подбору персонажей фактически фантастические тексты, которые, если оценивать их положая руку на сердце, давали по популярности если не 100, то во всяком случае 50–70 очков вперед текстам каноническим, которые представляли для средненького обывателя скорее сакральный, мистико-священный, нежели живой, из любопытства, интерес.

Священное Писание читали, потому что так надо, стремясь задобрить мстительного и недружелюбного Бога, подкупить его своим послушанием, продемонстрировать лояльность и покорность. Апокрифы — чтобы удовлетворить свою тягу узнать подробности того, что простому смертному знать, в общем-то, и не положено.

Особую группу апокрифов составляют так называемые неканонические Евангелия, среди которых в свою очередь основное место по численности и подробности занимают, пожалуй, тексты библиотеки Наг-Хаммади. Эти гностические произведения были, как гласит предание, случайно найдены в 1945 году в местечке Наг-Хаммади под Каиром: рукописные папирусы III–V веков были свернуты в свитки, каждый из которых укрывал добротный кожаный чехол. Большинство текстов библиотеки Наг-Хаммади представляют собой Евангелия от Марии, Филиппа, Фомы в разных версиях. У меня была большая надежда на эти гностические сочинения, благо они опубликованы; я предполагал, что уж здесь-то у меня будет богатый «улов». Однако, как говорится, человек полагает, а Бог располагает. Среди гностических (равно как и почти среди всех прочих апокрифических Евангелий) я не нашел практически никаких упоминаний об Иуде. Практически, потому что некоторые намеки на него мною все-таки были обнаружены в Евангелии от Филиппа.

Ну а связный текст, посвященный удивительным приключениям Иуды и поистине странной его истории, я нашел в Евангелии от Варнавы.

На этих двух источниках за неимением других я и останавлиюсь. [\[31\]](#)

Евангелие от Филиппа

Как я уже сказал, Евангелие от Филиппа относится к гностической традиции, текст его в разных версиях найден на свитках библиотеки Наг-Хаммади. Собственно, Иуда Искариот там не упоминается, зато Бог сопоставляется с... красильщиком. Я бы никак не отреагировал на это, если бы Софи не рассказала мне, что прозвище евангельского предателя, возможно, образовано от арамейского слова «шекария» (красильщик). Посмотрите, что в Евангелии от Филиппа написано:

43. Бог — красильщик. Как хорошие краски, которые называют истинными, умирают вместе с тем, что окрашено ими, так и то, что окрасил Бог. Ибо бессмертны краски его, они становятся бессмертными благодаря его цветам.

54. Господь вошел в красильню Левин. Он взял семьдесят две краски, он бросил их в чан. Он вынул их все белыми и сказал: Подобно этому, воистину Сын человека пришел как красильщик.

Не очень представляю себе, как интерпретировать данные отрывки. Известно, что гностики декларировали свою причастность к тайному, сокровенному, мистическому знанию. Возможно, таким образом, что они на самом деле владели какой-то вынесенной за пределы «общего доступа» информацией, из которой и следовали вышеприведенные сентенции.

Если очень захотеть их откомментировать, то получится примерно следующее.

1. Христос — красильщик, но и Иуда — красильщик. Получается, что Христос = Иуда?

2. Бог — красильщик, но красильщик и Иуда, стало быть, Иуда = Христос = земное воплощение Бога?

Написав это, я весьма порадовался, что живу не в эпоху средневековья и потому меня вряд ли кто вознамерится за подобную ересь отправить на костер. Впрочем, это всего лишь интерпретация, на которой никто не настаивает, просто — почему бы не сделать в наших поисках и такое допущение? [\[32\]](#)

Евангелие от Варнавы

Еще один текст, который я не мог обойти стороной, — это текст Евангелия от Варнавы. В обороте оно появилось довольно поздно, в начале XX века, в ранних списках не известно, однако его с удовольствием цитируют и издают представители Ислама. Это и не удивительно: Евангелие от Варнавы еще называют «Мусульманским Евангелием» — в нем Христос говорит своим ученикам о том, что после Него придет последний пророк, Мухаммед. Собственно, определенная часть комментаторов Нового Завета считают, что и в Евангелии от Иоанна содержатся пророчества о Мухаммаде (там Христос заявляет, что через некоторое время по Его кончине на земле появится новый Учитель; впрочем, имени того не называет).

Варнава был одним из 70 апостолов, изначально его звали Иосией, однако потом он был наречен «сыном утешения» (так переводится с арамейского его новое имя). О нем известно, что он был родом с Кипра. Попав в Иудею и проникнувшись проповедью Христа, Варнава распродал

свое имущество, вырученные от продажи деньги вложил в дело популяризации нового Учения. В Деяниях Апостолов о нем говорится, что «он был муж: добрый, исполненный Духа Святого и веры».

Будучи ближайшим сподвижником Павла, Варнава в течение некоторого периода времени проповедовал христианство в Антиохии вместе с ним, затем с Марком отправился проповедовать на Кипр.

Текст, приписываемый Варнаве, в корне отличается подачей материала: автор подает себя в качестве действующего лица своего повествования, рассказывает обо всех своих впечатлениях (нередко от первого лица), событиях, участником которых является, и называет себя «я» и «тот, кто пишет».

Меня страшно заинтриговал текст Евангелия от Варнавы (кстати, в нем 222 главы), поскольку он в совершенно неожиданном ключе развивает концепцию «Христос = Иуда», показавшуюся мне столь нелепой и одновременно притягательной (см. выше).

Глава 18

...По наступлении дня Он спустился с горы и выбрал двенадцать Своих апостолов, в числе которых был и Иуда, тот, что умер на кресте. Его апостолами были: рыболовы Андрей и брат его Петр, Варнава, написавший это, а также Матфей, Иоанн и Иаков — сыновья Заведеевы, Фаддей, Юст, Варфоломей и Филипп, Иаков, сын Алфея, и Иуда Искариот, предатель.

Интересно, что в тексте Евангелия от Варнавы вместо привычных среди 12 апостолов Фомы и Симона Зилота (Канонита) появляются сам Варнава и Юст (?). Что же касается Иуды Искариота, то он в данном отрывке, как видим, упоминается дважды: сначала о нем говорится, что он «умер на кресте», затем он называется «предателем» (фактически как и в канонических Евангелиях).

Глава 213. Иисус указывает на предателя

Наступил день, когда едят агнца. Никодим в тайне отправил ягненка в сад, где находились Иисус и его апостолы, и сообщил им о том, что постановили Ирод, правитель и первосвященник. Иисус возрадовался и сказал: «Да благословится святое имя Твое, Господь, так как Ты оставил меня в числе Твоих рабов, которых изгоняли и убивали люди. Я благодарю тебя, Господь мой, так как Я исполнил дело Твое». Затем, повернувшись к Иуде, Он произнес: «Чего же ты ждешь, друг мой? Мой срок близок, иди же и сделай то, что ты должен сделать!». Апостолы подумали, что Иисус хотел отправить его, чтобы тот купил что-нибудь для дня Пасхи. Однако Иисус знал, что Иуда предаст его, и, поскольку Он желал оставить этот мир, поэтому Он разговаривал с ним в такой манере. Иуда ответил: «Учитель, дай мне поесть, и я уйду». «Давай поедим, — сказал Иисус, — так как мне очень хочется поесть этого агнца, прежде чем покинуть вас!». Встав, он взял полотенце и опоясался. Налив воды в ванночку, он принялся мыть ноги своих учеников, начав с Иуды.

Когда он подошел к Петру, тот сказал ему: «Учитель, это Ты хочешь помыть мне ноги?» Иисус ответил: «То, что Я делаю сейчас, тебе неизвестно, но ты поймешь это позже». Петр тогда сказал: «Нет, Ты никогда не будешь мыть мои ноги!». Тогда Иисус встал и произнес: «И ты тоже, ты не будешь сопровождать Меня в День Суда!». На это Петр ответил: «Господин, вымой мне не только ноги, но также руки и голову!». После того, как Иисус помыл своих учеников, они сели за стол для трапезы, и Он сказал: «Я

помыл вас, но вы не все чисты, так как морская вода не очищает того, кто не верит мне». Иисус сказал это, поскольку Он знал, кто Его предаст. Услышав эти слова, ученики сильно опечалились. Тогда Иисус добавил: «Говорю вам, поистине один из вас предаст Меня подобно тому, как продают овцу. Но горе ему, ведь о совершивших подобное отец наш Давид сказал: „Упадет в яму тот, кто уготовил ее для других!“». Апостолы начали переглядываться друг с другом, с болью говоря: «Кто же предатель?». Тогда Иуда спросил: «Это буду я, Учитель?». Иисус ответил: «Ты сказал Мне, кто будет предающим Меня!». Но одиннадцать апостолов не услышали это. Когда агнец был съеден, дьявол вошел в Иуду и тот вышел из дома. Иисус снова сказал ему: «Делай быстрее, что ты должен сделать!».

Как видим, пока повествование Евангелия от Варнавы не слишком далеко уходит от канонической версии: как, скажем, в Евангелии от Иоанна, Иисус оmyвает ноги Своим ученикам, опять же, как в Евангелии от Иоанна, у Варнавы отмечается, что «дьявол вошел в Иуду», а Учитель просит его побыстрее делать задуманное. Что важно: инициатива у Варнавы исходит целиком и полностью от Иисуса — именно Он благодарит Господа за то, что Тот готов приобщить Его к лику невинно пострадавших от людей; именно Христос просит Иуду побыстрее претворить «свое дело», рассказывает апостолам, что среди них есть предатель и — в конце концов — фактически отсылает Иуду к первосвященникам. Спрашивается, если Он все задумал Сам, зачем Ему объявлять громогласно о готовящемся предательстве (ведь, по сути, предательства никакого и не будет — просто Его ученик исполнит Его же волю)? Мне кажется, все просто: чтобы апостолы уверились в том, что предательство состоялось по произволу предателя, а не по замыслу Учителя. В противном случае довольно трудно будет возвещать о Том как о невинно пострадавшем. Тут имела место тщательно продуманная, не уступающая по хитрости фарисейской, комбинация. Мы привыкли к образу простодушного и кроткого Христа, а тут перед нами предстает дальновидный, мудрый стратег, который со знанием дела играет в не детски сложные игры, цель которых, по-видимому, власть: духовная и материальная, безграничная власть в разных ее ипостасях.

Глава 214. Предательство Иисуса Иудой

Выйдя из дома, Иисус уединился в саду для совершения своей молитвы. Он молился, сгибая колени сотню раз, припадая ниц к земле. Иуда, зная место, где находится Иисус со своими учениками, направился к первосвященнику. Придя к нему, он сказал: «Если вы дадите обещанное мне, то этой ночью я выдам в ваши руки этого Иисуса». Первосвященник спросил: «Сколько ты хочешь?». Иуда ответил: «Тридцать сребреников!». Первосвященник тут же отсчитал деньги и отправил фарисея к правителю и Ироду для сбора воинов. Поскольку они очень боялись волнений среди народа, поэтому собрали целый отряд. Вооружившись, они вышли из Иерусалима с фонарями и светильниками на палках.

Данная версия отличается от канонической евангельской: Иуда договаривается о деньгах непосредственно в момент предательства, а не загодя; первосвященник же, опасаясь народного волнения, собирает целый вооруженный отряд, чтобы взять под арест Иисуса. Однако пока, за исключением некоторых новых деталей, версия Евангелия от Варнавы не противоречит новозаветной. То же, что следует далее, никак не соотносено с текстом Писания.

Глава 215. Ангелы спасают Иисуса, вознося его на небеса

По мере приближения воинов и Иуды к месту, где находился Иисус, последний слышал, что идет много людей. С опасением он вернулся в дом, где спали одиннадцать его апостолов. Но Бог, видя опасность, которой подвергается его слуга, приказал своим ангелам Гавриилу, Михаилу, Рафаилу и Урилу забрать Иисуса из этого мира. Святые Ангелы спустились и забрали Иисуса, пройдя через окно, выходившее на юг. Они вознесли его на третье небо к ангелам, воздающим вечную хвалу Всевышнему.

Как всем известно, ничего подобного в текстах Нового Завета нет: там Христос исполняет миссию жертвы, готовый пострадать за грехи человечества и крестной своей мукой искупить их. У Варнавы же Он лишается такой красивой функции: пророк должен служить людям Своими идеями, проповедью, но никак не безвинно пролитой кровью. Поэтому Иисуса забирают ангелы на небо, осуществляется подлог — вместо Него арестовывают Иуду.

Глава 216. Изменение облика Иуда и его арест

Иуда первым ворвался в комнату, откуда был вознесен Иисус и где спали одиннадцать его апостолов. Именно тогда достохвальный Господь наш действовал восхитительно: своей речью и лицом Иуда стал настолько похож на Иисуса, что мы поверили в это и на самом деле приняли его за Учителя.

Иуда, разбудив нас, принялся искать Иисуса. Придя в страшное замешательство, мы начали отвечать: «Но ведь это ты, наш Учитель! Ты забыл нас?». Однако, усмехаясь, он отвечал нам: «Вы сумасшедшие? Я же Иуда Искарот!».

Пока он говорил, воины ворвались и схватили его, так как он был очень похож на Иисуса. Что касается нас, то, услышав слова Иуды и увидев толпу воинов, будучи вне себя, убежали. Иоанн, спавший под покрывалом, проснулся и тоже побегал. Один воин, ухватившись за покрывало, оставил его нагим, но тот спасся, так как Господь ответил на молитву Иисуса и спас одиннадцать апостолов от беды.

В данной главке Евангелия от Варнавы приведены поистине нетривиальные объяснения тому, что мы никак не можем объяснить в Новом Завете. Иисуса, конечно же, знают в лицо многие, в первую очередь — Его ученики. Однако облик Его обладает волшебной изменчивостью, так что практически любой может быть принят за Него. В Евангелии от Варнавы описывается, как стал поразительно похож на Христа сам предатель Иуда — настолько, что был арестован вместо Него. И несмотря на то что автор однозначно интерпретирует этот феномен как своеобразное наказание Иуде за его преступление, у меня закрадывается сомнение: а может быть, все это как раз и было планом Иисуса? Сначала сделать так (уговорить, загипнотизировать, внушить), чтобы Иуда Его предал, потом подставить его на Свое место и пронаблюдать со стороны, что происходит, потом — вероятно, пожинать плоды успеха Своего хитроумного плана: строить на крови доверчивого апостольского казначея здание Своего мирового могущества (правда, это мои домыслы, глубоко ненаучные; ничего подобного в Евангелии от Варнавы нет).

Глава 217. Распятие Иуды

Воины схватили Иуду и связали его, насмехаясь над ним, так как он отрицал, что он Иисус. Смеясь над ним, они говорили ему: «Не бойся, Господин, мы пришли, чтобы сделать тебя царем Израиля! Мы связали тебя только потому, что знаем, как ты отказываешься от царства!». Иуда ответил: «Неужели вы лишились рассудка? Вы пришли с оружием и фонарями, чтобы взять Иисуса Назарейского как вора, а связали

меня, чтобы сделать царем, меня, кто привел вас сюда!». Тогда воины потеряли терпение и, избивая его кулаками и ногами, привели в Иерусалим.

Иоанн и Петр шли за воинами. Они подтвердили тому, кто пишет это, что были свидетелями всех допросов, на которых присутствовали первосвященник и фарисеи, собравшиеся для того, чтобы покончить с Иисусом, не ведая, что подвергают смерти Иуду. Иуда говорил столько безумного, что все смеялись над ним и по-настоящему верили, что это на самом деле был Иисус, который притворяется сумасшедшим из страха перед смертью. Книжники повязали ему повязку на глаза и, насмехаясь, говорили: «Иисус, пророк Назарейский, скажи нам, кто тебя бил?». Они давали ему пощечины и плевали ему в лицо.

Когда же настало утро, собрался большой совет книжников и старейшин из народа. Первосвященник и фарисеи искали ложных свидетелей против Иуды, полагая, что это был Иисус. Но они не нашли кого искали. Я рассказываю вам, что первосвященники приняли Иуду за Иисуса! Но ведь и все апостолы, и даже тот, кто пишет, тоже поверили в это! И сама бедная Дева Мария, мать Иисуса, тоже поверила в это, как и его близкие и друзья, — боль каждого из них была невероятной! Слава Господу, тому, кто пишет это, Иисус сказал, что Он будет взят из этого мира и умрет только с приближением Конца Света.

Первосвященник подошел к связанному Иуде и спросил его об Его учениках и Его Учении. Иуда, словно лишенный разума, ничего не ответил по этому поводу. Первосвященник заклинал его именем Бога сказать ему правду. Иуда ответил: «Я же сказал вам, что я Иуда Искарот, пообещавший вам выдать Иисуса из Назарета, однако вы, я не знаю какими уловками, нашли другой выход и хотите любой ценой, чтобы я был Иисусом!». Первосвященник ответил: «Развратный соблазнитель, своим учением и ложными чудесами ты обманул весь Израиль от Галилеи до Иерусалима, а теперь ты пытаешься уйти от справедливого наказания, которого заслуживаешь! Слава Богу, тебе не избежать его!». Сказав это, он приказал своим слугам дать ему пощечины и побить ногами, дабы привести его в чувство. Слуги первосвященника подвергли того невероятному истязанию. Они переодели его в жонглера и нанесли ему столько ударов кулаками и ногами, что он стал просить кана-неан пожалеть его, как будто они видели, в каком состоянии он находился. Но первосвященники, фарисеи и старейшины из народа были настолько безразличны к Иисусу, что им доставляло удовольствие смотреть на издевательства над Иудой, полагая, что это на самом деле был Иисус.

Затем, все еще связанного, они привели его к правителю. Тот втайне любил Иисуса. Уверенный в том, что Иуда — это Иисус, он позволил ему пройти в его комнату и спросил, почему первосвященники и народ выдали Его ему. Иуда ответил: «Если я скажу тебе правду, то ты все равно не поверишь мне, так как тебя обманули, точно так же, как обманули первосвященников и фарисеев». Полагая, что он хотел говорить о законе, правитель спросил его: «Известно ли тебе, что я не иудей и что это первосвященники и старейшины из твоего народа, кто выдали тебя мне? Скажи же нам правду, чтобы я смог поступить по справедливости, так как своей властью я могу освободить или приговорить тебя к смерти». Иуда ответил: «Господин, если ты казнишь меня, ты совершишь великий грех, так как ты убьешь невинного. Я действительно Иуда Искарот, а не Иисус. Иисус — колдун. Это Он своей хитростью изменил мой облик».

Правитель сильно удивился, услышав это. Ему хотелось освободить его. Он вышел и, улыбаясь, сказал: «Из двух вещей по крайней мере есть одна, из-за которой он

достоин не смерти, а скорее помилования. Он говорит, что он не Иисус, а некий Иуда, который привел воинов, чтобы схватить Иисуса. И он также говорит, что это Иисус из Галилеи, кто изменил его образ своим колдовским искусством. Если это поистине так, то убийство его будет большим грехом, поскольку он невиновен. Но если это Иисус, и если он отрицает это, то он, несомненно, потерял разум и будет безбожно убить слабоумного!». Первосвященники, старейшины из народа, а также книжники и фарисеи закричали: «Это Иисус из Назарета, которого мы знаем, так как, если бы он не был злодеем, мы бы не выдали его вам. И он совсем не сумасшедший, а скорее всего хитрый обманщик. Он хочет ускользнуть от нас такой уловкой!». Чтобы отделаться от этого, Пилат, таково было имя правителя, сказал: «Он из Галилеи. Царь в Галилее — Ирод, и я не могу судить данный случай. Отведите же его к Ироду!».

Тогда его привели к Ироду. С давних пор он хотел, чтобы Иисус пришел к нему. Однако сам Иисус никогда не хотел этого, так как Ирод был язычником, и поклонялся ложным богам и обманщикам, и вел порочный образ жизни. Ирод опросил Иуду на разные темы, но Иуда отвечал невпопад и отрицал, что он Иисус. Тогда Ирод посмеялся над ним и заставил облачить его в белое, как это делают с умалишенными. Затем он отправил его к Пилату со словами: «Не будь несправедливым к народу Израиля!». Ирод написал это, потому что первосвященники, книжники и фарисеи дали ему значительную сумму денег.

Правитель сделал вид, что хочет освободить Иуду, так как он тоже хотел денег. Он заставил своих слуг, чтобы те побили его плетью, но книжники, заплатившие им денег, желали видеть его умершим под плетью.

Но Господь, постановивший то, что должно произойти с Иудой, сохранил его для страшной смерти на кресте. Он не дал ему умереть под плетью, хотя воины били его так, что с его тела стекала кровь. Затем, ради насмешки, они надели на него старую багряницу, приговаривая: «Следует разодеть нашего нового царя и короновать его!». Они взяли терновник, из которого сплели венец, похожий на те, что носят цари. Затем они надели венец на голову Иуды, и дали ему в руку трость в качестве жезла, и заставили его сесть на высокое место. Воины, проходя мимо него, кланялись ему насмешки ради и приветствовали словами: «Царь иудеев!». Они протягивали к Иуде руки, чтобы получить от него подарок, так как это обычно делали все новые цари. Но поскольку они ничего не получали от него, то били его, говоря: «Как же тебя короновали, сумасшедший царь, если ты не хочешь заплатить ни твоим воинам, ни твоим слугам?»

Первосвященники, книжники и фарисеи, видя, что Иуда не умер под плетью, и боясь, как бы Пилат не освободил его, дали деньги правителю. Получив их, тот выдал Иуду книжникам и фарисеям как заслуживающего смерти. Вместе с ним они приговорили к смерти на кресте и двух воров.

Они привели его на Голгофу, где вешали преступников. Там они распяли его нагим для того, чтобы люди как можно больше насмехались над ним. Иуда только то и делал, что кричал: «Боже, почему ты оставил меня, ведь злодей сбежал, а меня убивают по ошибке?».

Поистине, его голос, его лицо и образ так походили на Иисуса, что его ученики и верующие Ему люди на самом деле были уверены, что это действительно был Он. Некоторые из них оставили учение Иисуса, поверив, что Он был лжепророком и что Он совершал чудеса благодаря колдовству. Иисус на самом деле сказал, что он умрет только с приближением Конца Света, а при жизни будет взят на небо.

Но те, кто остался твердым в его учении, были настолько охвачены страданиями, видя, как умирает похожий на Него человек, и они не вспомнили, о чем Он говорил. Также вместе с матерью Иисуса они отправились на Голгофу. Они не только присутствовали при смерти Иуды, находясь в постоянном плаче, но также попросили правителя через Никодима и Иосифа отдать тело Иуды для захоронения. Будучи в невообразимом состоянии траура, они сняли его с креста, завернули в полотно с благовониями и похоронили в новом гробу, высеченном Иосифом.

Это поразительный документ; буквально мороз по коже пробегает, стоит подумать, что изложенное в нем могло быть правдой. Иуда подвергся экзекуции, пыткам, наконец, казни распятием — и все это вместо Христа, причем никто даже не задумался о подлоге. Впрочем, что-то понял Пилат, однако не смог противостоять воле первосвященников и единственное, что сделал, так это попытался избавиться от ответственности за, по сути, убийство то ли несчастного Иуды, страдающего вместо Христа, то ли Христа, потерявшего рассудок, и отправил того к Ироду. Однако позже, когда Иуда вернулся к нему, одетый в белые одежды сумасшедших, Пилат решил воспользоваться ситуацией, чтобы получить взятку: он притворился, что желает освободить Иуду-Христа, видя, как книжники и фарисеи стремятся побыстрее избавиться от него. Деньги были заплачены, и Иуда отправлен на распятие. Обращает на себя внимание в этом отрывке и упоминание о том, что Господь уготовил Иуде «страшную смерть на кресте». Стало быть, все, что происходило с несчастным, происходило по соизволению высших эшелонов власти. Мы сталкиваемся с довольно безысходной картиной в Евангелии от Варнавы: Христос жесток и коварен, он посылает на заведомые мучения Иуду, сначала подбив того на предательство, а потом подменив Себя им и заставив принять крестные муки. Надо сказать, этот поступок — вполне в духе ветхозаветного Бога-Отца, который буквально не упускает возможности, чтобы как-нибудь, не одним, так другим способом покарать «народ Свой», который между тем и шагу ступить не может вопреки Божественному промыслу, то есть, по сути, все делает по соизволению свыше — и грешит тоже.

218. Как возникла путаница о воскресении Иисуса

Каждый вернулся к себе. Тот, кто пишет, а также Иоанн и его брат Иаков вместе с матерью Иисуса отправились в Назарет. Те из учеников, кто не боялся Бога, ночью украли тело Иуды, спрятали его и распространили слух, что Иисус якобы был воскрешен. Так возникла большая путаница.

Первосвященник запретил кому бы то ни было, под угрозой анафемы, говорить что-либо об Иисусе из Назарета. За этим последовали большие гонения. Много людей было забито камнями, многие побиты палками и посажены в тюрьмы, так как люди не могли молчать по данному поводу.

Новость о воскрешении Иисуса, умершего на кресте, дошла и до Назарета. Тогда тот, кто пишет, попросил мать Иисуса, чтобы та вышла из траура, поскольку сын ее воскрес. Услышав это, Дева Мария сказала: «Пойдем в Иерусалим и найдем сына моего, и тогда, повидав его, я охотно умру!».

Весьма интересная интерпретация воскресения Христа—произошло не воскресение, а распространение слухов о воскресении, которые распустили апостолы, выкравшие тело принявшего смерть на кресте. С моей точки зрения, это попытка объяснить одно из самых загадочных и необъяснимых мест Нового Завета: если по канонической версии все произошло наяву — Христос «воскресе из мертвых, смертью смерть поправ», то тут все обстоит гораздо

прозаичнее и циничнее {кстати, долей цинизма приправлены многие сцены Евангелия от Варнавы): команда апостолов Иисуса «работает» по Его сценарию, претворяя в жизнь Его замысел — люди должны верить не только в то, что Он способен творить чудеса по оживлению умерших и оздоровлению недужных, но и в то, что может воскреснуть Сам!

Глава 219. Возвращение Иисуса на Землю

В день, когда был издан указ первосвященника, Дева Мария вернулась в Иерусалим с тем, кто пишет, Иаковом и Иоанном. Поскольку она боялась Бога, она попросила тех, кто жил с ней, забыть ее Сына, хотя она и знала, что указ первосвященника был несправедливым. Как же каждый из нас переживал эти события? Господь, который ведает сердцами людей, знает, что мы и мать Иисуса находились в состоянии изнеможения между горем из-за смерти Иуды, которого мы принимали за Иисуса, и желанием увидеть его воскресшим.

Ангелы-хранители Девы Марии поднялись на третье небо, где находился Иисус в окружении ангелов. Они ему поведали обо всем, и Иисус попросил Всевышнего Господа дать ему возможность повидать Свою мать и учеников. Бог Всемиловитый приказал своим четырем Ангелам Гавриилу, Михаилу, Рафаилу и Урилу проводить Иисуса к Его матери и охранять Его в течение трех дней, позволяя видеть Его только тем, кто уверовал в Его Учение.

Окруженный сиянием, Иисус явился туда, где жили Дева Мария и две ее сестры, а также Марта, Мария-Магдалина, Лазарь, тот, кто пишет это, Иоанн, Иаков и Петр. Испугавшись, они упали словно мертвые. Иисус поднял Свою мать и остальных, говоря: «Не пугайтесь, я — Иисус! Не плачьте, ведь я живой, а не мертвый!». Глядя на Иисуса, они долгое время оставались будто лишенные разума, потому что они верили, вне всякого сомнения, что Он мертв.

Тогда Дева Мария, плача, сказала: «А теперь скажи мне, Сын мой, почему Бог, давший Тебе способность оживлять мертвых, оставил Тебя умирать к стыду Твоих родственников и друзей, а также Твоего Учения, так, что все, кто любят Тебя, остались словно неживые?».

Цинизм ситуации, по Варнаве, заключался еще и в том, что для «чистоты эксперимента», а именно для придания происходящему максимальной достоверности, ни мать, ни близкие Христа не были поставлены Им до поры до времени в известность о том, что Он жив. Он дал им пострадать, чтобы последние сомневающиеся уверились: в самом деле Христа (а не безвестного неприкаянного Иуды) не стало — и лишь позже явил им истинное положение дел. Повидимому, их страдания тоже были частью Его плана. Однако не будем забывать, что в план, вероятнее всего, были посвящены и те апостолы, что украли тело Иуды из захоронения и объявили Христа воскресшим.

Глава 220. Ангелы и Иисус свидетельствуют

Обняв свою мать, Иисус ответил: «Поверь мне, мать моя, я говорю это истинно, я никогда не умирал. Господь сохранил меня до приближения Конца Света».

Сказав это, он попросил четырех ангелов явиться и засвидетельствовать о том, как все произошло. Тогда ангелы появились, словно четыре солнца. Их сияние было настолько сильным, что все, испугавшись, упали, как мертвые. Тогда Иисус дал ангелам четыре покрывала, чтобы те накрылись и чтобы мать его и друзья могли их видеть и слышать то, о чем они будут говорить. Подняв их и успокоив, Иисус сказал:

«Вот Посланники Божий: Гавриил, кто возвещает о секретах Господа, Михаил, воюющий с Его врагами, Рафаил, который получает души умерших, и Уриил, кто призовет каждого человека в последний день на Суд Божий».

Четыре ангела рассказали Деве Марии, что Господь Всевышний отправил их за Иисусом и что Он изменил облик Иуды в наказание за то, что тот продал Его. Тогда тот, кто пишет, спросил: «Учитель, позволишь ли Ты мне спросить Тебя, как я спрашивал Тебя, когда Ты жил среди нас?». Иисус ответил: «Спрашивай, о чем хочешь, Варнава, Я отвечу тебе». Тогда тот, кто пишет, сказал: «Учитель, если Бог Милостив, почему же Он заставил нас мучиться и поверить в то, что Ты мертв? Твоя мать так плакала по Тебе, что она была готова умереть. И почему Тебя, святого от Бога, Господь подверг позору быть убиенным на Голгофе вместе с ворами?».

Иисус ответил: «Варнава, поверь мне, Господь воздаст большим наказанием за любой грех, каким бы малым он ни был, так как любой грех наносит Ему оскорбление. И поскольку Моя мать, верные Мне люди и Мои ученики любили Меня немного земной любовью, Господь всего лишь хотел наказать за эту любовь болью здесь, на земле, чтобы не наказывать за нее в огне Ада.

Что касается Меня, то в миру Я был невинным. Но поскольку люди называли меня Богом и Сыном Божьим, то Господу было угодно, для того, чтобы демоны не насмеялись надо Мной в День Суда, пусть люди смеются надо Мной в этом мире через смерть Иуды, заставив каждого поверить, что это Я принял смерть на кресте. Эта шутка будет длиться до прихода Мухаммада, посланника Господня. Придя в мир, он выведет из заблуждения тех, кто поверит в Закон Божий».

Затем Иисус добавил: «Ты справедлив, Господь Бог наш, и лишь только Тебе одному вечный почет и слава!».

Мне не очень понятны пассажи данного отрывка относительно того, что люди будут смеяться над Иудой вместо Христа как над распятым на кресте. Вызывает ли смех зрелище казни, мертвого в мучительном оскале предсмертной агонии? Кто знает, может быть, те времена отличались особой жестокостью — и насмешки над казненными и казимыми были в порядке вещей, даже хорошим тоном? Интересно и рассуждение Христа о том, что апостолы и Богородица наказаны Богом слезами и скорбью по невинно убиенному за то, что они любили Его «немного земной любовью». Что имеется в виду в тексте? По всей видимости, то, что к Христу не стоило подходить с общечеловеческими мерками, он был «не от мира сего» и требовал к себе соответствующего отношения: не как к человеку, но как к высшей истине, представителю великого Учения, земному воплощению ВСЕЛЕНСКОЙ ВЛАСТИ. А власть, как известно, всегда покоится на чьих-то костях, если точнее — на костях добровольно принесших себя в жертву или принесенных в жертву насильно. Можно ли говорить, что здание христианства выросло на костях Иуды, а Церковь и посейчас пожинает плоды безупречно спланированной почти 2000 лет назад операции? А я бы рискнул!

Глава 221. Встреча Иисуса с учениками и Его вознесение на небеса

Повернувшись к тому, кто пишет, Иисус сказал: «Варнава, будь очень внимательным, записывая в Моем Евангелии все то, что произошло во время Моего пребывания в миру! Напиши также обо всем, что случилось с Иудой, дабы верующие мне вышли из заблуждения и чтобы каждый уверовал в истину!». Тот, кто пишет, ответил: «Я сделаю все это, Учитель, если это будет угодно Богу, но я не знаю, что стало с Иудой, так как я видел не все». Иисус ответил: «Иоанн и Петр, видевшие все

это, здесь, и они тебе расскажут, как все произошло».

Затем Иисус попросил нас созвать уверовавших в Него учеников, чтобы они увидели Его. Иаков и Иоанн собрали тогда семеро апостолов, а также Никодима, Иосифа и еще семьдесят двух человек, и они вместе с Иисусом совершили трапезу.

В третий день Иисус сказал: «Пойдите с Моей матерью на Оливковую гору. Оттуда Я поднимусь на небеса, и вы увидите, кто вознесет Меня».

Все отправились туда, кроме двадцати пяти из семидесяти двух учеников, которые, испугавшись, бежали в Дамаск. В то время как все совершали полуденную молитву, Иисус явился в окружении великого множества ангелов, восхвалявших Господа Бога. Увидев ослепительное сияние Его лица, все перепугались и упали лицом к земле. Иисус поднял их и успокоил словами: «Не пугайтесь, Я ваш Учитель!». Он избличил многих людей, поверивших, что Он умер, а затем воскрес, говоря: «Не думаете ли вы, что Я и Господь — обманщики? Господь, как Я вам уже говорил, дал Мне жить до приближения Конца Света. Говорю вам, ибо умер не Я, а умер Иуда, предатель. Остерегайтесь же, сатана сделает все, чтобы сбить вас! Постарайтесь же быть Моими свидетелями повсюду в Израиле и во всем мире, свидетелями того, что вы слышали и видели!».

Сказав это, Он попросил у Господа спасения для верных ему братьев и истинной веры для грешников. Закончив молитву, Он обнял Свою мать и произнес: «Оставайся с миром, мать Моя, и пребудь с Богом, твоим и Моим Создателем!». Затем Он обратился к ученикам: «Да пребудет с вами Милость и Милосердие Господа!». Тогда четыре ангела, взяв Его, вознесли на небо на глазах у всех.

В этом пассаже Иисус и вовсе заявляет, что представления о Его смерти и последующем воскресении нашептаны людям сатаной, в действительности же вместо Него распят был Иуда. Я вижу здесь в тексте некоторую нелогичность: дело в том, что читатель уже имел возможность составить себе мнение о том, кто был кукловодом в данном действе, кто послал Иуду на крест, а до того подбил на предательство: сатаной никаким тут и не пахло, все было сделано собственно Иисусом, по разработанному Им и, вероятно, Его ближайшими учениками и блистательно претворенному в жизнь плану.

А теперь то, что я обо всем этом думаю

Итак, я нашел два, с моей точки зрения, наиболее подходящих для анализа апокрифических источника. В одном из них собственно имя Иуды Искариота не упоминается, во втором он оказывается в центре событий — и повествования. Что, как мне кажется, по большому счету прослеживается в апокрифической концепции:

- Бог = Иисус = Иуда.
- Иисус является автором сюжета инсценировки собственной гибели на кресте.
- Помощники Иисуса — апостолы, которые получают от Него неограниченные полномочия для осуществления власти Его именем.
- Цена всех вопросов, возникающих к эпизодам с участием Иуды, есть цена власти.

Поскольку очаровательная Софи поделилась со мной результатами своих наблюдений, я прослеживаю некую глобальную тенденцию: хотя из канонических Евангелий это последовательно убирали, но и в них остались следы концепции, что предательство Иуда совершил по соизволению Христа, которому надо было выставить себя жертвой, чтобы... Впрочем, и так всем понятно, чтобы что, сколько раз можно повторять одно и то же! В

апокрифическом Евангелии от Варнавы эта мысль проведена жестче: Иисус не только фактически приказывает Иуде взять на себя грех предательства, но и впоследствии подменяет Себя им и вынуждает принять крестные муки вместо Себя. Однако авторы Евангелий (и апокрифического, и, тем более, канонических), несмотря на очевидность того, что Иуда действует по соизволению свыше, а не по велению собственной испорченной натуры, никакого снисхождения Искарриоту не высказывают. Как будто у него был выбор, как поступать.

Я, как уже упоминалось выше, отправился на поиски каких-нибудь следов архива Эразма Роттердамского. Мои поиски были сосредоточены на источнике или хотя бы упоминании об источнике, который Эразм использовал при подготовке к печати трактата Ириней Лионского «Против ересей». Напомню, что он вышел в виде отдельного издания в 1526 году (а был написан, вероятно, в середине 190-х), и Эразм ни словом, ни полсловом не обмолвился, откуда он взял данный текст. Поэтому ряд богословов-скептиков до поры до времени (а точнее, до появления в печати официального сообщения о том, что найдено *Евангелие от Иуды*) полагали, что, может быть, Ириней что-то придумал в порыве красноречия про поносимую им святыню каинитов (см. выше); правда, практически никто не предполагал, что что-то придумал издавший Ириней Бог знает по каким рукописям Эразм Роттердамский.

Авторитет этого человека был настолько велик в средневековой Европе, что ему доверяли практически безоговорочно. Его считали самым начитанным, самым образованным, самым продвинутым знатоком богословия и книжности своего времени. И то сказать, было за что: Эразм Роттердамский первый предпринял филологический анализ Библии и текстов отцов Церкви; в совершенстве владея греческим, латынью, европейскими языками, он без труда ориентировался в сочинениях философов и богословов разных национальностей, жонглировал выдержками из их текстов, готовил к печати все новые и новые издания, снабженные собственным комментарием.

Что-то подсказывало мне, что именно к Эразму тянется одна из тех заветных ниточек, что поможет нам окончательно разобраться в тайне *Евангелия от Иуды*. Нет сомнения в том, что этот предтеча европейской Реформации прекрасно ориентировался в том материале, который издавал. Безусловно, он должен был знать нечто об апокрифическом тексте, по которому так нелегально прошелся Ириней. Вот только найти бы тому какие-то свидетельства, найти какие-то указания на то, что Эразм пытался разобраться с помощью подручных средств в том, что собой представляет (представляло) заветное *Евангелие от Иуды*.

Вообще меня потрясли масштабы и размах личности этого человека: мы как-то не привыкли ориентироваться на средневековые авторитеты — а может быть, и зря. В частности, Эразм Роттердамский обладал такой колоссальной ученостью для своего времени, пользовался в разных кругах таким безоговорочным авторитетом, что мог бы, если бы захотел, возглавить Реформацию, расшатать устои Церкви, претендовать на самый высокий сан в ее иерархии, одним словом — наворотить чего угодно...

Эразм Роттердамский Дезидерий (*Erasmus Roterodamus Desiderius*, 1467–1536) — литературный псевдоним Герхарда Герхардса, нидерландского философа, богослова, филолога, проповедника идей «истинного» христианства. Одной из основных его заслуг является то, что он положил начало текстологическому анализу евангельских книг, с позиций гуманизма критиковал как католичество, так и оформлявшийся в начале XVI века протестантизм. Эразм Роттердамский считается главой «северных гуманистов».

Жизнь его была чрезвычайно пестра. В 1486 году он стал монахом, вступив в братство каноников-августинцев. За 6 лет своего пребывания в монастыре Эразм научился разбираться в древних языках, прочитал множество трудов античных и раннехристианских писателей. А главное — понял, что христианство в таком виде, в каком оно было представлено в его время, являет собой не что иное, как мертвую,

скудную, антигуманистическую схоластику и догматику. Эразм ушел из монастыря, потому что понимал: человек должен быть там, куда зовут его сердце и разум. Бездумная же монастырская субординация, заквашенная на чинопочитании и безропотном подчинении младших по чину старшим, не давала пищи ни уму, ни сердцу, вводила в грех отчаяния и представлялась совершенно бездуховной.

Однако, покинув монастырские стены, Эразм Роттердамский не стал атеистом, по-прежнему считал делом своей жизни популяризацию Священного Писания и Учения Христа — но только полагал, что надо искать новые начала для проповедования и продвижения соответствующих идей. В 1501 году им был написан религиозно-этический трактат «Оружие христианского воина» (изд. в 1503 году), в котором он сформулировал основные принципы эразмианской «философии Христа» («небесной философии»). В этом своем сочинении Эразм утверждал, что главное в христианстве — не обрядовая сторона, не подчинение всем требованиям и законам Церкви, но нравственное совершенствование человека в соответствии с заповедями Христа.

Началось триумфальное шествие Эразма и его сочинений и мировоззрения по Европе. Современники ценили в нем редкостное сочетание «человека науки» и писателя. Его приглашали читать лекции в университетах, выступать с проповедями в крупнейших соборах; папская курия вообще сулила ему кардинальство; Эразму предлагали жить то в одном, то в другом городе, баварское правительство высказывало готовность назначить ему крупную пенсию, если он изберет Нюрнберг местом своего постоянного жительства; во время поездок Эразма в некоторых городах ему устраивали торжественные встречи, как государю; его называли «оракулом Европы»; Туринский университет присвоил ему звание почетного доктора богословия; Папа Римский, в знак особого своего благоволения к Эразму, дал ему особое разрешение вести образ жизни и одеваться сообразно обычаям каждой страны, где ему приходилось жить (а где Эразма только не носило!).

В Венеции он тесно сотрудничал с прославленным книгоиздателем А.Мануцием. В Кембридже, где «канцлером университета» был один из его близких знакомых епископ Фишер, Эразм в течение нескольких лет преподавал греческий язык и читал богословские курсы, в основу которых им были положены подлинные тексты Нового Завета и отцов Церкви. Это было настоящим нововведением: ведь большинство современных Эразму богословов ограничивались чтением даже не непосредственно текста Писания, но трактатов Дунса Скота, Фомы Аквинского и еще нескольких излюбленных средневековых авторитетов. Не единожды Эразм Роттердамский наезжал в Лондон, где водил дружбу с «отцом» жанра утопии в литературе Томасом Мором.

Нидерланды, Германия, Англия, Италия, Испания — вот далеко не полный список стран, которые Эразм посетил и в которых работал.

В 1520-х годах Эразм сблизился с Карлом Испанским (будущим императором Карлом V), стал при нем «королевским советником», что не было связано с исполнением каких-либо сугубо регламентированных функций и обязанностей, даже не обязывало постоянно находиться при дворе, но, однако, давало жалованье в 400 флоринов.

Под занавес своей жизни (с 1514 года) Эразм Роттердамский, постоянно переезжавший до этого из одной европейской интеллектуальной столицы в другую, осел в Базеле, который в связи с этим стал своеобразной Меккой европейских ученых и

философов, стремившихся добиться аудиенции прославленного книгочея и эрудита. Этот, последний, период жизни Эразма Роттердамского был особенно урожаем на разнообразные издания. Именно в Базеле у него сложились дружеские отношения с владельцем частной типографии И.Фробеном, ставшим его главным издателем. Именно к этому времени относятся переводы Эразма с греческого на латынь античных и раннехристианских авторов — Еврипида, Лукиана, Оригена, Иоанна Златоуста. Тогда же Эразм опубликовал вместе с собственными комментариями творения Иеронима, автора латинского перевода Библии («Вульгаты», конец IV века). Особо важное значение имело предпринятое им в 1517 году издание греческого текста Нового Завета, а затем его новый перевод на латинский язык (1519 год), сопровождаемый обширными пояснениями и существенно отличающийся от «Вульгаты», что вызвало нарекания со стороны ревнителей католической ортодоксии.

Несмотря на желание постоянно держаться в стороне от политики, Эразм в 1520-е годы не может отмалчиваться, становится деятельной фигурой европейской предреформации; его мысли по поводу устройства государства и гражданских и личных свобод находят свое выражение в трактате 1524 года «О свободе воле», с которым полемизирует в 1525 году Мартин Лютер (см. трактат «О рабстве воли»).

Посидев в обыкновенной библиотеке (пока не в архиве), полистав разнообразные издания, посвященные жизни и философии Эразма, я пришел к выводу, что этот человек фактически готовил реформу Церкви. Зачем ему это было нужно? Трудно сказать теперь: возможно, он, совершенно заслуженно почитая себя умнейшим человеком своего времени, надеялся возглавить новую структуру, желал получить «сразу все» — а не милость от возглавлявшего Церковь Папы. А может быть, Эразм, проведший 6 лет в монастыре, в самом деле на долгие годы проникся отвращением к порядку, царившему в церковных учреждениях, и надеялся его реформировать.

Так или иначе, им была разработана концепция «внутренней религии», которая сводилась к следующему.

- Будущее христианства должно зависеть от мирян, а не от духовенства. Духовенство же должно рассматриваться только в качестве учителей, наставников, в чьи обязанности входит поднятие мирян до определенного уровня понимания канонов христианства.
- Христианство не должно сосредотачиваться в Церкви, Церковь не должна диктовать мирянам свои правила и законы. «Бог — в сердце, а не в Церкви», — учил Эразм.
- Нет никакой нужды исповедоваться священнику, когда можно в сердце своем исповедоваться самому Богу.
- Вера — глубоко личное дело каждого, потому что каждый человек отвечает за свои поступки и свою жизнь, и нет никаких оснований эту ответственность перекладывать на кого-либо, в том числе (тем более!) и на церковников.

Мне не очень понятно, почему человека, в открытую пропагандировавшего такие воззрения, не преследовали и не объявляли еретиком, что заставляло официальную Церковь, против которой он выступал, с ним считаться и почитать его. Может быть, это были попытки заигрывания, стремление «приручить» слишком авторитетного вольнодумца, репрессии против которого могли бы Церкви слишком дорого встать?

Неожиданные письма

Итак, в поисках каких-то подсказок, которые смогут мне хотя бы намекнуть на то, откуда Эразм Роттердамский извлек сочинения Иринея Лионского, я оказался в Базеле, прошелся по

местным архивам, заглянул в соборы и монастыри — бесполезно. Дело в том, что я толком не знал, что ищу, а нечетко сформулированные запросы всегда травмируют библиотекарей и архивариусов.

Впрочем, я встретил в ходе своих поисков милейшего старика Герхарда Молля, который с превеликим вниманием выслушал меня и задал ряд вопросов. Изначально я им не придал большого значения:

— А когда конкретно, господин Кассе, Эразм опубликовал сочинение вашего протеже Иринейя Лионского?

— В 1526 году.

— Замечательно! А известно ли вам, что именно этим годом датируется знаменитый портрет Эразма, выполненный Дюрером? ^[33] Это не картина, гравюра с медной матрицы... Как вы полагаете, не могли ли контакты с мастерской Дюрера как-то сказаться на существовании вопроса, на который вы пытаетесь найти ответ?

— Да как же дружба с Дюрером могла бы сказаться на публикации трактата Иринейя?

— Вам лучше знать, — задумчиво вздохнул старик. — Возможно, вы чего-то недоговариваете мне, а возможно — себе самому. Я не собираюсь спрашивать с вас никакого отчета в том, что вы делаете и что ищете. Вы просто сами для себя что-то решите — и тогда вам же станет легче определиться с тем, например, где и что искать... Я бы вот на вашем месте непременно поднял переписку Эразма с Дюрером, коль скоро таковая сохранилась...

Я поблагодарил Молля и задумался над тем, что он мне сказал. Что-то такое вертелось в голове, но все никак не могло облечься наконец в словесную форму. «Ну что ж, — принял я решение, — все равно, пожалуй, ищем!»

Каково же было мое изумление, когда я, шарахаясь из архива в архив, в конце концов оказался в маленьком швейцарском музее музыкальных инструментов, в котором почему-то хранилось небольшое собрание бумаг Дюрера, а смотрителем при документах был Молль!

— Почему же вы не сказали мне, что надо обращаться по интересующему меня вопросу прямо к вам? — спросил я его с удивлением.

— Потому что у меня не было уверенности в том, что вам надо именно сюда. Впрочем, после нашего разговора я поднял несколько подшивок документов в своем маленьком архиве. Кажется, здесь действительно имеется несколько писем Эразма Дюреру... Можете с ними ознакомиться, только, пожалуйста, если они вам как-то помогут в ваших поисках, все-таки потом расскажите мне об интриге, с ними связанной, договорились?

Я не имел ничего против такого предложения, впрочем, мне пока и в голову не приходило, что бы такого интересного для меня мог написать Эразм в письмах к живописцу. Однако, как жизнь уже неоднократно показывала, довольно часто находишь нечто важное именно там, где никаких находок не намечается.

Итак, я ознакомился с пятью письмами Эразма Роттердамского Альбрехту Дюреру. Привожу выдержки из них; после — некоторые свои комментарии и выводы, к которым я пришел в беседах со стариной Моллем.

Письмо 1

14 марта 1525 года Дезидерий пишет:

...В голову мою все чаще приходят мысли, что пора заняться нам переустройством здания Церкви Христовой. Не зря говорят, что рыба гниет с

головы, — это значит, что и разложение, царящее вокруг нас, вызвано вырождением наших, духовных пастырей и наставников. Мы забываем во всякий день, что Христос не пустой звук, а не что иное, как любовь, прямоту, терпение, чистота, — короче говоря, все, чему Он учил. Пойми, что дьявол — не что иное, как все, что удерживает от этого. К Христу стремится тот, кто влечется к одной только добродетели. Кто служит пороку, продает себя дьяволу. Наша же с тобой задача, наш труд — вернуть людям свет подлинного христианства, потому что не знают уже, где Христос, а где сатана, где хорошее, а где плохое, где доброе, а где злое. Ибо пастыри наши невежественны и сами все путают и в ересь поминутно склоняются. Вижу я один выход из порочного круга: вернуть надо истинную веру овцам заблудшим. А это значит, вернуть им изначальное знание, которое заболтано и затерто нынешними церковниками. Нужно явить миру все Евангелия, а не те только, которые по порочной традиции и по произволу властей предержащих, включены были в Новый Завет! Пусть каждый разбирается сам в том, сколько в нем веры и за кем идти ему — за Христом или дьяволом...

Итак, из этого, то есть первого, письма явствует, что Эразм Роттердамский, озабоченный оскудением веры в современниках, планирует реформировать Церковь.

В первую очередь он собирается сделать достоянием широкой общественности, кроме новозаветных, апокрифические Евангелия, чтобы предоставить христианам возможность из разных текстов по крупицам собрать максимум информации о Христе и Его Учении. Делясь своими планами со своим приятелем-живописцем, Дезидерий предлагает тому принять участие в своем предприятии.

Письмо 2

28 июня 1525 года Дезидерий пишет:

...Ты спрашиваешь меня, каким образом сможешь участвовать в воплощении разработанных мною планов. Должен сообщить тебе, что мне действительно стыдно называться христианином; большая часть их наподобие бессловесной скотины служат своим страстям; они до такой степени несведущи в этой борьбе, что не знают разницы между разумом и заблуждениями. Они полагают, что человек только таков, каким они его видят и чувствуют. Мало того, они полагают, что нет ничего, кроме того, что доступно чувству, хотя это совсем не так. Они считают правильным все, чего они сильно желают. Они называют миром настоящее, достойное сожаления рабство, поскольку помутненный разум, не сопротивляясь, следует туда, куда зовет его страсть... Потому долгом своим считаю образовывать это стадо, дать в руки его оружие борьбы с собственным, невежеством. У меня есть несколько текстов старого письма, которые я переписал со старинных манускриптов. Те манускрипты теперь уже истлели. Однако хочу я явить миру их как старинные в старинном их обличье. Надо запастись папирусом и чернилами, созданными по давнишним рецептам. Ты, и только ты в своей мастерской можешь выполнить это задание. Поскольку я полагаю, что созданы они были коптами древними вскоре по кончине Христа, тут нужна особая точность и достоверность... На пробу тебе отсылаю с этим письмом листок текста, и ты вели своим ученикам изготовить папирус и чернила и текст этот аккуратно на том

папирусе переписать...

Мне просто страшно об этом говорить, но речь идет о подделке коптских документов, которую замыслил Эразм Роттердамский и пригласил к участию в этой афере Дюрера! Конечно, можно выдвинуть два предположения:

- во-первых, что в руках у Дезидерия в самом деле оказались старые рукописи на папирусах, которые ему удалось скопировать, но не удалось восстановить;
- во-вторых, он сам мог владеть коптским и сочинить текст на нем!

Ведь всем известно, что Эразм Роттердамский слыл умницей и полиглотом, и если он в совершенстве знал греческий и переводил на него с латыни и обратно, то почему бы не предположить, что он освоил и коптский язык, алфавит которого, кстати, на 70 процентов дублирует греческий?

Итак, Эразм задумал некую операцию и привлек к участию в ней Дюрера, который, видимо, будет не сам выполнять соответствующие задания, но даст поручения своим ученикам.

Письмо 3

18 сентября 1525 года Дезидерий пишет:

...Ты пишешь мне, что задание выполнено и ученики твои переписали этот текст. Ты спрашиваешь меня, зачем нужна мне эта затея. В человеке обязанности царя осуществляет разум. Благородными можешь считать некоторые страсти, хотя они и плотские, однако не слишком грубые, — это врожденное почитание родителей, любовь к братьям, расположение к друзьям, милосердие к падшим, боязнь дурной славы, желание уважения и тому подобное. С другой стороны, последними отбросами простого люда считай те движения души, которые весьма сильно расходятся с установлениями разума и низводят до низости скотского состояния. Это — похоть, роскошь, зависть и подобные им хвори души, которых, вроде грязных рабов и бесчестных колодников, надо всех принуждать к одному: чтобы, если могут, выполняли дело и урок, заданный господином. Я много думал, руководят ли мною благородные побуждения или низменные, хочу ли я славы себе или просвещения заблудшим овцам, которые повсюду вокруг нас ходят как ночью без светильника? И понял, что желаю страстно двух вещей: им — просвещения, а себе — власти над ними, ибо нужен им разумный пастырь, чтобы направлял их и неусыпно о них заботился. Церковь же наша таковым не является...

Сейчас же занят я дополнениями к книге отца Иринея против еретиков. Папирус, ее содержащий, передо мной лежит. Но вот незадача — начало его истлело, могу домыслить лишь, о чем там писал... Среди других ересей пусть обличает и каинитскую, изложенную в нашем папирусе. Когда обнаружен будет, все скажут, что уже о нем Иринея писал, и станут удивляться, что вот появился такой древний текст...

Если я все правильно понимаю, Дезидерий в данном письме рассказывает о подготовке издания трактата Иринея Лионского «Против ересей», который, как вы помните, меня и интересовал. Эразм Роттердамский делится своими планами «дописать» то место, которое... как раз и было посвящено *Евангелию от Иуды*! Я собирался узнать, на основании каких источников Эразм готовил эту публикацию — и вот ответ найден: на основании собственной

головы! Он располагал неким текстом Ириней, не содержащим начальных глав, и написал их сам. Думаю, он решил таким образом «отпиарить» тот папирус, который по его заказу был изготовлен в мастерской Дюрера! Это значит, что... сакраментальное *Евангелие от Иуды* подделали Эразм Роттердамский и Альбрехт Дюрер, наверное, потом каким-то образом доставили в Египет, собирались «найти», но что-то им помешало. Вот оно и пролежало под Эль-Миньей более 400 лет! А заодно, видимо, хитроумный Дезидерий отправил в Египет и тот папирус без начала с текстом Ириней Лионского, о котором он писал, что он «передо мной лежит». Как помните, этот документ был найден под Каиром близ Туры тоже в XX веке.

Письмо 4

17 января 1526 года Дезидерий пишет:

...Ты меня постоянно спрашиваешь о том, каким вижу я человека. Человек — это некое странное животное, состоящее из двух или трех чрезвычайно разных частей: из души (anima) — как бы некоего божества (numen) и тела — вроде бессловесной скотины. В отношении тела мы настолько не превосходим животных другого рода, что по всем своим данным находимся гораздо ниже них. Что касается души, то мы настолько способны воспринять божественное, что сами могли бы пролететь мимо ангелов и соединиться с Богом. Если бы не было тебе дано тело, ты был бы божеством, если бы не был в тебя вложен ум (mens), ты был бы скотом. Наша же задача — взывать к уму человеческому, заставлять его работать и трудиться, чтобы каждая из овец заблудших, могла понять предназначение свое на этом свете...

Папирусы наши погребены в нужном месте и ждут своего часа. Разум мой говорит мне, что их час настанет и наш с тобой тоже. Потому что будет он моментом высшей истины и высшего торжества человеческого самосознания, победы человеческой воли над гнетом предрассудков... Каждый из христиан должен уразуметь то, что он свободный человек и сам отвечает за все деяния свои, и отвечает не перед Церковью, не перед Богом, но в первую очередь — сам перед собой. Как привыкли мы считать Иуду Искарiota предателем и причиной распятия Христа, но ведь это не так! Христос Сам, как Человек совершенный, с телом совершенным, и душой совершенной, и разумом совершенным, замыслил предательство Иудино. Ибо оно было ступенькой к жертве искупительной, которую Он принес, отдав себя на распятие. И только тому Он мог доверить дело это, которому доверял как самому себе: брату Своему, не по крови, но по духу. И потому доверил Он ему все сокровенные тайны и рассказал о том, как устроен мир и какие ипостаси его есть. Но то есть тайное, сокровенное знание, в которое посвящены немногие, ибо не каждый разум может объять те страшные откровения... Близится час торжества разума, потому хочу заказать тебе свой портрет...

Из этого послания можно сделать вывод, что изготовленный в мастерской Дюрера папирус с текстом *Евангелия от Иуды* уже доставлен в Египет и помещен в надлежащее место (наверное, и папирус с текстом Ириней тоже). По-видимому, Дезидерий планирует в недалеком будущем его обнаружение и широкую публикацию — с тем, чтобы открыть глаза на истину всем «заблудшим овцам» (ну а находка трактата «На ереси» станет подтверждением публикации, которую подготовил Эразм; и не важно, что начало папируса утрачено: есть конец, значит, где-

то могло быть и начало, которое могло выглядеть именно так, как представил Дезидерий). А то, что он заказывает свой портрет, возможно, свидетельствует о том, что Эразм готовится возглавить новую Церковь? Или некую организацию, сигналом к консолидации которой должно стать обнаружение «старинного коптского папируса»? Или?.. Что Дезидерий называет «часом торжества разума»?

Письмо 5

30 мая 1526 года Дезидерий пишет:

...Снова ты колеблешься и сомневаешься, как Фома неверующий. Ты боишься идти против Церкви, и это понятно. Она сильна и могущественна, та сила, что стоит за ней, кажется непобедимой и несокрушимой...Одним можно справиться с ней, одним сокрушить ее: торжеством разума и знания, изгнанием дьявола лжи и боязни, который поселился в душах наших... Предположим, что именно тот, в ком есть дух, верно понимает смысл Писания, но как он меня уверит, что он понимает? Что мне делать, если многие люди предлагают разные смыслы и каждый из них клянется, что в нем есть дух?! К тому же если дух не все открывает одним и тем же людям, то именно тот, в ком есть дух, может в чем-нибудь ошибиться и обмануться... Наконец, предположим, что дух Христов допустил, что его народ ошибся в более легких вопросах, от которых не очень зависит человеческое спасение, но кто может поверить, что в течение более тысячи трехсот лет Он не замечал ошибок своей Церкви и среди всех святейших людей не увидел ни одного, достойного дарования духа, а говорит, что в этом и заключается суть всего евангельского учения?.. Укрепись духом, оставь сомнения, не пройдет и трех месяцев, и все встанет на свои места. Уже тем угодны мы Ему, что несем свет Его истины Его людям, заблудившимся в невежестве своем. Отбрось свою неуверенность и знай только одно: все, что ни делается нами, делается с ведома Его. Ибо свобода духа человеческого есть свобода подчинения воле Его, кроме же воли Его в мире этого ничего нет...

В данном письме Дезидерий фактически объявляет о планируемом сроке «обнаружения» *Евангелия*: это, вероятно, конец августа 1526 года. По всей видимости, Дюрер высказывает в ответных письмах некую нервозность — оно и понятно, ведь именно в его мастерской была сфабрикована подделка.

* * *

Впрочем, затея Эразма Роттердамского так и не увенчалась успехом: уж не знаю, что помешало «найти» кодекс с *Евангелием от Иуды*, а заодно и трактат Ириния в конце лета 1526 года, но по какой-то причине планы Дезидерия сорвались. Тысяча пятьсот двадцать шестой год, таким образом, ознаменовался только следующими событиями:

- В мастерской Дюрера подделан коптский кодекс, содержащий текст *Евангелия от Иуды*(возможно, Дезидерием был переписан текст с полуистлевшего коптского папируса, а может быть, он написал его сам).
- Кодекс по каким-то каналам переправлен в Египет и «захоронен» неподалеку от

нынешней Эль-Миньи.

- Эразм Роттердамский опубликовал трактат Ириния «Против ересей», вставив туда упоминание о *Евангелии от Иуды*.
- Принадлежавший Эразму папирус с отрывками трактата Ириния также переправили в Египет и «захоронили» для оперативного обнаружения.
- В мастерской Дюрера изготовлена медная матрица гравюры с портретом Дезидерия.

И только спустя четыре века тщательно спрятанные доверенными людьми Эразма папирусы были обнаружены в Египте. Сенсация случилась, впрочем, совершенно иного рода, нежели планировал Дезидерий. А его имя в этой истории всплыло вообще практически случайно — как обычно, мы ткнули пальцем в небо, а попали... в то, во что попали.

Мы полетели в Каир. Нашей задачей было убедиться в аутентичности/неаутентичности *Евангелия от Иуды*. По пути в Египет, в самолете, мы еще раз изучили опубликованный текст *Евангелия*. Он представляет собой фактически перманентный диалог между Христом и Иудой. Убедившись, что Искарriot — единственный Его ученик, который в состоянии приблизиться к осознанию Его значения и готов к разговору об устройстве Вселенной и Высшей иерархии (с экскурсом в историю сотворения мира, человека, перечислением эонов и главенствующих в них архонтов), Спаситель затевает с ним откровенную беседу, в которой дает понять, что Он владеет всеми тайнами мира. Иуда почтительно слушает своего Учителя, время от времени задавая Тому вопросы. По ходу их беседы выясняется, что Христос должен принести искупительную жертву, но для того, чтобы она была принята, Он должен быть предан одним из Своих учеников. Естественно, миссия эта падает на Иуду, который оказывается вынужден согласиться исполнить предписанное Иисусом, но делает это через себя, поскольку Иуда — вовсе не предатель и не подлец по своей внутренней сущности. Однако слово Учителя для него — закон. Христос говорит Иуде: «Ты же превзойдешь их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты принесешь в жертву». Из этих слов следует, что Христос в первую очередь идентифицирует себя с духом, для Него главное — Его внутренняя сущность, тело же — лишь оболочка, «человек, который носит Меня в себе». У Иуды нет выбора, он сдает Учителя стражникам и принимает деньги: «И Иуда взял деньги, он предал им Его».

— В принципе, такое толкование роли Иуды в истории Христа возможно и на основе анализа канонических текстов Нового Завета, — задумчиво сказал Серж.

— В общем, да, — согласился я, — другое дело, что это противоречит церковной традиции. Именно поэтому текст *Евангелия от Иуды* так заинтересовал научную общественность и рядовых обывателей... Уж больно альтернативно здесь выглядит предатель... Он мало того что подчиняется Провидению, служит Иисусу, он еще и должен получить за это, по словам Христа, особый статус среди людей, а род его должен возвыситься.

— А что с подлинностью текста? Я вот полагаю, что это вполне может быть действительно гностический апокриф, уж больно подробно там расписываются зоны и архонты...

— В этом плане текст и в самом деле может быть подлинным. То есть не исключено, что он был создан во II–III веках. Но не ранее!

— Именно что не ранее... Иуда тут категорически ни при чем, он никак не может быть автором данного апокрифа, это очевидно...

— Да нынче никто уже и не пытается атрибутировать его Иуде, насколько я понимаю...

— И правильно. А наша задача — просто попытаться понять, не является ли *Евангелие* вообще, скажем, средневековой подделкой... Или даже и не средневековой... Вот как ты полагаешь, эта самая тетка Фрида Чакос могла чем-то таким подзаняться, чтобы срубить бабла побольше?

— Да легко... Конечно, вряд ли она знает коптский. Но что ей стоило проплатить подобный проект какому-нибудь коптологу? Вот ты, Серега, — поинтересовался я, — если бы тебе предложили нормальные денежки, сочинил бы что-то в этом духе?

— Я-то? — Ларионов задумался. — Все надо рассматривать в определенном и совершенно конкретном контексте...

— А в принципе?

— А в принципе — да, легко, но при условии, что это не противоречит моим внутренним принципам и убеждениям.

— А противоречит?

— Бели честно, то нет.

— Слушай, — развеселился я, — давай колись: ты состряпал Иуду? А? И после этого свой проект назвал «Я — Иуда», потому как самое святое продал — за Фридкины сребреники?

— Успокойся, не я, — ухмыльнулся Серж. — Вот те зуб — если бы я написал, я бы вам сразу так и сказал: нечего париться, ребята, в этом тексте нет никакой тайны, потому как, собственно, и текста-то никакого нет (в смысле древнего)... А лучше нам заняться чем-нибудь другим... Давай лучше вот о чем подумаем: вот мы прилетели, вот посмотрели на дурацкий папирус... А дальше что?

— Что-что, искать *Тайного Марка*...

— Ну и где его искать будем?

— Например, пойдем по коптским монастырям, по библиотекам...

— И к Шенуде наведемся?

— А он-то тут при чем?

— А вдруг он хранитель?

— Тогда и к Шенуде...

Наш в высшей степени содержательный диалог прервала стюардесса, предложившая прохладительные напитки; потом объявили, что самолет идет на снижение; потом мы сели и весь салон дружно поаплодировал пилоту. И наконец-то мы ступили на землю египетскую, древнюю, загадочную, коптскую.

Коптский музей

И вот мы в музее, проходим в зал, где выставлен скандальный манускрипт. Желтенькие папирусные листочки неприкаянно распластаны под стеклом. Ларионов внимательно разглядывает их и говорит:

— Генка, это муляж...

— Ты уверен?

— Конечно, уверен, текст ничего общего с тем, что в *Иуде*, не имеет... Тут про другое...

— Про что?

— Да какие-то Петр и Филимон обсуждают пер-вичность-вторичность очередного зона...

— И что мы будем делать?

— Что-что, пойдем предъявлять свои отношения куда-нибудь в дирекцию Музея.

И мы спросили у смотрителя о том, где можем пообщаться с администрацией, и по длинным коридорам дошли до приемной какого-то толстого лысоватого египтянина, который очень расстроился, когда мы начали задавать ему вопросы.

— Господин директор, — обратился к нему Серж на английском, — мы хотели бы посмотреть Кодекс Чакас...

— О да, — коверкая все, что только можно исковеркать, ответил египтянин, — я не есть директор, директор есть в отпуск, а я есть Али, менеджер... Кодекс Чакас — прекрасная папирус, мне думать, вы интересно...

— Мы не видели Кодекса Чакас и хотели бы на него взглянуть, — вступил я и протянул ему наши отношения.

— Очень хороший сохранился рукопись, — закивал он, дурацки улыбаясь.

— Господин Али, то, что выставлено в зале, — не Кодекс Чакас и не *Евангелие от Иуды* — прервал его Ларионов.

— Иуда, Иуда, — казалось, он ничего не понимает.

— Не Иуда, я коптолог и прочитал текст, это совершенно другой памятник.

— Али не читать коптски... — пролепетал менеджер. — Я не знаю...

— Я знаю, — Ларионов прервал Али, — Кодекс Чакас находится где-то в запасниках Музея, не правда ли?

— Не знаю, — насупился египтянин.

— Или его еще не передали вам?

— Не знаю, — снова сказал он и даже зевнул, показывая, как скучно и неинтересно ему с нами общаться.

— Али, а ты любишь Америку? — спросил его я. От неожиданности он даже закрыл рот на полувзвесе. — А их президентов?

— Не понимаю, — неуверенно пробормотал он.

— Вот, например, Франклина, — и я показал ему зеленую купюру.

— Умный человек, — покачал головой Али, но я не понял, о ком это он так лестно отзывался — обо мне или о ФранкLINE.

— Знаешь, американские президенты хотели бы пожить у тебя, они специально приехали к тебе в гости... Но чтобы принять их, тебе нужно сделать маленький пустячок — показать нам Кодекс Чакас.

— Сколько? — сразу по-деловому осведомился он.

— Пятьсот, — показал я ему пять бумажек.

— Пошли, — он встал из-за стола.

Кодекс Чакас, здравствуй и прощай!

Мы опять шли бесконечно длинными коридорами и наконец оказались перед бронированной дверью с кодовым замком. Али быстро набрал комбинацию чисел, и мы вошли в небольшое сухое и прохладное помещение, где под стеклянным колпаком лежал некий манускрипт.

— Вряд ли я смогу вам разрешить взять его в руки, — в голосе Али слышались вопросительные интонации.

— Шестьсот?

— Только посмотреть из моих рук...

— Семьсот?

— Хорошо, можете посмотреть сами, но всего в течение пяти минут...

— Десять Франклинов, и ты вытаскиваешь нам папирус и запираешь нас здесь на час!

— Но отдать мне фотоаппарат!

Али не смог бороться с искушением и совершил, конечно же, должностное преступление. Впрочем, фотокамеру нам ему пришлось отдать, тут уже не работали никакие посулы с нашей стороны.

И вот мы с Ларионовым остались наедине с рукописью. Он вытащил сильную лупу, пинцет, блокнот. После тщательного осмотра рукописи Серж пришел к следующим выводам.

Степень сохранности документа такова, что не дает возможности точно датировать его. В первую очередь, не может быть датирован папирус, который для восстановления был подвергнут химической обработке. Впрочем, совершенно очевидны следы подстаривания документа. Однако нет возможности далее с точностью до века установить, когда оно могло быть произведено. Ориентировочно материал можно было бы отнести к XIV–XVI векам, впрочем, ни о какой точности речи идти не может. Написание букв — скорее стилизованное под коптскую скоропись III–IV веков, нежели сама скоропись.

Чернила использованы, вероятно, изготовленные по древнему рецепту, нет возможности установить, когда именно.

Из всего этого следует, пожалуй, одно: как мы и предполагали, *Евангелие от Иуды*, во всяком случае тот его список, который мы держали в руках в Коптском музее в Каире и который считается сегодня единственным, — поздняя подделка. Возможно, этот список был сделан с более раннего; возможно, гностическое *Евангелие от Иуды* в самом деле существовало в первые века нашей эры, наука всегда делает такие допущения. Однако то, что найдено, особой ценности не представляет, шумиха, раздута вокруг данного папирусного кодекса, вызвана необходимостью как-то вернуть деньги, вложенные, если верить этой информации, в его покупку — и раскрутку тоже.

Что же касается содержания *Евангелия от Иуды*, то оно оригинально и представляет собой попытку безымянного автора реформировать традиционные церковные взгляды на Иуду Искарота как на предателя. Судя по тому, что в тексте делается упор на духовную сущность Христа и ведется изложение космологической теории, принятой у гностиков, *Евангелие* было составлено именно в гностической среде.

И снова на поиски

После просмотра Кодекса Чакос мы попытались закинуть удочку Али на предмет Тайного Евангелия от Марка. Однако наш толстый менеджер так искренне и старательно тарасил на нас глаза и разводил руками, что мы поверили: в Музее этого документа точно нет. Да и правильно это было: не должно все быть так просто. Если мы сразу осмотрели Евангелие от Иуды, как и предполагалось, то с Марком у нас должны, что тоже предполагалось, возникнуть сложности. Мы решили немного отдохнуть в отеле и прикинуть, куда можно и должно в первую очередь направить свои стопы в поисках полумистического документа.

* * *

Это был последний мэйл, который мы получили от Таманцева и Ларионова. Сначала их молчание было нами интерпретировано как перебои с Интернетом или недоступность техники (вообще-то Серж: взял с собой ноутбук, но ясно, что с ним могут куда-то не пустить, у него может разрядиться аккумулятор, а заряжать окажется негде, да мало ли еще каких подлянок может подкинуть комп?). Потом мы начали понемногу волноваться и пытаться до них дозвониться, однако у нас ничего не выходило: оба мобильника наших приятелей были отключены или находились вне зоны действия сети. Мы расстроились, но утешили себя тем, что, возможно, просто-напросто возникли какие-то проблемы с роумингом или сеть в Египте просто плохая, да мало ли что может произойти и с сотовыми телефонами тоже... Однако на пятый день их молчания нам стало совсем нехорошо, мы не находили себе места и не знали, в какие колокола бить, когда в дверь позвонили...

На пороге стоял курьер из DHL и улыбался дежурной улыбкой:

— Мсье Кассе? Пожалуйста, распишитесь. Вам пакет!

— От кого? — заглядывала мне через плечо Софии. — От Генки и Сержа?

— Да тут ничего не написано, а кто наш адрес писал, тоже непонятно, буквы печатные, — я решительно распечатал пакет. Внутри был... ларионовский диктофон.

ЧАСТЬ 3. ИУДА FOREVER

Нас оставалось только трое...

Итак, нас оставалось трое: я, Софи и Жерар. Я еще не включил диктофон, но понял: с ребятами что-то стряслось. Увидимся ли мы с ними еще? Живы ли они?

Софи прижалась испуганным воробьем к Жерару, он каким-то отточенным жестом, как будто делал это лет двадцать подряд, обнял ее за плечи. «Ну что ж, мсье Кассе, — сказал я себе, — все нормально, слава Богу, они нашли друг друга. Софи — отличная девица, а ты все равно просто морочил бы ей голову, тебе ведь никто, по большому-то счету, не нужен, только твои расследования, ты сидишь на них как на наркотике... Идите, дети, любите друг друга и размножайтесь... А я — я, может быть, вообще умру, и тогда вы, может быть, придете на мою могилу и будете плакать долго-долго и горько-горько... Впрочем, я не помру. Я живучий, да и дел у меня впереди еще, чует мое сердце, порядочно...».

— Этьен, — прервал мой внутренний монолог Жерар, — выходи из ступора, включай диктофон. Это тяжело, но лучше знать, чем не знать...

— Да-да, — спохватился я, — сейчас...

— Да может, с ними ничего еще и не случилось, — неуверенно пробормотала Софи. — Может быть, просто они решили нам послать звуковое письмо...

— На диктофоне? — недобро прищурился я. — Знаешь, все-таки иногда бывает полезно включать мозги. Пусть не всегда, но хотя бы через раз...

— Да ты!.. — зашипела она.

— Брэйк! — остановил нас Жерар. — Давай, Этьен, не томи, сколько уже можно...

И я включил диктофон.

«Мы живы. Но мы ушли...»

— Привет, ребята, — слышали мы голос Таманцева, — извините, что мы пропали из поля вашего зрения. Наверное, вы уже Бог знает что начали думать, переживаете за нас. Просто не было никакой возможности с вами связаться. Мы сейчас находимся под землей...

...Геннадий и Серж; в настоящий момент находились в неких «катакомбах» — сообщающихся между собой пещерах в скале под Эль-Миньей. Дело в том, что, когда ребята раздумывали, куда им обратиться в поисках сокровенного текста Тайного Евангелия от Марка, в какой-то момент к ним в коптском современном храме подошел человек и задал Ларионову вопрос по-гречески:

— Скажи, по роду твоих занятий или просто так, от скуки, в моменты потрясений, не приходилось ли тебе являться миру под именем Иуды?

— Не знаю, зачем тебе это нужно, но удовлетворю твоё любопытство, так и быть. У меня есть сольный проект «Я — Иуда», через некоторое время, когда я исполню то, зачем приехал в Каир, я надеюсь вернуться к своему основному делу: я рокер, певец и гитарист.

— То есть ты хочешь сказать, что постоянно выступаешь перед толпой народа под именем Иуды?

— Ну да, так и есть...

Человек, вступивший в диалог с Сержем, предложил ему и Таманцеву следовать за собой. На попытки выяснить, куда именно их приглашают, он отвечал, что очень скоро они обо всем узнают: им нет повода беспокоиться, никто не причинит им ни вреда, ни неудобств — просто Ларионову в присутствии его друга будет сделано одно предложение («Наверное, дать концерт на каком-нибудь местном мероприятии»), — подумал Серж и усмехнулся: кто бы мог подумать, что слава его достигнет Каира и к нему там начнут чуть ли не на улице обращаться посторонние люди, узнав его), от которого тот, естественно, вправе отказаться — в таком случае перед ним просто извинятся за причиненное беспокойство. Если же Серж сочтет нужным, он предложение, разумеется, примет. Со своей стороны человек, обратившийся к нему, обещал ребятам всяческое содействие и помощь в любых их делах, приведших их в Каир.

Те долго не раздумывали, рассудив, что дополнительные помощники, тем более, из среды местных коптов, им явно не помешают. Они вышли со своим новым знакомым из храма, сели в его джип и поехали, как он сказал, на север от города. По дороге он объяснил, что направляются они под легендарную Эль-Минью и посетят катакомбную церковь Иуды, располагающуюся там.

— Церковь Иуды? — переспросили Таманцев и Ларионов. — Мы никогда ни о чем подобном не слышали. Что же это за образование?

— Церкви Иуды столько же лет, сколько и христианству, — охотно пояснил их спутник. — Объектом поклонения в ней является Иуда Искарот, adeпты ее хранят и изучают его истинную историю и стараются не конфликтовать с христианским миром. Чтобы не привлекать к себе лишнего и назойливого внимания, наши предки почти 2000 лет назад ушли под землю, в катакомбы под Эль-Миньей. Там располагается система храмовых сооружений, наша библиотека, там — ковчег со святыми мощами Иуды Искарота и резиденция нашего патриарха Палладия XVIII.

— Почему же вы выбрали нас для экскурсии по своей обители? — удивился Ларионов. — Честно говоря, я полагал, что вы хотите предложить мне выступить на каком-то вашем мероприятии, — это после того, как вы узнали, что я по роду основных занятий рок-певец...

— Вы ошиблись. Для меня ключевым было не слово «рокер», но название вашего проекта «Я — Иуда». Прибыв на место и встретившись с Палладием, вы все узнаете.

...Они ехали порядка 40 минут по гладкому шоссе, затем джип был ими оставлен и некоторое время они шли пешком по полевой дороге в направлении неширокой реки. Достигнув ее берега, спутник их свернул направо, толкнул какой-то здоровый камень, тот подался в сторону, и перед Таманцевым с Ларионовым открылся подземный ход, в который они и полезли за своим провожатым.

Сначала им пришлось передвигаться на корточках, впрочем, в скором времени лаз расширился — появилась возможность идти слегка согнувшись, а потом и в полный рост. Свернув в боковое ответвление хода, ребята оказались в освещенном электричеством туннеле, воздух в котором был необыкновенно сух и свеж. Пройдя еще сколько-то сотен метров, они, как им показалось, очутились в пещере глубоко под землей, там их попросили подождать.

Однако, ожидание пролилось недолго — буквально через несколько минут к ним вышел чернобородый человек средних лет в одеянии, напоминающем монашеское. Это был патриарх Палладий. Он приветствовал обоих и обратился к Ларионову (опять же по-гречески):

— Рад приветствовать вас и вашего друга. Анти-ной привел вас сюда, потому что считает, что вы как раз тот Иуда, о котором сказано в древнем пророчестве: «пройдет тысяча лет, и почти столько же, и 129 дней, и придет на землю Египта человек с длинными черными волосами и глазами, полными печали, лицо лее его будет светло и скорбно. Называть же себя станет Иудой. И с его пришествия начнется возрождение вашего племени и узнают о вас в мире, и отрет мир слезы ваши, а ангелы возжгут ваши лампы».

— Мой сольный проект действительно называется «Я — Иуда», — подтвердил Ларионов. — Однако я не очень понял, за кого вы меня приняли?

— Вероятно, твое пришествие на нашу землю — предсказанный много лет назад знак нашего возрождения, перелома в нашей судьбе, — сказал ему патриарх Палладий. — Я предлагаю тебе и твоему спутнику побыть у нас столько времени, сколько вы сочтете нужным, чтобы узнать о нас и нашей церкви максимум значимого для вас. Конечно же, если вам это будет интересно. В противном случае не смею вас задерживать... Однако в нашем Писании сказано, что явившийся Иуда должен быть посвящен в наше тайное знание и остаться с нами, чтобы разделить судьбу своего народа... Впрочем, вы вовсе не обязаны соответствовать нашему Писанию...

Заинтригованные, ребята рассказали патриарху Палладию о себе и приняли его приглашение до утра остаться в катакомбах, а далее действовать по ситуации.

В течение ночи же им предстояло ознакомиться с неким документом, который патриарх с почтением назвал «Книга Иуды Искарюта»: по его словам, эта святыня хранится катакомбной церковью с середины I века, то есть с того момента, когда, собственно, сама церковь и возникла.

Палладий сам проводил Сержа и Гену в помещение, называемое им библиотекой, посадил за специально оборудованный стол и вынес им папирусный свиток, содержащий греческий текст...

— Ребята, вы не поверите, — доносилось из диктофона, — у нас в руках оказался действительно необыкновенно древний документ, который, конечно, трудно с ходу датировать, не располагая специальным оборудованием, но мы рискнули бы, тем не менее, предположить, что он был написан в I веке, хотя до сих пор ничего подобного не видели. Нам разрешили в течение ночи работать с ним, позволили делать запись на диктофон. Утром мы примем решение о том, остаемся мы в катакомбах или покидаем их. В случае, если остаемся, диктофон будет доставлен вам курьерской службой. Вы сможете распоряжаться предоставленной вам информацией в соответствии со своей надобностью, но не оборачивать ее против Церкви Иуды. Если же мы примем решение вернуться, мы сами сможем использовать свои записи. Мы договорились работать с рукописью таким образом: в течение ночи или того времени, что позволит нам память диктофона, мы по очереди начитываем на него текст в переводе на французский с листа (с греческого оригинала). Полагаем, что это будет весьма важно для нашего общего дела...

Далее публикуется расшифрованный с диктофона текст, как полагают Таманцев и Ларионов, Тайного Евангелия от Марка (глав об Иуде).

Иудины главы

...Петр сказал: вот, было нас одиннадцать человек, и ходили мы по земле Галилеи и Иудеи в поисках двенадцатого, ибо сказано было Иоанном Крестителем: сила вы, когда вас ровно столько, сколько нужно, чтобы говорить с вами Богу. И скажет он через вас слово свое, когда число ваше станет двенадцать, ибо двенадцать Его число.

И в один день встретили мы на дороге человека блаженного, был он светел и скорбен лицом, а черные волосы развевались по плечам его, а одет он был в рубище. Ноги же его были в пыли, а глаза полны тоски. И звали Его Иуда, и был он блаженный. Этот Иуда исходил из дома Симона красильщика, он умел исцелять недужных, накладывая на них руки. А сказал пророк Иоанн: се грядет красильщик, который выкрасит мир своими красками, се грядет Человек, который искупит смертью своей грехи всех человеков. И будет память о нем в поколениях, и будут его хулить и ненавидеть, но и презираемый, станет он высоко над всеми нами.

И мы сказали Иуде, сыну Симона-красильщика: будь с нами двенадцатым, ибо знаем, что тебя искали. И ответил он нам: сам искал вас. И пошел с нами по дороге. А был Иуда блаженный. И, по дороге идя, так говорил нам: что есть добро и что есть зло? Не одно ли они? Ведь не будь добра, зла не poznали бы. А не будь сладкого, горького не знали бы. А не будь любви, ненависти не знали бы. Все в мире соединяет в себе начало и конец, белое и черное, лучшее и худшее. И одно не познается без другого и не живет без другого. Куда идем мы?

Мы же говорили ему: ведет нас наш вождь и наставник Иисус, которого зреть не дано нам, но дух его с нами по все дни, потому что именем его совершаем мы проповедь свою.

Он спросил: чему учите вы в городах и весях Иудеи и Галилеи?

Отвечали: се грядет новая сила, новая власть и новая вера. Ибо завет, учиненный Моисеем на горе с Богом, миновал, се грядут другие времена, наступает время говорить именем Иисуса.

Он же говорит: что получить надеетесь от своих хождений? И ответили ему:

занимаемся ловитвой человеков, ибо тот, кто в сети наши попадает, становится наш, и вера наша растет и множится, как колосья в колосе зреют. И ответил он: ино побредем, потом придем и мы куда-то.

И приходим в Капернаум. Жители же города того говорят: покажите нам Учителя вашего, потому что не верим вам, пока Его не увидим. И сказал я: вот он, перед вами. И показал им Иуду Симонова сына красильщика. И сказали они: если это Он, пусть покажет, что Он умеет исцелять руками своими. И привели нас в дом одного человека, теща которого недужила и была больна. И Иуда наложил руки на нее и сказал: вставай, хватит недужить тебе, или жар твой спасет тебя и выжжет болезнь твою? И открыла глаза и сказала: отче, знаю, пришел Ты. И встала, и пошла за нами, и стала нам служить.

И тогда привели к нему больных и бесноватых. И каждому на голову возложил руки свои и говорил с ним: вот, добро и зло есть одно начало, ибо добро, борющееся со злом, обретает лик зла; но добро бездействующее тоже зло есть. И неотделимы они друг от друга, ибо отделить их никто не может. Вставай, чадо, и иди за нами, славя имя Иисуса, потому что Он есть ответы на все вопросы, Он начало и конец, Он день и ночь и все в Нем.

И недужащие изживали болезни свои и шли за нами вслед, славя Иисуса, а мы отправились далее. И спросил один у Иуды сына Симонова красильщика: можешь ли пройти по воде аки по суху? И ежели умеешь ты это, то покажи, чтобы всему миру явить, что ты не такой, как все. Он же ответил: смотри на меня и отвечай, стою ли я сейчас перед тобой или иду по воде аки по суху? Тот сказал: стоишь. Отвечал ему: а откуда знаешь это? Сказал: вижу. Отвечал ему: а почему ты веришь глазам своим, или мало они тебя обманывали? И сказал тот: обманывали меня мои глаза. И ответил ему: вот и сейчас не верь глазам своим, они говорят тебе, что стою, а я говорю, что иду. Кому поверишь? И он ответил: тебе.

И снова ходили мы по Иудее и Галилее, и больных и недужащих он излечивал. И сказал нам: братья, ведите проповедь вашу, я же стану лечить недужных. И буду по все дни носить с собой ящик, в который будут люди опускать нам на пропитание, ибо в убожестве своем нуждаемся в их монетах и кусках. Блаженны нищие духом, ибо свободны они и ничто их не привязывает к месту их, нет у них имущества, нечего терять им, нечем дорожить, не за что бояться, свободны они и идут туда, куда гонит их ветер. Так же и мы с вами, братья, бредем по пыльной дороге и солнце обжигает кожу нашу.

И сказал нам Иоанн: не могу спокойно смотреть на Иуду, потому что знаю, что вор, ибо ходит по все дни с ящиком, в который люди кидают монеты. И слышу я стук монет в ящике его, и знаю, что своими нечистыми руками по все дни он этот ящик открывает, чтобы взять монеты из него, и знаю, что часть монет прячет. Ответили мы Иоанну: куда спрячет монеты, если на нем только рубище, а ноги его в пыли и идет вместе с нами куда глаза глядят, ветром гонимый по дороге Иудеи? Сказал Иоанн: думаю, что вор.

И в каждом доме, где учили мы и он лечил, накрывали нам стол и устраивали вечерю, и возлежали мы, и пили вино, и ели опресноки. И говорили мы между собой: вот, нас двенадцать и потому мы сила, и с нами Иисус, вера наша, которая крепнет день ото дня, и притекают к нам новые человеки, и входит Иисус в каждое сердце.

И сказал мне Иуда, когда снова пришли в Капернаум: да лечу я руками, ты же покажи миру Иисуса, потому что сегодня не смогу говорить именем Его. И вошли в

дом прокаженного, и наложил на него руки, я же сказал: се грядет царство Мое, верой Моей укрепишься и через веру свою получишь исцеление. И ушла проказа его, и он восславил Иисуса и, обрадованный, пошел к своим близким, говоря: се вера Иисусова немочи и недуги превозмогает.

И сказал нам Иуда сын Симонов: мы как сеятели, пришедшие сеять семена правды нашей, ибо упавшее на камень не взойдет, упавшее в терние тернием побеждено будет, а упавшее на благодатную почву даст всходы благодатные. Слова наши до одних не доходят, падая в другие сердца, только ненависть вызывают, а в третьих — любовь. Любовь же суть жизни. Так короток путь человека, что не должны воевать, и драться, и ненавидеть, все, что должны успеть, пока здесь — подарить миру любовь.

И сказал Иоанн: ты говорил всегда, что в каждом деле два есть, значит, в любви ненависть должна быть? И ответил: любовь, обращаясь в ненависть, сама становится своей противоположностью и изживает себя. Когда человек перестает любить и начинает ненавидеть, он делает шаг к своей духовной смерти. И сказал Иоанн: как можно только любить и как любить врагов своих? И ответил ему: любовь есть сила всепобеждающая, перед которой никто не властен. Ненавистью можно мериться, любовью — нет.

И я сказал: имеющий уши да слышит, имеющий глаза да видит: какой мерой мерим, такой и нам отмерится, и еще: тайное всегда становится явным — нет нужды лгать и ловчить, когда все равно тебя поймут и выведут на чистую воду. И сказал Матфей: все слова эти надлежат запомнены быть, потому что мудрость в них и соль нашей веры.

И в вечер тот плыли на лодке по морю и налетел ветер. Иоанн сказал Иуде: вот, ты говорил про любовь, покажи же любовь к братии своей, ибо видишь, что погибнем в пучине, укроти ветер. И сказал Иуда: не бойся в сердце своем, ибо будет то, что будет, сам знаешь об этом, а то, что плачешь ты и стенаешь, только силы твои истощает. Не волшебник я и не чародей, не могу запретить ветру дуть и буре быть, скажу только тебе: у каждого своя дорога, которая кончается своим исходом, и другого исхода нет и быть не может. Потому успокойся и думай о том, что буря утихнет и ветер перестанет, наступит завтрашний день и снова пойдем мы по пыльной дороге ловить человек, лечить недужных и говорить слова Иисусовы.

И на следующий день высадились на берегу Гадаринском и увидели там бесноватого, который нагой бегал и кричал, и у губ его была пена. И сказал Андрей: нам вылечить его и пойдет нас славить и рассказывать о нас везде. Ответили ему: как это возможно? И сказал Иуда: я сделаю, приведите ко мне этого бесноватого. И привели к нему, тогда он наложил руки на голову бесноватого и сказал ему: ты есть человек и нелепо тебе скакать и биться, как какому-то зверю. Посмотри вокруг: видишь, по берегу ходит свинья, отдай свой недуг ей, сам же будь здоров, возвращайся к мыслям своим и делам своим. И сказал бесноватый: как отдам свинье немочь мою? Ответил ему: возьми ее в руки, отдай ей болезнь свою и брось ту свинью в море. И сделал так, и перестал бесноваться, и увидел, что он наг и находится вдали от дома своего на берегу моря. И устыдился наготы своей и побрел к себе, а придя домой, рассказал, что Иисус вылечил его и избавил от бесов, изведя их в свинью.

И так ходили по дорогам Галилеи и Иудеи, и ноги наши были в пыли. И люди, веря в силу Иисусову, притекали к нам и старались дотронуться до нашей одежды, чтобы исцелиться от болезней своих, и исцелялись, и славили имя Его.

...И когда пришли в Иерусалим, сказал Иуда: не ждут нас в этом городе и лучше

уйти нам отсюда. На это ответил ему: здесь самое гнездо осиное, в котором злые шершни расплодились. Изгоним шершней и будем сами именем Иисуса. Сказал он Матфею: чувствую, страшное случится, кровь прольется. Не влить молодое вино в старые мехи: разорвутся они, а вино вытечет на землю и обагрит ее кровью от лозы. И сказали ему: нам так надо.

И вечером я сказал ему: пойдешь к первосвященнику и скажешь, что выдашь ему Иисуса за 30 сребреников. И ответил: да минет меня чаша сия, почему я? Сказали ему: потому что ты самый достойный среди нас и войдешь в Царствие небесное первым. Кто-то должен сделать дело, иди, послушают тебя. Потому что о тебе молва идет, что лечишь руками и проповедуешь любовь.

И сказал: не я буду, потому что я не предатель, сердце мое перестало бы биться, если бы предал кого. А Иоанн кричал на него: ты вор есть! Видел я, как брал ты из ящика своего монеты, иди, получи еще монет, ибо оскудел ящик твой и нечего тебе красть теперь! И ответил ему: ты несправедлив, Иоанн, скажи, за что нападаешь на меня и дерзишь мне всякий раз? И ответил ему: от любви до ненависти — один шаг, и я знаю, что не могу любить тебя, а потому желаю ненавидеть. И услышав это, Иуда обнял Иоанна, и поцеловал его, и сказал ему: иду на смерть свою, знаю, что прольется кровь моя, прости меня и помни, что тебя любил каждую минуту больше жизни своей. И плакал Иоанн у него на груди, и плакали все одиннадцать, и я вместе с ними, и сказал ему: не бойся, у меня есть меч, и я сражусь с тем, кто захочет смерти твоей. Ответил он: силы не равны, и помни, что только одним способом можно победить ненависть — любовью. Если увидишь, что не помочь мне, отрекись от меня, не губи себя вместе со мной.

И еще помните, — сказал он. — Что бы ни случилось со мной, сберегите себя, потому что вы — соль земли, слово Иисусово должно вам донести до каждого сердца, чтобы в каждом сердце поселилась надежда. И когда меня не станет, возьмите другого двенадцатого, пусть будет вместо меня.

И пошел к первосвященнику и сказал ему: укажу тебе главного твоего врага Иисуса, если дашь мне за него цену раба — тридцать сребреников. И отдал их первосвященник, и бросил их в ящик, и сказал: тогда идем. И пошли с ним стражники, и привел их к нам, а мы хотели сказать им, что Учитель отошел от нас помолиться. Но с ними был один человек, которого ранее Иуда вылечил руками, и закричал: вот он, Иисус, это Он, я узнал Его!

И стоявшие рядом стражники наложили на него руки, я схватился за меч и хотел убить их, но сказал мне: не трогай этих людей, они делают то, что должно им сделать. Ибо помни, где ненависть, там и любовь, а любовь не знает границ. Они расскажут всем о том, как взяли меня и как принял муки от них. И рассказ о муках моих усилит любовь, и словите вы больше человеков. Я хочу, чтобы вы знали, что предал меня Иуда.

Услышав эти слова, мы все встали, как громом пораженные, и не знали, что сказать и как нам быть. А его увели и через три дня распяли на Голгофе с двумя разбойниками. И, дождавшись ночи, — мы сняли тело его с креста и бросили его мертвого на острые камни со скалы. А наутро люди сказали: это покончил с собой предатель Иуда, который не мог более жить, помня о своем преступлении. Земля та отныне будет зваться Акелмадой — землей крови, и хоронить на ней будем всех бездомных и преступников.

Снимая его с креста, мы плакали все, и более всех плакал Иоанн, потому что он более всех любил его. А потом мы сказали, что Иисус, распятый на Голгофе, воскрес,

потому что жизнь его вечная и всегда он пребудет в сердцах людей вместе с верой, надеждой, любовью — и в головах их вместе с Софией — мудростью...

О дальнейшей судьбе Таманцева и Ларионова

Диктофонная запись оканчивалась словами Сержа:

— Прошла ночь. Мне трудно передать, что сейчас происходит в моей душе. Думаю, что тот текст, отрывки из которого мы сейчас читали, и есть то самое Тайное Евангелие от Марка, в надежде найти выходы на которое мы приехали в Каир. Вы, наверное, обратили внимание — или обратите при расшифровке, что текст его писан со слов Петра; из этого можно сделать далеко идущие выводы: Марк записал в Риме со слов Петра то, что произошло во время странствований апостолов по Иудее; затем, возможно, им же, Марком, было составлено официальное Евангелие. Нас потрясло то, что, получается, никакого Учителя у этих двенадцати и не было. Они объединились с целью перевернуть мировоззренческие устои своих современников, процесс «ловитвы» пошел особенно активно, когда оказался замешан на крови. Кроткий и мудрый проповедник любви Иуда добровольно принял мученический венец и ярлык предателя, чтобы дать возможность процвести общему делу. Правда, с течением времени оно из сферы идеологии перешло в сферу материальных интересов: Церковь именем Христа правила и обогащалась на протяжении веков. А несчастный мученик Иуда таскал за собой нищий деревянный ящик для сбора подаяний на нужды апостолов! Это все, чем они располагали изначально... Как видим, произошли разительные перемены — в первую очередь в головах церковников, которые довольно быстро нашли материальное приложение своему растущему авторитету. Думаю, что текст, переданный нами, в особых комментариях не нуждается. Мы с Геннадием решили остаться здесь. Мы ведь расстриженные монахи, принявшие решение отказаться от дальнейшего служения Богу, столкнувшись с беспросветной лживостью официальной Церкви. Сегодняшняя ночь стала для нас переломным моментом; мы убедились, что, вопреки расхожим представлениям, существует бескорыстное служение идеалам, которые непреходящи на протяжении всей истории человечества. Мы будем здесь до тех пор, пока не разберемся во всех архетипах альтернативного христианству течения. Возможно, мы примем решение остаться здесь навсегда — или вернемся, все будет зависеть от того, к чему мы придем... Этьен, постарайся в ближайшее время обнародовать полученную от нас информацию.

Наша команда из пяти человек вела оперативное журналистское расследование, которое можно было бы озаглавить «Изображение Иуды в канонических и неканонических христианских текстах».

Вот выводы, к которым мы пришли:

- События реальной истории существенно отличались от событий, изложенных в канонических и неканонических текстах, поэтому нельзя считать новозаветные и апокрифические Евангелия историческим источником.

- По всей видимости, Иисуса не было на самом деле, это был человек-фантом, именем которого действовали 12 апостолов, составлявших первоначальный кружок «новой веры», созданный в Палестине выходцами из Иудеи и Галилеи для борьбы с произволом фарисеев и первосвященников, а также с диктатом Рима.

- Именно Иуда принял мученическую смерть на кресте во имя продолжения дела апостолов, то есть Иисусовой проповеди.

- Найденный нашей группой текст Тайного Евангелия от Марка свидетельствует о том, что проповедью и исцелением людей занимались собственно апостолы, среди которых особенно выделялся умеющий врачевать наложением рук Иуда, постоянно пропагандировавший принципы любви и смирения.

- Иуда же стал автором распространенного и приобретшего в конечном итоге статус архетипа христианской догматики сюжета о предательстве: он «сдал» властям несуществующего Иисуса, с которым идентифицировали его самого.

- Видимо, со слов апостола Петра (Марком?) было написано каноническое Протоевангелие, в котором не было особых противоречий, а Иисус появился как полноценный персонаж, предводительствующий кружку апостолов.

- Протоевангелие было переписано на разные лады, текст его перемонтировался много раз: так появились канонические Синоптические Евангелия и Евангелие от Иоанна (в каждом из текстов имеются свои искажения) и апокрифические Евангелия, самым заметным из которых и подробным по подаче материала является Евангелие от Варнавы.

- Апокрифическое Евангелие от Филиппа, по всей видимости, восходит к какому-то источнику, который был осведомлен об истинном положении дел с Иудой, — не зря в его тексте возникает тезис о том, что *Бог — красильщик*, а кроме того, *Бог = Иисус = красильщик = Иуда*.

- *Евангелие от Иуды*, находку которого совсем недавно так рьяно обсуждали во всех СМИ, представляет собой подделку XVI века, сфабрикованную в мастерской Альбрехта Дюрера по заказу Эразма Роттердамского. Полагаю, что данный текст был написан все-таки им, для частных нужд конфронтации с официальной Церковью. При написании *Евангелия* Деизидерий широко использовал свои познания в области гностической философии, космогонии и пр. Подделанная рукопись была спрятана под Эль-Миньей в Египте, но по стечению обстоятельств ее не удалось оперативно «найти», поэтому она пролежала в земле лишних четыре века.

В свете наших находок апостол Иуда, конечно же, должен быть реабилитирован, необходимо полноценное исследование обстоятельств его жизни с привлечением новых источников (пока еще не совсем понятно, каких именно).

Итак, мною был представлен отчет Ричарду Блейку, который, собственно, если вы помните, и сподвиг нашу команду заняться изучением всего, что касается Иуды. При нашей встрече состоялся такой диалог:

— Господин Блейк, наше расследование подошло к концу. Нам удалось выявить некоторые моменты, касающиеся биографии Иуды (например, то, что отец его был красильщиком; сам Искарriot не кончал жизнь самоубийством, а был распят на кресте, а потом сброшен апостолами, выкравшими его тело, со скалы на острые камни; Иуда был наделен даром излечивать страждущих руками, владел редкостным даром убеждения; по всей видимости, он питал особую любовь к апостолу Иоанну, впрочем, никаких свидетельств гомосексуальной связи эти двух людей пока не обнаружено).

— Что со знаменитым *Евангелием от Иуды*?

— Это, несомненно, вопреки заверениям массовых изданий, подделка XVI века. О неоднозначности образа Иуды, знаете ли, думающие люди начали размышлять с самого начала формирования христианского догмата. Данный текст, надо полагать, результат напряженных поисков Эразма Роттердамского.

— Верно ли, что апостолы не симпатизировали Иуде?

— Ничего подобного: в жизни они действовали как сплоченная команда. И только Иоанн постоянно цеплялся к Искарriotу, желая завуалировать свою тайную любовь к нему. В текстах же канонических Евангелий прослеживается тенденция предвзятого отношения к Иуде. Это не случайно: в Новом Завете ни в коем случае не должно было прозвучать сочувственных ноток в адрес Искарriota — он же, по официальной версии, — предатель Христа, поэтому о нем с самого начала и говорят как о предателе. Впрочем, Матфей выражает долю сочувствия к нему, рассказывая о его раскаянии.

— Большое спасибо, Кассе, я вполне удовлетворен работой вашей команды. Жду от вас счетов и... текста книги, которая будет издана на средства нашего фонда.

— А могу я спросить наконец, при ком сформирован этот ваш фонд?

— Ваша версия?

— Неужели при Церкви Иуды?

Блейк загадочно улыбнулся, его молчание можно было принять за согласие... Или он не расслышал то, что я сказал ему? Или не захотел сказать правды?

Вот и закончено еще одно расследование. Все мы, оставшаяся после него в Париже троица: я, Софи и Жерар — ощущаем дику эмоциональную усталость и измотанность.

Ко всему добавляется еще беспокойство за наших друзей, оставшихся в катакомбах под Каиром. Вернутся ли они к нам, и если да, то что это будут за люди? Трудно сказать, ведь и мы здорово изменились за время нашей работы. Что же тогда произойдет с теми, кто взялся перекроить себя, по-видимому, решив отказаться от всех стереотипов и архетипов собственного сознания? Время покажет, время всех вылечит.

Я очень рад за Софи и Жерара, хотя немного завидую им. Может быть, я чего-то не увидел в ней, может быть, упустил свое счастье? Но это я говорю скорее для проформы: слыханное ли дело вот так, просто и не заливаясь слезами, отпускать на все четыре стороны свою подружку, да еще и с лучшим другом? Должно быть, теперь мы станем дружить домами; можно будет заходить к ним, курить, пить кофе, а потом идти к себе — и Софи будет вытряхивать пепельницы и мыть чашки, а я не услышу ее ворчания — к тому времени я уже разлягусь дома перед телевизором. Или с книжкой. Или сам буду писать очередную книжку...

Но сначала отойду от этой. Мне вспоминается рисунок Жерара, который тот сделал, когда ему было лет восемь. В школе нас попросили нарисовать богатыря-победителя, вот мы и изгалялись кто во что горазд: в шлемах и доспехах наши воины сияли улыбками олимпийских чемпионов. А вот у Жерара победитель был совсем не такой: он одиноко стоял посреди чистого пространства, растопырив руки, с которых капала кровь. А в глазах его была усталость и тоска. Он всех победил, он всем доказал, что он — главный, самый-самый сильный... Только вот дальше что?

Что дальше? — спрашиваю я себя. Хочется хандрить, пить бренди, не высовываться из дому, не отвечать на телефонные звонки. И в первую очередь не общаться с прессой! Я знаю, это пройдет, потому что, как говаривал старина Екклезиаст, *все проходит*. А русский поэт Бунин в таких случаях говорил: «Я камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить».

До встречи! Пошел обсыхать и чистить перья. Ждите новостей о грядущих подвигах и поисках агентства СофиТ.

Первые три: «Леонардо да Винчи: второе пришествие», «Ключ Соломона. Код мирового господства», «Фальсифицированная история» — выпущены нашим издательством в 2006 году. — *Прим. ред.*

Как вы узнаете из книги, Кассе открыл агентство журналистских расследований и теперь работает над своими сюжетами не один. Если раньше ему просто помогали друзья и сочувствующие, то теперь все проблемы изначально решает компания профессионалов, дело жизни которых — раскапывание сенсаций, выявление аутентичности данных и т. п. — *Прим. ред.*

Такую формулировку в свое время дал миру любопытный русский поэт начала XX века Владимир Маяковский. Мне нравится прямолинейность суждений, которые Маяковский протаскивает в своих агитках. Впрочем, этот представитель русского модернизма, примкнувший из конъюнктурных соображений к коммунистам, установившим в России красный террор, вряд ли испытывал когда-либо необходимость в этической оценке происходящего. Для него, однозначно, «хорошо» было там, где платят, «хорошие» — те, кто оплачивает его деятельность. — *Прим. авт.*

Кассе, как и многие французы, да и большинство европейцев, не жалуется представителей Соединенных Штатов. Кто знает, чем вызвана такая позиция, но она сложилась исторически и с течением времени стала традиционной. Во Франции презрительно отзываться о янки — хороший тон. Отсюда и многочисленные анекдоты о тупоумии американцев, имеющие транснациональное хождение и бытование. — *Прим. ред.*

Мы приносим искреннюю благодарность нашим переводчикам зато, что они, переводя нелегкий, насыщенный идиомами и сленговыми выражениями текст Кассе, сделали все возможное, чтобы передать его колорит. Они тщательно подбирали соответствующие аналогии в русских конструкциях, проделали кропотливейшую работу и представили нам не подстрочник (что часто случается, если переводчик ограничен сроками и не считает нужным выкладываться на данном тексте), но полноценный художественный перевод. Спасибо вам, И.Перфильева и Э.Янкина, творческих успехов и всего самого доброго. — *Прим. ред.*

Этьен Кассе неплохо знает русский язык; он даже несколько лет прожил в России, так что его утверждения о том, что он самый русский француз весьма небезосновательны, имеют под собой конкретную почву. — *Прим. ред.*

Вы узнали перефразированную мною строчку все из того же Маяковского? У него в конце был Ленин, как же иначе — Маяковский был все-таки придворным поэтом революции. — *Прим. авт.*

Обращаем ваше внимание, что названия многих главок в новой книге Кассе перекликаются со строчками русских песен, стихов и т. д., кроме того автор постоянно отсылает своих читателей к творчеству Пушкина, Маяковского, других русских поэтов. Естественно, использование ассоциативных рядов и прямой цитации русских источников — отнюдь не случайность, ведь Кассе посвятил данную свою книгу России. — *Прим. ред.*

Мы были безумно рады, что так хорошо разобрались: каждый — какой-нибудь директор, так что фактически сам себе начальник и — заодно — подчиненный (ввиду малочисленности кадрового состава агентства). Приятно иметь дело не абы с кем, а с директорами, они люди ответственные, разумные и во всех отношениях *положительные*. — *Прим. авт.*

*SophiTé*_{Co.} — *φp.*

А в коптской философии, как вы скоро узнаете, *софия* — вообще основополагающая субстанция, которой принадлежит авторство идеологии нашего мира; она отвечает за его основную, духовно-ментальную составляющую. См. об этом ниже. — *Прим. авт.*

Геннадий Таманцев — русский монах-расстрига, которого преследовала на родине Церковь за попытку публикации работы, посвященной новым материалам биографии Иисуса Христа. Новые источники Гена нашел во время работы над кандидатской диссертацией по древнерусской литературе. Пройдя через разнообразные приключения, Таманцев вместе со своими эксклюзивными наработками оказался в Париже. Он предоставил мне свои материалы для написания книги «Ключ Соломона». В настоящий момент готовит к изданию свою расширенную работу, которая, чуется мое сердце, будет очередной бомбой, заложенной под твердыню канонического христианства. — *Прим. авт.*

Уважаемые читатели! Наши переводчики очень старались сохранить живость языка Кассе, поэтому постоянно использовали русские эквиваленты французских сленговых выражений. Пусть вас это не сбивает с толку. — *Прим. ред.*

Перевод Д.Смелянской. — *Прим. ред.*

Об этом подробно рассказано в книге «Ключ Соломона». Если особо не вдаваться в подробности, то история Генкиного бегства и расстрижения выглядит следующим образом: Таманцев собирал материалы для написания биографического исследования о Христе. Настоятелю монастыря ход его мыслей и характер привлеченных источников не понравился; Генка был вынужден спасаться бегством, а заодно спасти и свой труд. — *Прим. авт.*

Антон Шандор Ла Вей — основоположник современного сатанизма, автор нашумевшей «Книги Сатаны». — *Прим. авт.*

Кстати, нынешней весной в Париже как раз и произошел очередной студенческий бунт, вызванный полнейшей непродуманностью закона о первом найме. — *Прим. ред.*

В Новом Завете апостолы, обращающиеся к миру с христианской проповедью, называются «ловцами человеков». — *Прим. ред.*

Отношениями называются деловые письма от соответствующей организации, в которой числится ученый или под патронажем которой он проводит свое исследование, в архив или хранилище древних актов с просьбой предоставить предъявителю возможность пользоваться теми или иными источниками. — *Прим. ред.*

Основатель учения Карпократ жил в Александрии в первой половине II века. Представители традиционного христианства, в частности Иринеи Лионский, автор знаменитого трактата «Против ересей», ополчились на Карпократа и его последователей за то, что те «имеют частью нарисованные, частью из другого материала изготовленные изображения, говоря, что образ Христа сделан был Пилатом в то время, когда Он жил с людьми. И они украшают их венцами и выставляют вместе с изображениями светских философов, именно с изображением Пифагора, Платона, Аристотеля и прочих; и оказывают им другие знаки почтения, так же, как язычники... Карпократ и его последователи учат, что... Иисус родился от Иосифа и был подобен прочим людям, но отличался от них тем, что Его твердая и чистая душа хорошо понимала то, что она видит в сфере нерожденного Отца». Известно, что карпократиане «открыто занимались магическими операциями, словно каким-то великим делом, похвалялись своим тщательно изготовленным волшебным питьем, общением с демонами, их спутниками, посылающими сновидения, и прочим в том же роде». — *Прим. авт.*

Естественно, в соответствии с нашим планом нужно было и составить «портрет Иуды» по доступным каноническим и апокрифическим источникам (см. обязанности Софи и Жерара). — *Прим. авт.*

Братья-первосвященники, выведшие народ Израиля из Египта. — *Прим. ред.*

Девочку Софи занесло порассуждать о категориях лжи и истины. Я сначала хотел выкинуть эти ее пассажи и рулады. Но потом подумал, что, в сущности, она права. Просто каждому надо сделать выбор: верить априорно во все, во что ему предлагают верить, или все-таки верить выборочно. Например, вы верите в Иисуса Христа, и это прекрасно. Но следует ли из этого, что нужно верить и в аутентичность Священного Писания, и в авторство евангелистов, и в прочие вещи, которые по сути своей недоказуемы? Если вы считаете, что следует, получается, что вы верите в целую систему, то есть доверяете ей, то есть готовы жить по выдвигаемым ею парадигмам? Это, безусловно, удобно, потому что освобождает от необходимости думать и анализировать. Просто надо иметь в виду, что любая система строится кем-то и для чего-то; стереотипные предпосылки возникновения системы — перераспределение денег и власти. Не забывайте об этом, делая выбор — верить или все-таки думать.

Я и мои сософитчики (и очень может быть, что к несчастью) однозначно сделали выбор в пользу мыслительного процесса; априорных истин нет — есть попытки выдать нечто за априорную истину. А они всегда настораживают и заставляют призадуматься, кому и зачем это нужно. — *Прим. авт.*

Вот вам и одно из противоречий в датировке и атрибутике Евангелий! Если датировать Евангелие от Матфея 40-ми годами, то он мог погибнуть в Эфиопии в 60-м году. Бели же считать, что текст создан в 60-х, то однозначно нет. Поди разбери, где тут путаница: то ли в датах, то ли в именах, то ли и в том и в другом одновременно? Некоторые свободные от христианских убеждений исследователи, например, считают, что невежественному мытарю не мог принадлежать совершенный по архитектонике и стилистике текст Евангелия. Кроме того, они обращают внимание на то, что в нем (в тексте) автор ни разу не отождествляет себя с мытарем Матфеем, из чего и делают вывод, что это вовсе не одно лицо! А кандидатом на авторство Евангелия называют, например, известного литературного деятеля I века нашей эры Иосифа Флавия, автора знаменитого сочинения «История Иудейской войны» (его настоящее имя было Иосиф бен Маттафия). — *Прим. Софи.*

В Евангелии от Марка рассказывается о некоем юноше, который, когда Иисус был взят под страху в Гефсиманском саду, следовал за Ним, завернувшись по нагому телу в покрывало, и воины схватили его, но он, оставив покрывало, нагой убежал от них. Возможно, в этом юноше автор изобразил сам себя, во всяком случае, находятся толкователи Нового Завета, которые настаивают именно на таком прочтении этого фрагмента. Впрочем, каких бы то ни было оснований для этого нет. — *Прим. Софи.*

Мы уже имели удовольствие некоторое время назад поговорить о евангелисте Марке, который, по всей видимости, был автором не одного, а по крайней мере двух Евангелий — официального, вошедшего в Новый Завет, и Тайного, о котором речь уже была и еще предстоит. — *Прим. авт.*

Евангелие от Варнавы — это апокрифический текст, который анализировал Жерар, так что все узнаем об этом документе из отчета Жерара. — *Прим. авт.*

Библеисты и богословы полагают, что Лука описал себя в одном из двух людей, которым было явление воскресшего Иисуса на пути в Эммаус. Впрочем, это предположение весьма субъективно и представляется до конца не обоснованным: главный аргумент сторонников этой версии сводится к тому, что один очевидец видения Христа называется Лукой по имени (Клеопа), а второй — нет. На основании того, что эпизод изложен максимально живо, предполагается, что вторым участником сцены был как раз сам Лука, постеснявшийся назвать себя в своем тексте. С моей точки зрения, весьма дохлая доказательная база, Впрочем, как и все, что связано с фактическим исследованием текстов Нового Завета. — *Прим. Софи.*

Мне кажется, такое допущение Софи выглядит вполне логично. Во всяком случае, оно устраняет верно подмеченные ею в тексте Писания неясности. Впрочем, судить не мне, не считите ее предположения за святотатство; полагаю, что она не собиралась оскорблять ничьих религиозных чувств. — *Прим. авт.*

Я пока ничего не говорила об этом, но некоторые исследователи полагают, что существовало Протоевангелие, к которому восходят тексты всех Евангелий, составленные намного позже, чем можно было бы думать, если принимать на веру их авторство. — *Прим. Софи.*

Конечно же, Софи кокетничает, что абсолютно в ее духе: напрашивается на похвалы и восхищение. Да и грех ее не похвалить за столь скрупулезную проработку текста. Мне кажется, она выжала из Нового Завета все, что можно было выжать, прочитав его текст сверху вниз, снизу вверх, задом наперед и между строчек. Софи, ты умница, и я тобой горжусь, спасибо тебе, я хочу, чтобы все это слышали! — *Прим. авт.*

Думаю, что дотошный анализ палеографических особенностей рукописей, сохранивших апокрифические тексты, а также точное указание на время их написания и т. д. и т. п. в принципе ни к чему. Никто не собирается возводить написанное в них в ранг Истины; нам важно отследить концепцию Иуды в апокрифических Евангелиях, что я и попытаюсь сделать. — *Прим. Жерара.*

Меня очень интересует, Жерар, ты в воду смотрел — или как? У тебя поразительная интуиция, остается просто склониться перед ней, нам всем до тебя далеко, мы просто щенки какие-то на твоём фоне. — *Прим. авт.*

Альбрехт Дюрер (1471–1528). Немецкий живописец и график, основоположник искусства немецкого Возрождения. — *Прим. ред.*

Казалось бы, после того как я нашел письма Эразма Роттердамского, можно было бы уже закрыть тему *Евангелия от Иуды*. Однако, как показывает практика, любую информацию надо проверять и перепроверять, потому что подделать можно абсолютно все, и, соответственно, люди испокон веков подделывают все: документы, информацию, картины, гравюры, подписи, чеки, купюры и вообще ВСЁ. Так что не пытаться получить дополнительную информацию, дополнительное свидетельство чего-то, тем более когда эта дополнительная информация практически идет тебе в руки, просто неумно и неосмотрительно. Таким образом, поездка Ларионова и Таманцева и их отчет не потеряли своей актуальности, несмотря на то, что уже были сделаны практически окончательные выводы относительно подлинности *Евангелия от Иуды*. — *Прим. авт.*

Так было в книге — непонятный разрыв. — *Sergius*.